

АВТОГРАФ

**Сборник факультета журналистики УрГУ,
посвященный выпуску–2000**

© Факультет журналистики УрГУ, 2000 г.



СЛОВО **от автора-составителя** **к выпускникам 2000 года,** **участникам создания** **этой книги**

Дорогие друзья!

Вот и оставили вы свое отражение в пятом выпуске социометрического портрета курса. В него можете смотреть когда захочется, дополнять картину все новыми деталями из глубин своего «тезауруса», о котором вы услышали на первом курсе. На первом же курсе вы ловили «золотых рыбок» для первого портрета выпускников, и многие опубликовались вместе с ними.

Теперь у вас свой портрет.

Вместе с ним на пороге нового века вы вступаете в самостоятельную жизнь. У каждого складываются свои дороги. Не забывайте друг друга, не теряйте из виду, встречайтесь по мере возможности. Из далекого прошлого я представляю, как вы в очередной раз встречаетесь на факультете через 25 лет — и каждый придет с историей своей судьбы за минувшие четверть века. Будет новая книга, не менее интересная, чем первая. Но это я только представляю.

Ваша книга первая выходит под названием «Автограф». Оно наиболее точно отражает социометрическую технологию создания коллективного портрета. В этом портрете есть характеристика каждого. Три автографа — о себе, о преподавателях, о коллегах — позволяют определить и степень открытости каждого, и отношение к общему делу, и уровень исполнения «своих партий», и место каждого в коллективе. Отношение к преподавателям — тоже в первую очередь характеристика особенностей каждого исполнителя, а уж потом — и авторитет преподавателя.

Ну что же! В дорогу! Успехов и счастья вам на многотрудном журналистском пути, и любой другой дороге, которой пойдете!

С уважением, **Л. Кропотков**

НАДО ЧАЩЕ ВСТРЕЧАТЬСЯ...

Четыре года назад мы сидели на кафедре печати. Сколько нас было, пятеро или шестеро, я уже не помню, сейчас мне даже кажется, что почти вся группа. Важно другое. Лена Ивановна Фролова, которая была руководителем практики, уже сказала все, что думала по поводу наших работ, мы тоже «поразбирали» друг друга. Уже заметно стемнело за окном. А мы все сидели, нам не хотелось расходиться. И Лена Ивановна вдруг заговорила о наших «внутренних» газетках. «Видно, что ваш курс достаточно дружный», — подвела она итог. «Правда, это очень сложно сохранить. Понимаете, чем старше вы будете становиться, тем все реже встречаться, все реже говорить: «Привет! Как дела?» И только к концу пятого курса вдруг осознаете, что вам так не хватает друг друга. Может, вы сумеете этого избежать? В любом случае постарайтесь как можно дольше «не расходиться», чтобы потом не пожалеть».

Каким-то десятым чувством мы угадывали, что Лена Ивановна права. Но верить в ее слова упорно не хотелось. Тогда у нас было впереди ЕЩЕ ЧЕТЫРЕ ГОДА(!) — целая вечность. Кажется, мы и сейчас думаем, что все впереди. И еще не один раз мы соберемся у Лидки на даче, чтобы отметить очередную «важную дату». Будем гулять по ночной деревне и искать в темноте отстающих; летом плавать в небольшой, но холодной и с быстрым подводным течением билимбайской речке, а зимой устраивать засады со снежками и закапывать друг друга в ближайшем сугробе. Будем строить планы и ходить в поход не только на один день, но еще с ночевой, да еще не на один день. Будем уговаривать друг друга собраться, чтобы написать очередное выступление. А потом до охрипшего горла, звона в ушах и расстроенной гитары орать при любом удобном случае свои же песни и гордиться тем, что мы в очередной раз оказались «КРУЧЕ ВСЕХ!!!» Будем встречать вместе Новый год с обязательными Дедом Морозом, Снегурочкой и подарками. Мальчишки в очередной раз подарят девочкам стихи к 8 Марта, взамен на наши уверения «в вечной к ним любви и уважении» по поводу 23 февраля. И чьи-то родители опять будут вынуждены уйти на ночь к родственникам или знакомым, потому что их любимое чадо пригласит на свой день рождения толпу прожорливых, кричащих, поющих и совершенно «незрелых» товарищей...

Кажется, что все это не только повториться, но и никогда не закончиться. Но тут опять появляется это противное «десятое чувство». Хотя, впрочем, за эти годы мы смогли его «обмануть», все же старались, по возможности, следовать совету мудрого преподавателя. А если все же мы будем встречаться реже и реже, если на кого-то вдруг «нагрянет» нежданная тоска и захочется снова очутиться на четвертом этаже, в знакомой до боли 4...-ой аудитории, услышать родные голоса... Эта книжка, наверное, и создается

именно ради таких минут. Ради того, чтобы каждый из нас мог встретиться со своими однокурсниками, друзьями и преподавателями тогда, когда захочет. Это не будет зависеть ни от расстояния, ни от времени, ни от наличия денег. И, может, отложив книгу на полстранице, кто-то наберет знакомый номер, скажет, как в рекламе: «Бери и приезжай». И все будет, как много раз за эти пять лет: и друзья, и гитара, и песни, и разговоры «за жизнь»...

...А когда незаметно пройдет ночь, наступит утро, и всем придется расходиться, кто-то в очередной раз умно заметит: «Знаете, надо чаще встречаться»...

Глава I

С ОДНОЙ СТОРОНЫ

*«Смотри в даль — увидишь даль;
смотри в небо — увидишь небо;
смотри в маленькое зеркальце,
увидишь только себя...»*

К.Прутков «Плоды раздумья».



ПРОФЕССИЯ МОЕЙ МЕЧТЫ?..



Пожалуй, ни один ребенок не избежал в детстве банального вопроса малознакомых дяденек и тетенок: «Кем ты станешь, когда вырастешь?» Перебрав к пятому классу стандартный набор «профессий моей мечты» (от врача до космонавта), я определилась: хочу быть художником-модельером. В то время я занималась в художественной школе и четко представляла себе дальнейшую судьбу: Уральская архитектурно-художественная академия (тогда еще Архитектурный институт). Более далекое будущее рисовалось смутно.

Сильным, но не безграничным было мое удивление, когда в архитектурный-таки не поступила. Дело в том, что проходной балл набирали только умные дети из 9-ой гимназии Екатеринбурга. Мы со своей провинциальной подготовкой вылетели с первого же экзамена.

Вернулась домой, работать почему-то никуда не пошла, хотя мама и настаивала.

Как-то принесла в местную (качканарскую) газету стихи. Предложили поработать. Первая статья была по письму девочки, которую изнасиловал в гостинице ее восточный друг. Статья получилась (скромность меня никогда не украшала) убойная.

Кто-то из редакции предположил, что я, вероятно, буду поступать на факультет журналистики в УрГУ. О существовании такого я тогда не подозревала. Узнала все поподробнее и в июне поехала поступать. Поступила без проблем. От первого курса запомнились посиделки у оперного на трехлетию АСВ и бесчисленное количество гостей, которые сидели у нас в комнате в общежитии до трех часов ночи. От всех остальных курсов — выступления на днях первокурсника и экваторах. Но это отдельная история, о которой я могу рассказывать потомкам долго, — пусть приходят.

Что касается практики. После первого курса студенту журфака найти ее практически нереально. Помню самоуверенный поход на все то же АСВ. Нас прогнали оттуда со словами: «Сначала доучитесь до третьего курса!» При этом пока мы ждали аудиенции с Жанной Матвеевной Телешевской (эта встреча, к сожалению, а может, к счастью, так и не случилась), мою подругу постоянно дергали за длинные волосы проходившие мимо сотрудники. После этого мы с гордостью и злостью заявили, что они еще на коленях за нами приползут, и пошли домой ни с чем. Практика первого курса прошла тихо и мирно на радио «Студия Город».

Шок, в который поверг нас однокурсник Саша Жестков, принесся с первой практики 52 сюжета с СГТРК, определил место моей второй практики. Областное телевидение! «7 канал»! Меня увидят родители и друзья дома, в Качканаре! Могу сказать, что эта практика не только обогатила меня в профессиональном плане, но привила еще и организаторские способности. Что может сделать второкурсница с целой ордой еле передвигающихся от старости, пьянства и спеси операторов, водителей и монтажеров? Как показала практика — не все, но многое. Необходимое количество сюжетов я сняла.

Практика третьего курса — моя маленькая гордость. Половину своего профессионального опыта я получила именно тогда, на «4 канале». Пускай первые полторы недели мне приходилось крутить суфлер для ведущего «Новостей», пускай мне не дали возможности читать тексты сюжетов своим голосом, в остальном это была настоящая репортерская работа. Именно такой я представляла себе журналистику. Разразившийся несклади финансовый кризис ударил и по «Четверке». Произошло сокращение штата, и мне не удалось остаться.

Минуло полгода моей нетрудовой деятельности. Заканчивался четвертый курс. Я начала задумываться о постоянном месте работы. Как-то ничего не подворачивалось. Вернулась на «любимое» СГТРК. Сделала пару передач. Тут по счастливому стечению обстоятельств однокурсница Оксана Евдокимова решила учиться в МГУ. Освободилось ее место на «Студии-41» в программе Олега Чеканова «Кинокомпания», которому она меня и порекомендовала. С Олегом мы сработались быстро. Это потрясающий человек и руководитель. Лучшего работодателя в моей трудовой биографии не было. Я начала как корреспондент. Делала сюжеты о фильмах, снимала репортажи и делала опросы о кино. Через некоторое время Олег отдал мне ведение, оставаясь руководителем. К сожалению, «Кинокомпания» прекратила свое существование как получасовая еженедельная программа, оставшись лишь четырехминутной рубрикой в организованном «Новом утре», где я теперь и работаю. Надеюсь, что это ненадолго, и передача вновь обретет свое место и время на «Студии-41».

Вот, собственно, и все, что я считаю нужным поведать о себе. В будущем хотелось бы попробовать себя в чем-нибудь типа маркетинга и рекламы. Уже есть задумки и возможности. Способностей, надеюсь, хватит.



Оксана АРТЕМЬЕВА

С ТРЕТЬЕГО КЛАССА И НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Я родилась далеко от Урала — в Пензе, это Средняя полоса России.

Может показаться странным, но на факультет журналистики решила поступить после того,

как окончила третий класс средней школы. Помню, накануне нового учебного года ко мне подошел папа и предложил: «Давай поговорим. Теперь ты старшеклассница. Нужно определяться. Какая профессия тебе нравится?» Надо сказать, что с первого по третий классы я мечтала стать стоматологом. Аргументировала свой выбор тем, что у моих родителей в старости не должно быть проблем с зубами. Однако серьезный тон отца заставил меня задуматься.

— Мне бы хотелось много путешествовать и знакомиться с новыми людьми, — ответила я.

— Тогда тебе нужно стать либо переводчиком, либо дипломатом, либо журналистом.

Этот ответ решил все. С тех пор я стала добиваться своей цели: сначала была городская газета, потом участие и победа в детском литературном конкурсе, который проводился московским детским фондом имени Саманты Смит, потом Екатеринбург, УрГУ, факультет журналистики... и студенческая жизнь.

Студенческая жизнь... Мне все говорили, что студенческие годы — самые чудесные. Это время открытий и маленьких подвигов, многочисленных встреч, знакомств, трагических потерь и разочарований, это песни под гитару и общежитие — место, где тебе рад каждый знакомый и первый встречный.

Первый раз в общежитие я попала на первом курсе. Мы отмечали 60-летие журфака. Весь вечер поднимали бокалы за Лозовского — «декана самого лучшего», за преподавателей, каких нет ни на одном другом факультете, наконец, за журфак. Закончился славный вечер хоровым исполнением любимых песен. Пели все — от «Машины времени» до Розенбаума и Окуджавы. В итоге, где пели, там и заночевали. Для меня всегда было загадкой, как 10 (десять) человек могут разместиться на ночлег в помещении, где всего 2 (две) кровати! Ответа на этот вопрос я не знаю и по сей день. Общежитское гостеприимство, студенческое братство, взаимопонимание и поддержка (которые, как правило, познаются во время сессии) — пожалуй,

это основные атрибуты моих, увы, уже уходящих, студенческих лет.

За эти 5 лет я сформировалась (как личность или нет — судить не мне). Я приобрела такой жизненный опыт, какой, ни будь я студенткой, живущей вдали от родителей, получила бы очень нескоро. Благодаря журфаку я узнала интересных людей. Могу даже похвастать, что на моих глазах происходило становление «звезды». Я благодарна нашему декану Борису Николаевичу Лозовскому, всем преподавателям — за то, что они не только хорошие педагоги, но и прекрасные собеседники, готовые всегда помочь в решении проблем. Я, наконец, благодарна своему родителю, который посоветовал мне летом 1990 года ехать именно в Свердловск, в УрГУ, на факультет журналистики.



Евгения АШБЕЛЬ

ЕСЛИ ТЫ НА ЖУРФАКЕ, ЭТО НЕ ВСЕГДА ЗНАЧИТ, ЧТО ТЫ ЖУРНАЛИСТ

Как водится, родители беспокоятся за своих чад и, в особенности, за их будущее. Меня с 10-го класса начали тиранить вопросом: «Куда ты будешь поступать?» К тому времени в свердловской школе № 61, где я имела честь получать знания, появилась новый преподаватель литературы. Она отметила мои попытки нестандартного подхода к сочинениям — некоторые из них были в стихах. Уже тогда меня оставили безумные идеи стать либо биологом, либо клоуном-дрессировщиком. Я активно погружалась в лирико-эпические формы. Поэтому мои родители прочили мне филологический факультет. Однако такая перспектива меня отнюдь не вдохновила. И, как бывает в романах, подвернулся «случай, изменивший всю мою жизнь».

Мне как-то встретилась знакомая по драмкружку, которая сообщила, что печатается в газете для старшеклассников «Окно». Меня заинтересовало, можно ли опубликовать в ней мои стихи.

Когда я появилась в редакции, меня поразило то участие, которое ко мне проявили. Почему-то именно оно породило желание попробовать в журналисты. Но с «Окном» у меня «женитьбы» не вышло. Объясняется это тем, что мои заметки были нудны и слишком отвлеченны для такой, так сказать, неформальной газеты.

Тем не менее, я стала посещать подготовительные курсы на факультете журналистики. Не могу сказать, что меня там что-либо особенно впечатлило. В атмосферу ШЮКа я просто не вникла, хотя и понимала его уникальность. Здесь сказалась моя природная недоделанность как «человека об-

щественного».

Для меня, «пацанки», бывшей в школе изгоем за свою инакость, это было время выхода в свет. Первый бал. Я только училась общаться, и это было «на топе».

Появилась первая подруга — Катя Ерашова, тоже поступавшая на журфак. Во время вступительных экзаменов мы даже жили вместе. Очень хорошо помню, как мы готовились к изложению и к истории.

Эпизод первый: русский язык вверх ногами

Наш будущий однокурсник Боря Бабушкин зачитывает нам из сборника диктантов стихи: «Когда цветут в овраге лопухи и зреет гроздь рябины ярко-красной, слагаю я веселые стихи о жизни тленной, тленной и прекрасной» (не гарантирую точности). К этому времени мы были изрядно замучены этими диктантами, и воображение быстро воспроизвело и овраг, и цветущие лопухи. Далее продолжать занятие стало невозможно: смешинка срабатывала на любое слово.

У меня внезапно разболелась голова и я сообщила братьям по русскому языку, что пойду в комнату и постою на голове. Я занималась йогой и восточными единоборствами, но мои приятели были не в курсе и приняли мои слова за шутку. Однако через пару минут они услышали удар в стену (я задела ее ногами), и поняли, что я не шучу. Зайдя в комнату, они остолбенели. Так мы и стояли: я — на голове, а они — вверх ногами (с моей точки зрения).

Эпизод второй: луна и история

Мы с Катей, сидя на балконе с гитарой, читали «Петр I» Толстого.

Катя пела, кажется, свою первую песню. Прямо в лицо глазела огромная белая луна. И я впервые задумалась о том, что мне светит... В общем, жутко лиричные воспоминания.

...Первый курс прошел абсолютно бесшабашно. Зиму я провела в профилактории УрГУ, где мы жили на хлебе с вареньем и честили администрацию почем зря. У меня было время творческого подъема и вместо подготовки к экзаменам я писала стихи. О журналистике вспоминала только на этих самых экзаменах, да когда нам в кашу вместо масла клали маргарин, а потому хотелось крутых разоблачений. Кроме того, я переводилась с отделения телерадиовещания на периодическую печать, так как была неправильно информирована, что отделения разнятся лишь парой добавочных предметов.

...Весна, как всегда, отличилась наличием сумасшедших гормональных всплесков. И с соответствующей начинкой в мозгах я подошла к летней сессии. Она мне быстро осточертела. К тому же я как раз свела дружбу с ролевиками и уехала с ними в леса, «забив» на двоешную курсовую и «хвост» по современному русскому языку. Знала, что не успею ничего сдать, поэтому решила оставить все на осень. После лесных приключений я попробова-

лась в роли журналиста. Опытным аэродромом стало радио «Студия «Город».

С нелюбовью отношусь к политике, но решила-таки попробовать: такой же вкус, как и запах? На тот момент проходили первые губернаторские выборы и было много работы на пресс-конференциях. Мне повезло: я сопровождала одного из лучших политобозревателей Евгения Енина в этих походах и смогла посмотреть на политиков его глазами. Но возиться в этом пласте нашего общества мне не понравилось и еще более оттолкнуло от журналистики.

Осенью с экзаменами опять ничего не вышло, и я легла в больницу. В голове был страшный кавардак: говорят, в это время года обостряется шизофрения. С трудом, при помощи ректора, получила академический отпуск. Мешали этому какие-то бюрократические придирки. Тем не менее, вылететь мне не удалось. И я отправилась «отдыхать» в газету «На смену!».

В редакции царили хаос и анархия. Зато получила интересные знакомства: Лариса Бочарова (зав. отдела культуры), Михаил Орлов (музыкальный спец) и Евгений Сусоров (просто отличный журналист, делавший полгазеты). Они, как ни странно, тоже были связаны с ролевыми и еще больше втянули меня в свою среду. В начале 1996 года я вновь стала учиться, хотя академ еще не закончился.

Курс оказался дружнее и гораздо веселее нашего. И хотя вжиться в него не получилось, но меня вполне устраивала царившая там атмосфера. Мое появление в группе ознаменовалось весьма любопытным случаем. К

8-му Марта я написала в студенческую газету шуточное поздравление в виде признания в лесбийской любви к одной «мужественной» девушке. Однако редколлегия как-то застенялась и на столь рискованный шаг не пошла, не желая портить отношения с сей персоной. Мало того, как это нередко случается, меня заподозрили во Взаправдашнем Лесбиянстве. Такой детский сад и повышенный интерес к моей сексуальной ориентации веселили меня в течение полугода по мере узнавания новых подробностей этой мыльной оперы.

Пожалуй, больше всего меня поразили на этом курсе громадный интерес к чужой «бельевой корзине» и потребность выпускать еженедельные листки о жизни курса. В общем, курс «провонял» журналистикой насквозь.

К 5-му курсу они и меня умудрились-таки «провонять». Все практики были не очень-то удачны: то я писала серию заметок про свои путешествия авто-стопом по Сибири в 1997 году, то просто отписывалась. И все они были связаны с газетой «На смену!». В 1999 году я приняла решение пройти практику в «серьезной» газете. Пришла в редакцию «Подробностей» и сообщила главному редактору, что хочу проходить у него практику. Так как на тот момент я уже полгода работала координатором рок-группы, то решила, что ближе всего мне все-таки отдел культуры. Так началась моя первая плодотворная практика.

Я практически сразу осознала, что именно в такой газете мне хотелось

бы работать. Сам подход к газете как бизнесу мне импонирует. В Екатеринбурге нечасто его встретишь. Зачастую журналисты ведут себя как художники (например, в газете «На смену!»). В результате их работа встречает то же, что и плоды трудов художников, торгующих на Главной аллее рядом с площадью им. 1905 года. Сегодня такие издания чахнут и гложут. У «Подробностей» есть подходящее мне будущее. Хотела бы там и дальше работать.



Алла БЕЛОБОРОВОДА

МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ...

В этой группе я новичок, «второгодника». Дело в том, что почти все мои друзья, с которыми я проучилась большую часть студенческих лет, закончили факультет журналистики в прошлом году. В мою нынешнюю группу я пришла год назад и, конечно, еще не успела со всеми сдружиться, но узнала много интересных людей. Для моих однокурсников я, наверное, «темная лошадка», впрочем, то же самое могу сказать и про большинство тех, с кем судьба свела меня на одном курсе. Что ж, тем интереснее идея этой книги...

На факультет журналистики я поступила сразу после окончания средней школы № 6 задымленного города Нижнего Тагила. Поступила легко и без проблем. Вспоминая абитуру, не чувствую ничего неприятного. Мое поступление было каким-то авантурным шагом, хотя к этой аванюре долго готовилась: к творческому конкурсу у меня была целая кипа материалов, опубликованных в местной газете «Тагильский рабочий». А Тимур Иванов, между прочим, был в приемной комиссии.

Как созрело мое решение поступить на журфак, мне даже и не вспомнить. Честное слово, с детского сада мечтала быть медиком, а как произошла переориентация на журналиста, осталось тайной даже для меня. Может быть, решающей в то время стала мамина фраза о том, что журналистка — это ее несбывшаяся мечта? Мама у меня преподаватель русского языка и литературы в школе. Но в то же время, никакого нажима со стороны родителей я не чувствовала, это был свободный выбор.

Учеба на первом курсе, как ни странно, ассоциируется сейчас у меня именно с напряженной учебой, сидением в библиотеке до позднего вечера. Это было время занятий, стремления доказать, что ты не зря здесь учишься, что ты такой же талантливый (а может, чуточку талантливее), как и все

студенты. Зато последующие курсы (не считая этого, пятого курса) — это время познания жизни большого города, жизни его журналистских кругов. За год мы освоились в столице Урала (мы — провинциалы, приехавшие из области), и столица приняла нас как своих полноправных жителей. Стыдно сейчас признаться, но второй, третий курс я была отдалена от жизни факультета, пыталась создать собственную журналистскую жизнь. Ведь всегда практика кажется полезнее и уж конечно, интереснее теории. Сейчас, на пятом курсе, жаль, что так получилось. В то время появился и первый опыт работы в средствах массовой информации. Я начала публиковаться в газете «Екатеринбургская неделя», это были публикации о молодежной культуре, о музыке. Также мои статьи появились и в газете «На смену!». Но через некоторое время учеба в группе «Теле-радио-» взяла свое. После третьего курса я впервые осталась на практику в Екатеринбурге, в программе «Ночные новости». Успешно её прошла и была принята на работу. Вот тут-то и не заладилась моя учеба на четвертом курсе: в «Ночных новостях» мы работали с семи часов вечера до семи утра, через ночь. А скажите, бодрствуя всю ночь, хочется ли идти на занятия? Конечно, нет. Вот так, благодаря моим ночным бдениям, моей лени, я осталась на второй год (пришлось мне взять академический отпуск) и оказалась в этой группе.

Летом между четвертым и пятым курсом я вышла замуж. Сейчас моя фамилия Кузнецова, но по причине моей лениности все не могу переоформить документы. Мой муж не имеет никакого отношения к журналистике, но уважает мою специальность как, я думаю, какую-то экзотическую. Сейчас мы ждем ребенка, а к выходу этой книги в свет он уже родится. Так что пока мои ближайшие планы на будущее связаны с воспитанием малыша, но и профессиональную деятельность я в долгий ящик тоже откладываю не собираюсь. Свое будущее хочу связать с периодической печатью, потому что в процессе обучения мое представление о журналистике изменилось. Когда я поступала в УрГУ, то выбрала группу «ТВ и РВ» по внешнему блеску. Но поработав и в газете и на ТВ, поняла, что больше тяготею к газетным жанрам. Дело в том, что в газете творчество индивидуальное, а на телевидении и радио в любом случае коллективное — результат зависит от работы журналиста, оператора, монтажера и т. п. Конечно, изменилось и отношение к профессии журналиста в целом (но охота заниматься журналистским ремеслом все же не пропала). Очень сложно быть независимым, наверное, даже и невозможно...

Но вот что интересно, при всей зависимости журналистов от власти, от издателей, от редакторов газет, от экономики и от десятков таких же обстоятельств, факультет журналистики остается независимым(!). Возможно, это только кажущаяся независимость, но я так не думаю. Не зря говорят про особый дух факультета, проучившись шесть лет, начинаешь чувствовать — он действительно есть. А сохраняется он благодаря двум людям, в первую очередь, Борису Николаевичу и Марии Федоровне. Да здравствует alma mater!



Людмила БЕЛОУСОВА

О ЦВЕТЕ СТЕН НЕ ДУМАЙ СВЫСОКА...

Когда начинаешь думать на тему «Я и факультет журналистики», невольно всплывает в памяти вопрос, которым нас затерроризировали на первом курсе: «Почему ты пошел по стезе журналистики?» И почему-то ты сегодня начинаешь отвечать на него не так, как делал это пять лет назад...

Ну, конечно. Я ступила на эту скользкую тропинку единственно из-за чрезмерно развитого гедонистического чувства (скажется почти что законченное высшее образование, черт возьми!). Видите ли, не понравились мне грязно-желтые стены! Не обратила бы тогда внимания, была бы сейчас умной, красивой и независимой деловой леди.

Годы обучения в школе закончились как-то резко и неожиданно. И некоторая часть бывших школяров оказалась в положении коммунальщиков, которых в очередной раз удивил приход зимы и выпадение осадков в виде снега. Конечно, это должно было когда-то произойти, но вот так сразу... В числе таких недоумевающих была и я. Вопрос «кем быть?» почему-то не возникал. В голове вертелось одно: «ЧТО ТЕПЕРЬ ДЕЛАТЬ?» Славное прошлое отличницы обязывало совершить какой-нибудь решительный и главное — правильный шаг. Но ноги не слушались. Да и слушаться было, в общем-то, некого, потому что голова молчала, а родители, избрав демократическую линию моего воспитания, следовали ей. На помощь пришли учителя. Они-то точно знали, что такая способная девочка должна пойти учиться на факультет иностранных языков в Нижне-Тагильский педагогический институт. Почему на «ин.яз.»? Потому что престижно. Почему в Нижний Тагил? Потому что ближе к дому: от Верхней Туры до Тагила меньше двух часов на электричке, не то, что до какого-то там Екатеринбурга. Все логично, все правильно, все верно.

Итак, учебник по английской грамматике вызубрен на добрые три четверти. Я еду в Нижний Тагил сдавать документы на поступление. До экзамена остается недели две, а уверенности, что я горы сверну, не поступлю, как не было, так и нет. Вот уже и вокзал, трамвай, остановка, институт. Боже мой, какие ужасные желтые стены... Приемная комиссия, заполнение анкеты и снова грязно-желтые стены. Да еще студенты вокруг бегают со злыми, напряженными лицами (позже я догадалась, что это, скорее всего, были

несчастные «хвостатые», а не злобные монстры).

В общем, документы сданы, мама сияет, а у меня настроение на нуле. И чем дальше мы удаляемся от института, тем ниже оно падает. Меня хватило на три трамвайные остановки. Затем ошарашенная родительница и решительно настроенная я, балдея от собственной смелости и дурости одновременно, оказались в другом трамвае, снова в институте перед слегка удивленной дамой из приемной комиссии, и, наконец, в электричке, на пути домой. Впереди меня ждали обескураженные учителя, друзья, родные и знакомые, год работы в редакции местной газеты со звучным именем «Знамя победы» и поступление на журфак в 95 году. И еще — странное чувство облегчения и грусти сейчас, когда я пишу эти строки. Кажется, я уже начинаю скучать. Всегда начинаешь скучать, когда покидаешь обжитое место: детсад, школу, родительский дом, университет, первое место практики... Кстати, прекрасное было место и время: этакое мини-телевидение в городе Красноуральске, где ты на фоне телевизионщиков-любителей даже после первого курса журфака чувствовала себя если не телезвездой, то молодым специалистом точно. Теперь вроде бы тоже все хорошо: интересная и разная работа на известном в городе канале («АТН»), сбой в которой случаются стабильно два раза в год, когда на головы бедных студентов сваливается как снег на голову сессия. Еще немного, и мы избавимся от этой головной боли, как и от гордого звания «бедный студент». Но, почему-то особого восторга при этом я уже не испытываю.

Все-таки, хорошо, что на моем жизненном пути вовремя встретились грязно-желтые стены...



Игорь БЕРЕЗОВИК

НЕМНОГО О СЕБЕ

Последний крик корабельной сирены!

Прощай навсегда, богом забытый, продрогший от холодных ветров и промозглый от тесного соседства с Финским заливом, Высоцк! С Питером я попрощался навсегда еще 10 месяцев назад, а еще 10 месяцев назад попрощался с Анапой. Шел декабрь 1994 года. А еще через полгода я сдавал вступительные экзамены на факультете журналистики.

Сказать, что это было легко — значит, не сказать ничего. Но в памяти остался лишь один миг — море событий просто накатило на меня, и я потерялся в нем. Но сентябрь напомнил о том, что это был не предутренний сон, а реальность. Жизнь в универе в сентябре закипела с удвоен-

ной энергией. Сама природа тогда радовалась тому, что мы учимся на первом курсе. Лето долго не хотело сдавать свои позиции, как будто все представительницы прекрасной половины человечества сговорились.

В сентябре-октябре ни одна аудитория на факультете не могла принять всех «жаждущих знаний», камчатское население частенько просто «затапливало». Все тогда было в новинку и имело какую-то свою особенную прелесть, которую сегодня, мне кажется, передать просто невозможно. Я был самым старшим студентом в нашей группе — мне шел тогда двадцать второй год, тогда как всем в основном было по семнадцать — восемнадцать лет.

Учиться было интересно, весело и легко. Если, конечно, не брать в расчет занудные предметы, которых было немного, но два-три в семестре обязательно присутствовали. Лекции были поделены для себя на лекции под разговор, лекции под пиво и просто лекции. А после них прогулки компанией или с кем-нибудь вдвоем по интересным местам большого города. Сложнее всего было успевать везде. К тому же через два дня после окончания первой сессии я женился (слава тебе господи, на девушке, не имеющей никакого отношения к журналистике), а под конец второй, в тот день, когда мы все дружно решили спор между Ельциным и Зюгановым в пользу первого, я стал отцом маленькой Екатерины Игоревны. Это событие в первые дни принесло уйму радости, но чуть позже отработка в приемной комиссии показалась мне раем в сравнении с тем, что происходило дома.

Первая летняя практика в газете «Березовский рабочий» вслед за «отработкой» запомнилась мне больше последующих. Шумная неразбериха, царившая тогда дома, и уютный отдельный кабинет в редакции — контраст еще тот. И не беда, что не все получалось, что посылали на самые неблагоприятные задания, что материалы резали, как хотели. Ведь все это было впервые!

Обязанности главы семьи заставляли меня все больше уделять времени работе, и все меньше оставляли его на неформальные встречи с сокурсниками. Вследствие этого я с каждым годом все как бы дальше и дальше удалялся от нашего дружного коллектива.

Вторую свою летнюю практику я проходил в одной крупной торговой компании, где с нуля создал внутреннюю малотиражную газету. Два года работал над газетой один (и корреспондент, и редактор, и дизайнер, и распространитель, и...). Буквально на днях руководство компании приняло мои аргументы и пошло на увеличение объема и тиража корпоративного издания, а также на расширение штата редакции. Чему я теперь несказанно рад.

Время летело — рундук за спиной пополнялся вещами, жизнь без которых уже казалась невыносимой. Учиться становилось все интереснее и спокойнее, появилась уверенность в своих силах, и уже не было той «нервотрешки» во время сессии, что на первом курсе. Когда мне надоедала зубрежка, я просто включал компьютер и отрывался в «Red Alert», «Quake», «Star Craft», «Half-Life» до утра, а потом с безумной головой ехал сдавать безумный экзамен.

И вот теперь, когда я пишу эти строчки, остается сдать всего лишь два экзамена в последнюю сессию и один, самый главный, за все четыре с половиной года обучения. А время по-прежнему летит с какой-то ему одному известной неумолимостью, и уже скоро раздастся последний крик университетской «сирены»! А что там дальше?..



Анна БОРЩЕВА

БОРЩИК

Меня зовут Анна Борщева. После школы собиралась поступать в Архитектурный институт, но решительно передумала (знаете ли, все эти бесконечные натюрморты, головы). Следовательно, журфак. С 1996 года работаю на телекомпании «4 канал». Люблю программу «Утренний Экспресс», так как делала в ней свою вторую журналистскую практику (сюжеты плохие, сюжеты хорошие). Потом работала как репортер. Недолго. Потому что... во мне проснулся мультипликатор — короткие «промо» лепила из пластилина.

На самом деле, мультипликации я нигде не училась, и как меня сюда занесло, внятно объяснить не смогу. Но, тем не менее, с пластилином я провозилась около года и плавно перешла на рисованную анимацию. А заодно ушла из программы «Утренний Экспресс» в отдел Спецпроектов, под руководство Олега Раковича (легенда... наша).

На 8 марта — заказ на короткие промо-поздравления. Лепила.

Маленькая, не перенесшая кризиса, газета «Свежие объявления» — проект холдинга. Ей требовалось «промо». Рисовала.

Евгению Енину оформляла полностью программу «Смотритель» — рисованная анимация, много позже делала «промо» для всех его программ, используя совершенно иные технологии.

Из отдела Спецпроектов я перешла в отдел Теледизайна, где и намерена остаться. Распрощалась с традиционной покадровой анимацией и занялась композитингом.

Наш отдел занимается созданием имиджа холдинга. Даже знаем слово брэндинг... Мы оформляем программы и эфир, создавая заставки, «промо» канала, рекламные отбивки, новогоднее оформление и т.д.

Я с трудом вписалась в коллектив отдела теледизайна — все мужчины... Освоить компьютер — чепуха, научиться работать в специализированных программах — сложно, но я уже кое-что умею. Написать пакет сценариев

промо, слоган предложить — моя прямая обязанность. Но терпеть притеснения от нашего ведущего дизайнера!.. Впрочем, в нашей среде так принято, пока ты не покажешь классный дизайн, или хотя бы не начнешь делать успехи, будут к тебе относиться, как к «девочке тра-ля-ля». Эту напасть я уже, кажется, пережила. Во всяком случае, я сделала работу, за которую не стыдно.

Каждый рабочий день (а наш отдел работает без выходных) заканчивается в двенадцать — час ночи (да позже, позже...). Ночью работа спорится.

Музыка — jazzy house, UK garage, drum'n'bass/intelligence, breakbeat, electronic, euro-trance, minimal techno, Cranberries (мой вкус), иногда с бутылкой «Старого мельника» и — порядок.

Меж тем, не подумайте, что я не умею развлекаться и отдыхать.

Летом мы прыгали с парашютом... Зимой — сноуборд.

А еще мне нравится Дина Рубина, Милорад Павич, Воннегут, Стейнбек, Жан Поль Сартр...



Катерина БРЫЛЕВА

О Журналистике, о Журфаке и об Удовольствии

Не знаю, стану ли я когда-нибудь профессиональным Журналистом. Журналистика отрицает наличие и дома, и семьи, и друзей. Только Журналистика, и ничего больше. Компьютер превращается в монстра: утром он получает тебя свеженькой, а вечером выплевывает на улицу, как изжеванную жвачку. Работа по 14 часов каждый день,

ты можешь позволить себе одно: снимать однокомнатную квартиру с телефоном. И все.

Впрочем, я никогда не жалела, что поступила на Журфак: я получила неплохое образование. А по большому счету, за этим я и приехала в Екатеринбург 5 лет назад из небольшого городка Миасс Челябинской области. Тогда все виделось по-другому, в розовом свете.

Помню свое первое впечатление от Журфака: курят почти все, много, и, по-видимому, до тошноты. Универ даже объявлял табачную войну. Вероятно, пытаюсь образумить, в первую очередь, Журфак. Сами понимаете, мало помогло. Потом Универ-таки одумался и загладил свою вину евротуалетами. По-моему, так и было.

Из все предметов меня удивляла... нет, не высшая математика, а... физкультура. Понятно, может случиться всякое: и камера весит далеко не килограмм, и бегать приходится много. Но вот зачем нас учили эротическим танцам, этого до сих пор не пойму. Представьте: дама, ну, очень бальзаковского возраста, стоя к вам спиной, исполняет неприличные телодвижения.

Даже девочки с Журфака краснели. Правда. Одна из нас потом все же занялась стриптизом... Но не этим прославилась моя группа.

От нас, наверное, останутся три вещи: конспекты Ирины Градобоевой, таблички на столах в ТСО и воспоминания преподавателей о том, как вся группа точно к девяти приходила на все экзамены и зачеты. Что мы только не мудрили пересказывать друг другу — даже «Улисса» Джойса. С каждой сессией сдавать экзамены становилось все проще, а с каждой практикой все меньше тряслись коленки перед выездом на съемки, и голос за кадром становился четче. От первой практики (я проходила ее в Челябинске, на ЧГТРК, в новостях) осталось единственное воспоминание: колоссальное удовольствие от каждого сделанного сюжета. Такое, почти животное удовольствие. Потом, работая в новостях на СГТРК и «Студии 41», в программе «Навигатор» на АТН, я никогда больше не получала такого удовольствия. Были разные ощущения, даже какая-то гордость за себя, но не удовольствие. Наверное, с той, с первой практикой, у меня будут ассоциироваться и Журфак, и Журналистика.



Ольга ГАУМАН

ЗАТО Я НЕ «ПЕДИК»!

Как здорово, что я не поступила на филфак в Пединститут. Конечно, было обидно, когда не хватило одного балла, чтобы пройти по конкурсу. Но уже где-то через полгода поняла, что расстраиваться по этому поводу совершенно не стоит.

После неудачного поступления я сразу устроилась работать в библиотеку пединститута до следующей попытки. Выбор места работы меня очень даже устраивал. В старших классах я меч-

тала одно время быть археологом: ужасно манили раскопки древних городов, старинные развалины зданий. Потом хотелось стать библиотекарем. Море всякого чтива, посетителей мало, тишина — мечта поэта, одним словом.

Это тишины и покоя я вкусила по полной программе. Какое там с книжечкой валяжно, целый день как Сивка-Бурка... Да, литературы за день брала в руки много, но только для того, чтобы горами выдавать ее нерадивым студентам, которые драли книги нещадно. Тогда еще ксероксы не в моде были. Да и начальство не особенно жаловало. Как только видело нас с газетой или книгой в руках, кричало: «Это вам не изба-читальня, идите лучше обеспыливать!» Зато мы исполняли высший пилотаж, которым балуются и в университетской библиотеке. Не зная автора и точного названия книги, только руководствуясь тематикой и цветом обложки, слету найти то, что нужно.

Очень интересно было повариться в этой атмосфере. Массу всего узнала о факультетах, и о филфаке в частности. От этого желание вновь поступать туда очень поубавилось, да и вообще пединститутом как-то не прониклась.

А тем временем сестра уже поступила на журфак и все больше приходила в восторг от самого факультета и преподавательского состава особенно. Она меня прирастила к совершенно первоклассным журфаковским капустникам. Даже помню тот дебют преподавательской команды на «Весне факультета». Жаль, что это не получило развития, потому как преподаватели у нас с большим чувством юмора, и нисколько не уступали студенческой команде. Наверное, с этого момента и запала в душу мысль о поступлении на журфак. Нужны были журналистские материалы, поэтому пошла в «На смену!», сделав пару попыток создать нечто «съедобное».

Все это: курсы, сдача экзаменов, зачисление, пронеслось так стремительно, что вспоминается как один день, ужасно волнительный и безумно трепыхательный. До сих пор, созерцая толпу абитуриентов у входа в университет, мурашки по спине бегут.

Так получилось, что журналистикой сейчас не занимаюсь. Была пара практик на первых курсах. Но дальше увлек компьютерный дизайн газет и журналов. Не могу сказать, что собираюсь посвятить этому всю жизнь. Думаю, будет и журналистика впереди и еще не весть что... А пока мне ужасно нравится моя редакция журнала «Деловой квартал», вообще сам Абак-пресс, где работают очень коммуникабельные люди, профессионалы в своем деле. Я благодарна, что есть на моем пути журфак и все те личности, с которыми приходится общаться. Осознавая, что скоро придется распрощаться факультетом, нет сожаления. Подходит к концу еще один этап жизни, такой маленький и такой яркий. Что-то там ждет впереди?..



Анастасия ГОРЧАКОВА

КАК Я ПРИШЛА В ЖУРНАЛИСТИКУ

На журфак я поступать никогда не собиралась. Вот театральные или международные отношения! Даже ходила на подготовительные курсы. Но когда пришло время вступительных экзаменов, как-то резко пропал интерес и к театральному, и к СИНХу.

Старшая сестра Лена, окончившая журфак в 1991 году, периодически просила «написать чего-нибудь» для газеты, где она работала, якобы ей нужны были «свежие идеи». Писа-

ла я в «Вечерний Первоуральск» не напрягаясь, но и без особого желания. Все мои работы публиковались, но я этому никакого значения не придавала.

После школьного выпускного дома собрался «семейный совет», где мои ближайшие родственники, озабоченные моим будущим, настойчиво попросили «выкинуть дурь из головы и определиться по-взрослому» с выбором профессии. Сестра предложила поступить на журфак.

Еще учась в школе, я часто приезжала к сестре на Большакова, 79, гостила на каникулах. Ее соседи водились со мной. Помню, Вадик Челиков играл со мной в карты и водил в студенческую столовку, называя ее «тошнеловкой». Поэтому, когда речь зашла о журфаке, я очень захотела пожить в общежитии, ведь там так весело было!

К вступительным экзаменам практически не готовилась. Сдача экзаменов была для меня как бег с препятствиями, преодолев которые я получу приз. Сдала я их средне. Считаю, что это была очень большая удача, поскольку на экзамене мне попадались билеты, которые я изучала перед тем, как зайти в аудиторию. Наступил день зачисления. Я сидела в конференц-зале с новыми своими приятелями — абитурой: Сашей Коневым, Женей Сторожевой и другими. Лозовский зачитывал список зачисленных. Фамилии шли по алфавиту. Моя фамилия должна была прозвучать в начале. Но, увы. От ужаса, что не поступила, зазвенело в ушах, перед глазами все поплыло. Лозовский закончил перечислять счастливчиков. Вздохнул и добавил, что по полупроходному баллу зачислены Анастасия Горчакова и т.д. И тогда я заплакала, а мои уже будущие одноклассники подходили, обнимали, радуясь, что мы «прорвались».

«Семейный совет» ликовал и тоже плакал от радости. А соседи пообещали привезти мне в общежитие ведро картошки.

Те статьи, что я писала по просьбе сестры, пригодились на творческом конкурсе.

Первая моя практика была на Курганском информационном телевидении, где я в очередной раз поняла, что всему придется учиться самой, никто для тебя палец о палец не ударит. После второго курса мне не удалось избежать, как и многим журфаковцам СГТРК. Тогда я поняла, что в Кургане была сказка, а не практика. Закончив третий курс, я решила попробовать себя на радио. Коллектив службы информации «Радио СИ» до сих пор считаю одним из лучших журналистских коллективов. По окончании практики предложили остаться, но пришлось бы работать, что называется «за идею». На 4 курсе и за идею? Нет, это мне не подошло. Работа в информационном агентстве «Регион-Информ», а затем «Агентстве политической информации» определили, как мне кажется, мое ближайшее будущее. Сейчас я работаю в отделе неполитической информации АПИ. Очень люблю свою работу и коллектив.

ПРОФИЛЬ, АНФАС, ФАС

Моя жизнь на факультете примечательна тем, что все пять лет я нигде не работала (за исключением летней практики). Я посещала практически все лекции; честно и преданно смотрела в глаза преподавателям: и любимым, и ненавистным, и просто хорошим людям. Такая принципиальная позиция в отношении работы поначалу объяснялась просто: успею наработаться, — позднее я поняла, что не смогу разрываться между работой и учением. Я выбрала учёбу, и лишь летом полностью погружалась в творческие искания. Ещё одна причина моего «нерабочего» состояния — помощь родителей. Вот

кому я в первую очередь поклонюсь, получив диплом. Видимо вспоминая свои студенческие годы, когда из-за финансовых трудностей, пришлось бросить МГУ, папа сказал: «Учись, а мы поможем». Спасибо, родные!

В журналистику я пришла однажды и ненадолго, как казалось, в далёком 1993 году. После окончания 9 класса мы — поколение будущего, которые пришли в первый класс в год «перестройки», пережившие период «октябрят» и даже «пионеров», и незнавшие о близких экономических крахах и войнах — выбирали КЕМ БЫТЬ. В нашем прекрасном, зеленом городе Тольятти было всего два высоко котируемых вуза: пединститут и политех. Так как я с раннего детства не дружила с математикой (хотя и имела твердую четверку), а позднее и с другими точными науками, то путь в политех мне был заказан. Поэтому я думала, что придется поступать в педагогический на факультет филологии. К счастью, в УПК (для непосвященных: учебно-производственный комбинат) в списке предлагаемых специальностей была журналистика. По фильмам и книгам я представляла эту профессию какой-то особенной, захватывающе интересной, богатой на впечатления и встречи. Именно через УПК я и попала в Школу молодого журналиста. Родители спокойно восприняли такой поворот в моей и, отчасти, их судьбе. Надо сказать, что в семье не было ни одного журналиста или человека сколько-нибудь близкого к этой сфере. В основном, моя многочисленная родня — это рабочие, есть один сотрудник КГБ (теперь уже на пенсии), один бухгалтер и один экономист. Мама, папа и старший брат трудятся на благо страны, города и семьи на Волжском Автозаводе.

Небольшое лирическое отступление. Когда на первом курсе меня спрашивали: «Откуда ты?» — и слышали в ответ: «Из Тольятти» — реакция в большинстве случаев была одна: «А почему же ты сюда приехала учиться,

в Москву же ближе». Душу просто согревали эти слова. Ещё бы — лестно было, что некоторые считали: Тольятти находится в Московской области. Правда, однажды я услышала просто безумный вариант: Тольятти оказывается — Прибалтика! Что касается близости к Москве, то до неё из Тольятти ходу поездом 20 часов, до Екатеринбурга — 25. Так что сами считайте близко или далеко. Почему я выбрала именно журфак УрГУ? Просто моя преподавательница из ШМЖ — Алла Алексеевна Андреева была его выпускницей. Редактор газеты «Тольятти сегодня», где публиковались мои первые статьи, Андрей Уланов — тоже выпускник нашего факультета. А на момент моего обучения в ШМЖ первокурсниками журфака стали Оксана Куваева и Виктор Острешко (выпускники ШМЖ). Так что представление о факультете я имела достаточно полное, с яркими иллюстрациями из студенческой жизни. К окончанию 11 класса сомнений в том, «куда пойти учиться», не было. Только журфак. Только журфак УрГУ. А чтобы желание это осуществилось, нужно было иметь хоть какой-нибудь опыт работы в газете. Хотя на факультет, как говорили представители приемной комиссии, можно попытаться поступить и без печатных работ. Но для меня «можно попытаться» (неуверенным и снисходительным тоном) значило: зря терять время. Поэтому за два года учёбы в Школе молодого журналиста, я активно писала всякие рассказы, зарисовки и статьи. Конечно, они не все были опубликованы, но к июлю 1995 года их набралось аж 15 штук. С ними я и приехала в Екатеринбург. И, если уж пишу эти строки, поступила на журфак.

Поступать мы ехали с Танюшей Антошук (из ШМЖ). К сожалению, Таня не поступила. Получив по изложению «тройку», она не стала сдавать историю (за что ей немного досталось от Аллы Алексеевны). Теперь Татьяна работает в Тольятти в телекомпании «И.К.С.» и учится заочно в Санкт-Петербурге.

Вообще, вступительных экзаменов я не боялась. Изложение, сочинение на свободную тему — чего бояться? Но вот перед зачётом (!) по истории меня немного трясло. Дело в том, что в школе истории у нас постоянно менялись, а потому мы относились к этому предмету прохладно, да и учителя не особо напрягались. В результате знания великой науки оставляли желать лучшего. Летом пришлось здорово корпеть над учебниками, восстанавливая пробелы. Но всё обошлось: на зачёте нам раздали листочки с пятью вопросами и вариантами ответов. Чтобы получить зачёт, нужно было ответить правильно на три вопроса. Я ответила на два, но так как в экзаменационном листке у меня уже стояли «4» за сочинение и «5» за изложение, преподаватель задал несколько вопросов (один из них: назвать партии, которые существовали в России до 1917 года. Помню его, т.к. тогда забыла назвать октябристов, и преподаватель долго намёками пытался добиться от меня ответа и поставил зачёт). А через неделю я уже официально считалась студенткой.

Иногда вспоминаю статьи, представленные на творческий конкурс — господи! — какая наивность, какие детские замечания и размышления. Но мне

казалось, что люди прочтут и задумаются. Это сегодня, с высоты пятого курса и двадцати лет, я понимаю, что моё творчество было младенческим лепетом (наверное, поэтому и получила на творческом конкурсе «четыре» за, как любят говорить любимые преподаватели журфака в лице В.Ф.Олешко и Р.Л.Исхакова, «творческость» — простите за тавтологию). Но всё объясняется тем, что печаталась я, в основном, в молодежных газетах Тольятти: «Форточка» (напечатана самая первая заметка о конкурсе по экологии в городских школах), «Мухомор» и «Лестница» (ежемесячное молодёжное приложение к газете «Тольятти сегодня»). Было всего три серьёзных материала, удостоенных страниц «Тольятти сегодня». Это моя оценка забастовки учителей Тольятти в 1995 году, когда мы не учились с марта по май, а ведь наш класс был выпускным. Меня здорово раздражала подобная ситуация, и я высказалась на все 100%. Статья должна была появиться в июне в «Лестнице», но редактор Андрей Уланов поставил ее в майском номере «Тольятти сегодня». После чего мама сказала: «А не боишься теперь в школе экзамены сдавать?» (в мае забастовка кончилась и шла подготовка к экзаменам). Учителя ничего не говорили о моём «шедевре», а директор уже при вручении аттестата заявила, что надеется на то, что я стану хорошим журналистом. Так что мою статью учителя проигнорировали (меня, если честно, это задело; хотя неприятностей и не хотелось, но могли бы хоть как-то отреагировать!). Вторая серьёзная статья — о Первом международном фестивале детского творчества, телевидения и прессы «Золотая осень Славутича» (город Славутич, Украина, октябрь 1994 года). Я была участницей фестиваля, и вместе с Таней Антощук и фотографом Витей Ивановым представляла ШМЖ и молодёжную прессу не только Тольятти, но и всей Самарской области. В Славутиче мы провели две недели — это постоянные пресс-конференции (с группой «НА-НА», с руководством Чернобыльской атомной электростанции, ребятами с РТР из программы «Там-там-новости»), экскурсии, концерты, вечерние посиделки и разговоры с коллегами. Для меня это была первая большая журналистская практика, ежедневная работа и ночные корпения над статьями. Это была и первая оценка моему труду: почётное третье место в номинации «Материал о Чернобыльской АЭС» и в качестве приза — фотоаппарат «Полароид» (который сейчас валяется забытый и запылённый). Кстати, этот материал с неоригинальным названием «ЧАЭС: вчера, сегодня, завтра» я считаю третьим серьёзным в моём «детском творчестве». Тогда я знала минимум теории и творила исключительно на уровне интуиции, потому что нравиться мне из работ дожурфаковского периода мало что (О, господи! Какие безграмотные фразы. Надеюсь, мои мемуары никогда не попадут в ласковые руки кафедры стилистики).

А знаете, что меня больше всего раздражало и раздражает? То, что совершенно «левые» люди, ничего не понимающие в журналистике, начинают тебя учить, о чём надо писать и, самое главное, как. То, что начинают жалеть: ах ты бедная, и что же ты журналистом-то решила стать, ведь убивают их (так обычно сетуют старушки). На первом курсе я частенько говори-

ла соседям в поезде, что учусь на филологическом (потому что доставали поучения). Если спрашивали, почему далеко от дома, отвечала, что в Екатеринбурге преподавательский состав лучше. Сейчас уверенности в себе побольше, поэтому честно признаюсь кто я и откуда. Кстати, у народа изменилось за пять лет отношение к журналистам. Кто-то, быть может, не согласиться, но я сужу по личным впечатлениям. Года три назад журналистскую братию жутко ругали, обвиняли во всех грехах, продажности и т.д. и т.п. Сегодня от тех времён остались лишь обвинения в необъективности и игре на «хозяина». В целом же журналистов воспринимают как неизбежное, отношение — нейтральное (за исключением бульварной прессы — этих, хотя и не любят, но читают взахлёб). А ещё нас побаиваются — по крайней мере, простые смертные. Вот вам фраза из вагонных разговоров (старушка двум мужчинам): «Вы, ребята, осторожно при ней (т.е. при мне — И.Г.) говорите, а то ведь она журналист. Неизвестно, чего может написать...» И только один раз мне сказали, что я выбрала интересную профессию. Правда, и здесь не обошлось без ложки дёгтя: посоветовав не лезть в политику, чтоб не убили нечаянно, мой дядюшка заметил, что вообще-то журналисты поверхностные люди. В последнем он прав. «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь...» Учились мы «галопом по Европам», знаем понемногу обо всём и отовсюду, а копнёшь глубже — мертво. Но и этому есть объяснение: в информационном пространстве не всегда требуется глубина. Факты, факты и факты. А описание оставьте аналитической журналистике. К тому же, когда начинаешь работать, поневоле приходится становиться спецом в какой-нибудь области.

Многие считают, что журфак не даёт образования. Такие люди для меня — враги №1. Может журфак и не дает таких знаний как в медицинском институте или на истфаке, но уже само по себе высшее университетское образование стоит не так уж мало. Да и журфак УрГУ — старейший в стране (что тоже не надо сбрасывать со счетов). У нас хорошо преподаются история литературы, просто история, иностранный, а это, согласитесь всегда пригодится. Так что на журфаке мы получаем универсальное образование, включая математику.

Как бы банально это не звучало, но экономическая, политическая, духовная жизнь страны отражалась и на жизни факультете. К примеру, на первом курсе мы получали 50000 рублей стипендии. Если учесть прошедшую в 1998 году дефляцию, то получится 50 рублей. Но уже на пятом курсе «стипа» равнялась 280 рублям (для отличников). А чего стоят воспоминания о студенческом митинге в том же 1998-м, в апреле месяце. Какой скандал раздули по поводу избитых студентов и неправомерных действий ОМОНа, и также мягко этот скандал задули. С нашего курса на митинге было всего несколько человек, во-первых, был мороз. Во-вторых, сочиняли выступление к «Весне факультета» (и нашему, курсовому, «Экватору»). Так как митинг прошел за несколько дней до «Весны», то его события и последствия отразились в песнях. Точнее в главной песне о Главном. То есть о декане. О

Борисе Николаевиче Лозовском:

На митинге как на войне —
ОМОН, девчонки — и кто же сильней?
И на толпу солдаты прут,
А ты беги — не то побьют...
Декан, батяня, батяня, декан —
Ты первый целитель студенческих ран...

(Поясню: до Б.Н. дошли слухи о том, что кого-то из журфаковцев поколотили на митинге. И декан поздно вечером помчался в общагу выяснять подробности. Его успокоили, что всё нормально, но подобная декановская забота не осталась не отмеченной студентами).

Естественно, факультет не обошел стороной и научно-технический прогресс. В 95-м мало кто слышал об ИНТЕРНЕТе. Сегодня и первокурсники, и преподаватели свободно гуляют в мировом информационном поле. Помню после первой практики «круто» считалось работать на камерах БЕТАКАМ. Теперь же это нормальное явление для всех телекомпаний.

За пять лет пребывания на факультете много изменилось. Менялись прavitельства, менялись деньги, гремели войны; сдавались удачно и неудачно сессии, пелись песни, уходили одни и приходили другие преподаватели, а иногда и студенты. Но одно оставалось неизменным: Ленина 51, четвертый этаж, журфак! И это не может не радовать!!!



Всеволод ДОМОЖИРОВ

Я РОДИЛСЯ В ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ...

Обрывочные воспоминания из глубокого детства вряд ли имели большое значение при решении поступить на факультет журналистики. Самое главное событие произошло осенью 1989 года. Оно стало практически вторым днем моего рождения, так как навсегда изменилась вся жизнь нашей

семьи — мы переехали в другой район города, сменили фамилию (причиной стал конфликт между моим батей и его отцом), бросили школу, пришли в отряд «Каравелла». Таким образом, на свете появился новый человек — двенадцатилетний каравелловец Сева Доможиров, который, наверное, первый в СССР учился экстерном.

В октябре 1989 года родители привели меня с младшим братом Пашей в «Каравеллу». Мне этого очень не хотелось, но об отряде мечтал Пашка, и поэтому старшему брату пришлось смириться. Но в «Каравелле» оказалось

очень здорово, ведь все занятия от морского дела и фехтования до журналистики вел у новичков Владислав Петрович Крапивин. Он выпускник журфака УрГУ, известный детский писатель, создатель и командор «Каравеллы».

Проучившись до середины декабря в экспериментальной семейной школе Виктора Владимировича Николина, мы с братом перешли на экстерн, такую возможность мы получили благодаря усилиям папы, Ильи Вячеславовича Доможирова. Не знаю, как ему это удалось, но это остается фактом.

Полная свобода — нет школьной обязаловки и постоянные занятия в отряде — продолжалась до весны 1994 года. Потом пришла пора выпускных экзаменов. Так уж получилось, что «экстернатников» в обычных школах не любили: «Да кто они такие, чтобы отрицать нашу незаменимость!» — восклицали учителя и засыпали дополнительными вопросами. К такой «войне» я не был готов и, как говорится, нахватал много троек в аттестат, что отчего-то меня несколько не расстроило.

К тому времени я уже окончательно решил поступать в Уральский Государственный Университет на факультет журналистики. Хотел стать писателем-фантастом. Поступить с первого раза не удалось. Я завалил творческий конкурс: Несмотря на большое количество, качество публикаций оставляло желать лучшего, — по мнению экзаменационной комиссии мои тексты в «Честном слове» и «Юношеской газете» были очень детскими. Что интересно, документы для поступления я сдавал тогдашнему пятикурснику Тимуру Иванову, таким образом, абитуриенты, попавшие в группу к будущему тележурналисту «4 канала», негласно назывались «Тимур и его команда».

После провала устроился на работу поближе к газете — менеджер отдела по распространению (грузчик и экспедитор) АОЗТ «Регион-Пресс», официального представителя «АиФ» в Свердловской области. Работал в Доме печати и печатался в бюллетене с одноименным названием «Регион-Пресс».

Вторая и удачная попытка поступить на журфак прошла под девизом: «Молодой человек, я вас уже где-то видел!» По иронии судьбы на творческом конкурсе я попал к тому же журналисту, что и в первый раз (сотруднику «Уральского рабочего» Тимофееву). Творческое сочинение писал на ту же тему (школа, в которой я не учился), но получил «пятерку».

Пришло студенчество со всеми вытекающими последствиями: Дни первокурсника и Весны факультета, Экваторы старших курсов и праздники в общаге, лекции и семинары, зачеты и экзамены. За все время учебы с нами происходило очень много того, что забыть не получится никогда. Но об этом, уверен, расскажут мои ненаглядные однокурсники. Я же попробую поведать о самом непредсказуемом, загадочном, глупом и веселом — о военной кафедре.

Началась она с середины первого курса и нудно еженедельно длилась до начала четвертого. Апофеозом стали военные сборы летом 1998 года. Все занятия на военке происходили по классической схеме — главное дисциплина и посещение, а знания приложатся. К счастью, куратором нашего 30 взвода, состоящего из десяти человек, был майор, а позднее подполков-

ник Каспаров (вне строя — Игорь Борисович). Он всегда понимал и прощал неизбежные для журналистов прогулы и прочие причуды. Самое забавное то, что все, так называемые, армейские приколы оказались реальными даже на университетской военке. Летом на сборах нам приходилось в буквальном смысле косить лопатами траву, переносить ПХД (солдатская кухня) с места на место и совершать прочие, иногда абсолютно бессмысленные рабочие подвиги.

Все четыре производственных практики я прошел в местной городской газете «Подробнее». В первую практику я писал абсолютно на разные темы: от религии до автостояночного бизнеса. На следующий год повезло больше — попал в криминальный отдел. Своим руководителем практики Ириной Белоусовой я буквально восхищался. Да и однокурсники завидовали. Время расставило все на свои места. Практика после четвертого курса показала, что Ирина Николаевна, очевидно, боится конкуренции, поэтому ни о какой совместной работе речи идти и не могло.

Пролетели пять совсем недолгих лет учебы, и вот уже не ты ходишь по городским редакциям в поисках работы, а они сами лепят на факультете объявления о свободных вакансиях или находят через знакомых прямо дома. Вроде надоело уже учиться, но и жаль расставаться с родными преподами, аудиториями, партами. По-прежнему, и в тоже время с новым пониманием мечтаю о свободном писательстве без заказов и чернух. Похоже, что мечты осуществимы лишь в далеком будущем, а сейчас надо зарабатывать на рекламе и политике — неприятно.

С другой стороны, профессия все равно любимая и бросать ее из-за вынужденных погонь за легкими деньгами я не стану.



Оксана ЕВДОКИМОВА

ЖУРНАЛИСТИКА И НЕМЕЦКИЙ — ВЕЩИ СОВМЕСТИМЫЕ

Привет всем. Меня зовут Оксана Евдокимова. Мне 20 лет, и главной моей достопримечательностью является то место, где я в течение 5 лет получала журналистское образование. Если бы не УрГУ, не было бы и этих строк, потребованных от меня Леонидом Алексеевичем Кропотковым. Было бы, безусловно, что-то иное, тоже, наверно, интересное. Но мне этого иногда как-то совсем не хочется.

Мне было 16 лет, когда я покинула свой род-

ной городок Карталы. Живет там около 65 тыс. жителей и находится он на Южном Урале, на расстоянии 700 км от Екатеринбурга. Я закончила обычную среднюю школу, каких тысячи в российской провинции. Будучи амбициозной девочкой, мечтала поехать поступать на факультет журналистики в МГУ. Даже закончила заочные подготовительные курсы при МГУ. Но осуществление моей мечты было не по карману моим родителям. Пришлось выбрать что-нибудь поближе. Челябинский Государственный университет я не воспринимала серьезно, потому как вместо факультета журналистики там предлагалось лишь отделение при филологическом факультете. Екатеринбург привлекал меня красивым именем, статусом столицы Урала и университетом, факультету журналистики которого уже тогда было около 60 лет. Туда я и поехала. Родителей уговаривать не пришлось. Выбранное мною место учебы их только поразовало, потому что находилось достаточно близко и более или менее доступно по сравнению с далекой Москвой. В 16 я была уже достаточно самостоятельным человеком, считала себя очень взрослой, поэтому поехала совершенно одна. Родители были за меня спокойны.

Почему журналистика? Хм. Есть отдельная история. Я была активной девочкой с пятерками в дневнике, и меня как-то пригласили на областную олимпиаду юных журналистов в город Челябинск. Тогда я начинала учиться в 10 классе и никакого отношения к журналистике не имела. Для меня это мероприятие было ужасно интересным. Море знакомств и совершенно новые возможности собственной реализации. Я увидела, как дети делают газеты, телевидение, радио. Это просто было новым и неожиданным для меня. Тех взрослых детей, которые в свои 10-15 совершенно серьезно работали и получали заработную плату, я восприняла тогда подобно существам с другой планеты. После этого слета я начала заниматься тем же — детской журналистикой. Я и ещё несколько одноклассников, под руководством замечательнейшей женщины и талантливой преподавательницы литературы Зои Николаевны Скрипичниковой, начали выпускать ежемесячное приложение к городской газете под названием «Лабиринт», которое, кстати, живет и по сей день. Потом появилась радиопрограмма «Наш ровесник», которая транслировалась в эфире местной радиостанции 2 раза в месяц. Занятие детской журналистикой в течение 1,5 лет помогло мне понять, кем хочу работать в будущем. К концу 11 класса я не сомневалась в том, на кого хочу учиться. Второй моей слабостью (после журналистики) был немецкий язык. Но профессия переводчика пугала меня скучностью и монотонностью. Потом поняла, что знания иностранного языка повышают рейтинг журналиста как профессионала, и решила изучать немецкий в университете настолько серьезно, насколько это возможно, обучаясь в неязыковом вузе.

Абитуриенткой стала 1-го июля 1995 года, поступив на двухнедельные подготовительные курсы Уральского Государственного университета и поселившись в общежитии № 3, что на Большакова 79. Я прилежно ходила на лекции, слушала, раскрыв рот, бывалых студентов с журфака, знакомилась с новым для меня городом и новыми людьми, училась играть на гитаре,

праздновала победы на экзаменах с историками, дружила с мамами своих со-абитуриентов, танцевала со старшекурсниками на первой для меня общажной дискотеке и мечтала о вкусном мамином борще. Абитура не была для меня чем-то необыкновенным. Какой она получилась, такой я её себе и представляла. И мое поступление не было для меня неожиданностью. Все так и должно было бы случиться.

Одно из самых ярких воспоминаний — это жизнь в общежитии на первом курсе. Море эмоций, впечатлений, переживаний и последние ощущения детской беззаботности. Проблемы вынужденного совместного жития. Ненависть к безденежью, поиски случайных заработков, а с другой стороны — незабываемые совместно приготовленные обеды, бессонные ночи с пением под гитару, а потом — зеленые и желающие лишь сна, мы шли в школу (так мы всегда называли наш университет), чтобы прилежно отвечать на семинарах.

Первая практика — в Челябинске на государственном телевидении. Душевный город. Мое достижение — около 15 сюжетов, вышедших в эфир новостной программы «7 канал». И маленькая победа — похвала со стороны главного редактора новостей за сюжет о бегенцах и приглашение на практику следующим летом. Поняв, что факультет журналистики не дает возможности совершенствоваться в профессии, я направилась на Свердловскую государственную телерадиокомпанию. Там задержалась недолго, около месяца, но успела приобрести массу полезных навыков и умений. Потом все мои сокурсники, побывавшие в стенах этой чудной компании, говорили одно и то же: после практики на СГТРК уже ничего не страшно. Всё потому, что для создания одного сюжета нужно приложить столько усилий: собрать тысячу разных бумажек с подписями каких-то людей (чертова бюрократия), уговаривать оператора, чтобы он пришел во время, а потом умолять его немного пошевелиться для съёмки какого-то жизненно необходимого для тебя кадра... Короче после всех этих «утех» не остается сил на самое главное — на приготовление самого сюжета. Потом, правда, привыкаешь. Именно поэтому после СГТРК ничего не страшно. Кстати, во время этой практики сделала забавный сюжет, который потом помог устроиться на работу в телекомпанию «Студия-41». Это был Мэйсон. В то время популярность американского сериала «Санта Барбара» была ещё достаточно высока. Поэтому когда в Екатеринбург пожаловал Лэйн Дэвис, все переполошились, и добрая часть публики ринулась в киноконцертный зал «Космос» смотреть на Мэйсона Кэпфела, как тот поет. Это было действительно необычно. Особенно тогда, когда мне было ещё 17 лет. Сейчас бы я на это событие не обратила внимания.

Монотонности в моем студенчестве никогда не было. Всегда было то, к чему можно приставить слово «очень»: очень весело, очень грустно, очень смешно, очень тоскливо, очень холодно, очень больно, очень приятно, очень одиноко... Сейчас только поняла, что, описывая своё прошлое, подвожу итог. Забавно так. Это первый итог в моей жизни.

Всего, конечно, я и не вспомню. Да и не описать этого. Вот, например,

колхоз. Это можно обозначить как устаревшую форму бытия студентов. У нас она, правда, почему-то все равно прижилась. Это была осень 1996-го. Тогда было много песен. Много грязи, дождей, много усталости, нечестности со стороны руководства. Но как много было песен. Мы всегда пели. Помню, мы поймали себя на мысли, что нам не хватает интеллектуальной нагрузки. Поэтому, наверно, и пели. Учили слова песен прямо во время ползания на корточках, когда собирали картошку. Будь она проклята.

Мое первое место работы — городская телекомпания «Студия-41». Летом после 2-го курса я осталась в Екатеринбурге. «41-й» тогда как раз заявил о себе. Я пришла, желая устроиться на практику. Меня приняли тогда в информационно-развлекательную программу «Подсолнух». Спустя месяца три я стала сотрудником «Студии-41». Работа была для меня всем. Какой-то голый энтузиазм, объяснимый лишь возрастом, море энергии и огромное желание достичь чего-то недостижимого. Программа развивалась у нас на глазах, она развивалась вместе с нами, а мы — я, моя напарница Надя Иванова и наша шеф Марина Лошкарева — вместе с нею. Работая в этой программе, я побывала во всевозможных ролях — в роли девочки на побегушках, репортера, координатора, ведущей, монтажера, режиссера... «Студия-41» многому научила меня. Тогда мне казалось, что тема культуры в журналистике — это моё. Я связывала свое будущее именно с этим. Строила в голове какие-то проекты своей будущей программы о шоу-бизнесе. Благодаря «Подсолнуху» я «набеседовалась» с таким огромным количеством звезд России, что, наверное, на всю жизнь хватит. Глубокие следы в моей памяти (да и душе, кстати, тоже) оставили Марина Неёлова и Аркадий Райкин. Потом ещё был Александр Абдулов. Он, помню, накричал на меня за то, что я спрашивала у него о какой-то ерунде. Он сказал мне тогда: «Оксана, где Вы работаете? Зачем Вы этим занимаетесь? Телевидение? Это же такая чушь! Давайте я лучше Вам Пастернака почитаю». Почитал. Красиво. Так было обидно тогда. Из-за того, что накричал. И не совсем понятно. Потом поняла, что самый деликатный жанр в журналистике — это как раз интервью.

Всё изменилось после моей поездки в Германию. Моя интуиция не подвела меня. Я всегда чувствовала необходимость в изучении немецкого. Умудрялась дважды занимать первые места в университетской олимпиаде по языку. Потом наша преподавательница Ирина Михайловна Варкентин порекомендовала меня для участия в конкурсе в МГУ, в Свободном российско-германском институте публицистики. Это ж надо, подумала я тогда, журналистика и немецкий в одном «флаконе», вот здорово-то! И поехала в Москву для участия в этом конкурсе. Выиграла. И летом 1998 года впервые в своей жизни отправилась в Германию, о которой так давно (подсознательно) мечтала. Там я прошла практику на втором немецком телевидении ZDF. Очень много путешествовала. За 7 недель я объездила 14 немецких городов, побывала в Париже. Тогда я поняла, насколько это важно для человека — путешествовать. Это развивает тебя как личность. Путешествовать, просвещаясь и обогащаясь в культурном и духовном плане. Очень обидно, что у

нас, русских, эта возможность не очень велика.

После того, как я побывала в политических редакциях Второго германского телевидения, специализация «Культура» стала для меня скучной и несерьезной. Я поняла, что хочу заниматься политической журналистикой. Поняла также, что этому нужно учиться.

Потом была семестровая стажировка в МГУ и в Свободном Российско-германском институте публицистики, организованная с помощью Галины Германовны Щепиловой и Владимира Валентиновича Кельника. В МГУ я изучала то, что хотела. В основном это была политическая и международная журналистика. Так много всего произошло за 1999 год. Москва дает тебе потрясающий потенциал для осмысления происходящего с тобой, с твоими друзьями, для осмысления происходящего в стране и за рубежом. Начинаешь мыслить глобально. Пытаясь понять то, что с трудом поддается пониманию. В рамках обучения в СвРГИПе я участвовала в семинаре «Актуальные программы на радио», организованном «Немецкой волной». Мы работали на немецком языке, пытаюсь производить журналистские тексты, годные для эфира. Это была первая возможность проверить свои возможности, как политического журналиста. После семинара я проходила стажировку в радиокомпании «Голос России» (вещание на Зарубежье), в редакции, производящей программы для немецкоязычных государств. Этой стажировкой (длилась она около 3 месяцев) я очень горжусь. Тема, которой я занималась, — предвыборная ситуация в России.

Потом был ещё один конкурс — в посольстве Австрии. Директор СвРГИПа Галина Федоровна Вороненкова порекомендовала меня для обучения в Европейской Академии журналистики. Я выиграла этот конкурс. Сейчас учусь в Австрии и очень скучаю по своей стране. Чего я хочу от жизни? Гармонии с собой.



Анна ЁЛШИНА

ДРУГАЯ СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ

Это, может, и скучно. Но всегда большие перемены в жизни я планировала и желала. Эти журфаковские пять лет были мне просто необходимы. И я стала студенткой. Некоторые мной гордились, некоторые завидовали. Многочисленные родственники часто задавали этот банальный вопрос: «Тебе нравится учиться?» И я удивлялась, как можно при каждой встрече спрашивать об одном и том же? Наверное, думали, что буду прокли-

нать тот день, когда пришла на журфак.

Сессия. Перед каждым таким явлением я продумывала самый худший вариант: как я буду жить без родного факультета? Самой тяжелой оказалась первая сессия — ягодка, остальные были лишь цветочками. Если честно, на пятом курсе требовалось вовремя принести и открыть зачетку. Хотя...

Может, это и скучно. Но среди однокурсниц я была самая высокая. О росте напоминали вопросами: «Почему ты изменила баскетболу?» и «Почему не стала моделью?» Отвечала всем примерно одинаково. Дело в том, что журналистика супротив интеллектуальной игры — баскетбол, виделась мне более интересной и азартной, к тому же полезной для окружающих. А для модели мою эмоциональность посчитали выше необходимого, да, и два килограмма лишних.

И скучно это может быть. Но летняя практика лепила из меня полноценного журналиста. Первую практику захотелось отработать вдали от дома, в городе Еманжелинске Челябинской области. Энтузиазм через неделю писаний начал истощаться, впрочем, как деньги в кошельке и влажность воздуха — было очень жарко. В следующие две летних практики я уже бегала по Екатеринбургу и представлялась от газеты «Подробности». Виктор Белимов — руководитель моих практик второго и третьего курсов, учил журналистике постоянно. Этот человек, неустанно задающий вопросы, буквально показывал на пальцах, как тайное делать подробным, а подробное тайным. Он часто пугал меня тем, что если обнаружится непонятная фраза или мысль в моей статье, я должна буду объяснять их каждому читателю газеты, бегая по городу в поисках таковых, стучась в квартиры подписчиков. Я помню эти страшилки, знаю, что писать нужно доступно для понимания, а читатель должен быть другом.

Открыв к пятому курсу для себя «Насменку», где на сегодняшний момент я и работаю, обнаружила там кладезь идей и просто душевную женщину — Марину Гущину. Хотя она напоминала: не разделять людей по половому признаку. Именно там или, может, к тому времени, я почувствовала свободу деятельности, возможность ваять, лепить, что душе угодно. Но опыт «Подробностей», назидания и страшилки Виктора Белимова въелись в мою голову и сердце, думаю, навсегда.

Я ни о чем не жалею — жизнь вроде удается. Вырисовываются большие планы и перспективы. Поживем — удивим. Но это уже другая скучная история.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ КУРСОМ



Когда я училась в четвертом классе, по «Первому каналу» впервые показали сериал «Спрут», где одной из героинь была журналистка — отважный телерепортер и просто красавица. С выбором будущей профессии было решено. В его правильности я сомневалась даже после поступления. Журналистику всегда считали делом крайне абстрактным и несерьезным. Папа говорил: «Человек работает, работает... Журналист придет и все... прокомментирует». Он — инженер, мама — экономист. Нормальная семья, журналистов в роду не было.

Мое счастливое детство проходило в диких степях Казахстана, в сорока километрах от Аральского моря, в поселке на компрессорной станции номер десять газопроводной трассы Бухара-Урал, куда мы переехали из Свердловска. Там можно было выбирать какое угодно занятие — хоть журналиста, хоть хоккеиста — поблизости не было ни тех, ни других. Зато были сайгаки, занесенные в Красную книгу.

Все резко переменялось в 1991 году, когда, получив долгожданную квартиру, мы переехали в Свердловск, который уже успел стать Екатеринбург. Осенью было ужасно холодно. В новой физико-математической школе я сначала получала не только «двойки», но и «единицы». Свободное время проходило в еще более ненавистном ансамбле народных танцев, где нужно было выходить на сцену с круглой буханкой на полотенце и при этом улыбаться. В это нелегкое время в моей жизни появилась детская газета «Честное слово», потом была юнкоровская смена в лагере «Орленок». Журналистов поселили в военные палатки, по двадцать человек, у самого моря — незабываемый отдых. Через год я оказалась на факультете.

Поступление — отдельная, печальная песня. «Четверка» на творческом конкурсе грозила разрушить все планы. Именно тогда стало ясно, что я всю жизнь мечтала быть только журналистом, что это мое призвание и т.д., и т.п. Поступила. И опоздала на зачисление. Потом я часто опаздывала на уроки, пока совсем не перестала на них ходить. Опытные журналисты предупреждали, что к третьему курсу неизбежно наступит разочарование в профессии и в факультете. До пятого не наступило. Может, потому что не было особого очарования. Было неловко оттого, что тратишь время впустую, сидя на лекциях. Если не считать потрясающих лекций по иностранной литературе. В поисках чего-то более надежного, поступила в банковскую школу. Бухгалтерский учет вернул мне увлечение журналистикой. Особенно этому спо-

собствовала практика в коммерческом банке, во время которой я сидела напротив стенных часов и ждала окончания рабочего дня. Этими долгими часами факультет казался как никогда родным и любимым, пусть даже и бестолковым. На третьем курсе получила диплом большого специалиста в банковском деле и стала думать, куда его употребить. Собиралась работать либо корреспондентом экономического издания, либо сотрудником пресс-службы банка. В результате стала репортером отдела светской хроники в желтой газете «Местное время». Начиналось «Местное время» просто замечательно. Из нескольких городов съехались сотрудники корпорации «Ведомости-медиа» запускать новую газету. Материалы «зеленых» корреспондентов москвичи правили так, что живого места не оставалось. Было сказано: «Никакого творчества. Главное факты, и чтобы живенько». На планерку — к девяти, как штык, домой приходили поздно вечером, даже есть не хотелось. В обстановке жесткой дисциплины в сотрудниках воспитывали корпоративный дух, который до сих пор не позволяет сказать в адрес газеты лишнего плохого слова. Встречались удивительные истории. Теперь уже широко известный кузнец Лысяков, который каждый день кует по одной чугунной розе. Актеры Евгений Дворжецкий и Владимир Стеклов в костюме бомжей посетили ЦУМ, где попытались выбрать секундомер.

Работать всерьез в подобном издании невозможно, но в качестве эксперимента это было полезно. Тем более, что на журфаке никаких практических навыков не дается. В этом мы с Аней Зуевой убедились во время следующей практики в Калининграде. Решив использовать последнюю возможность и поехать как можно дальше, мы оказались в региональном представительстве «Комсомолки». Все начальство медиа-холдинга — выпускники журфака. «Перенимайте технологии жизни», — учил нас «главный» — Александр Власов. Больше никто ничему не учил, считалось, что к пятому курсу ты должен быть законченным журналистом. «Жизнь полна бытовой магии», — добавлял Власов. И это как нигде заметно в Калининграде, чем-то похожем на Твин Пикс. По телевизору здесь идет передача о тайнах подземелий, ди-джей местного клуба во время утренней экскурсии по городу наизусть рассказывает историю каждого дома, у директора кинотеатра хранится манускрипт на японском языке. Здесь гибэдэдэшники боятся черной кошки, губернатор обещает «по свинье на душу населения», предприниматель официально отвечает налоговой: «Не могу содержать бездельников из правительства и прошу подобными глупостями не нервировать». Здесь командующий Балтийского флота гуляет по пляжу без охраны и охотно общается с прессой. Сначала мы жили в жуткой калининградской общаге, как потом выяснилось, в лучшем ее номере, ключи от которого были не только у нас. Потом переехали в квартиру на самом берегу Балтийского моря. По окончании практики редактор газеты Любовь Антонова передала родному факультету пламенный привет и довольно резкие характеристики, с равным числом «плюсов» и «минусов». Мы пообещали вернуться в этот город снова и чуть не опоздали на поезд.

Только к концу пятого курса я поняла, насколько важным в моей жизни был журфак — влиял на нее в мое отсутствие, заочно или даже виртуально. Представьте, как приятно позвонить в рабочих целях из калининградской «Комсомолки» в уральскую и услышать знакомые голоса:

- Что новенького?
- Все как всегда, вот с парашютом прыгнули.
- Не знаешь, что за налог такой — с продаж?
- Значит так: вот уже полгода как с каждой единицы товара...



Анна ЗУЕВА

ЖУРФАК. НУ ПОЧЕМУ?..

На журфак я попала, наверное, неслучайно и для чего-то. Серебряная медаль мне облегчила прохождение через «факультетские фильтры». Четыре года юнкоровской жизни тоже пригодились: было чего положить в папочку для комиссии и о чем побеседовать с экзаменаторами. Хотя, честно говоря, до последнего месяца держала в

голове запасной вариант — биофак: школьные успехи в биологии, увлечение медициной плюс путешествия с родителями по российским долинам и взгорьям породили такие намерения (теперь и биология, и медицина благополучно мною забыты). За месяц до вступительных я решила отказаться от участия буриданового ослика, махнула рукой и понадеялась, куда кривая выведет.

И кривая все-таки вывезла на журфак. Впрочем, я не жалею: по крайней мере здесь не режут лягушек (как там уж дальше будет — не ручаюсь) и ради диплома не требуют убивать сотню водяных крыс (как у одного моего знакомого биолога). Словом, любовь к природе на журфаке у меня не погубили — спасибо.

И потом, я подозреваю, что человек я уже «испорченный» журналисткой. А коли подвластна искушению, то лучший способ бороться с ним — уступить...

Эти пятна не выводятся

Нарушая все, чему нас учили на стилистике, скажу: моя память запятнана (о совести — не будем) приятными пятнами, которые не выводятся никаким «Тайдом».

Как бывший служитель Желтой прессы не могу удержаться от описания этих загрязнений.

Пятно науки. У него — большой недостаток: плохо образуется и легко смывается. Но я очень надеюсь, что следы смыслового анализа текста, тезауруса, симулякров Бодрийара и «Невыносимой легкости бытия» неистребимы.

Пятно друзей. Наташа, Сева, Леша, Максим, Света и многие другие, все наши посиделки с гитарой, дачи и походы, лекционные хохмы и философские беседы...

Пятно практики. Пятно ответственности за напечатанное слово и серьезного к нему, слову, отношения («Уральский рабочий»), легкости стиля, «фактурности» и оперативности («Подробности»), пятно штатного корреспондента и полнейшей свободы слова («Местное время», Екатеринбург). И самое насыщенное и свежее пятно — от практики в калининградском филиале «Комсомольской правды». Навсегда в памяти остались серебрило-лиловое небо Балтики и белые пески Куршской косы, средневековые Мальборгского замка и жизнелюбие поляков, веселая текила-бум в ночных клубах и грустный взгляд тюленя...

Просто памятные пятна. От краски учебных газет, от жевачки на сиденье в 412 аудитории, от мела, краски и пр. в 411-ой.

Стоит добавить, что:

Родимое пятно журфака появляется от убеждения: свежие мозги, здравомыслие и непоколебимая уверенность в своих силах и собственной исключительности — главное в этой жизни.

Размышлизмы перед уходом, или ложка дегтя

По правде говоря, я не знаю, что у меня сегодня под ногами — всходы или развалины.

Десяток местных изданий, через которые я прошла, не порадовали (хотя чему-то научили (или отучили)). Я не нашла среди них СВОЕЙ газеты. Таковой, которую бы мне самой хотелось читать, которая бы мне, как читателю, была бы полезна и интересна. Возможно, это и странный критерий оценки своих будущих работодателей...

Очень не хочется работать на читателя, которым легко управлять, о котором в редакциях существует расхожее тайное мнение — «читатель — дурак» — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Образованный и умный человек, способный принимать решения самостоятельно, решения, которые меняют нашу жизнь — работа на такого читателя приносит истинное удовольствие. Хотя она на порядок сложнее и требует более глубоких знаний.

Вот с такими мыслями сижу я в офисе компании «Рус-инвест», где сегодня и работаю. Пытаюсь заниматься рекламой и PR-ом. Пытаюсь, потому

что настоящие пиарщики пока скачут где-то далеко впереди меня и потому, что в голове тихо притаился нерешенный конфликт между двумя уважаемыми профессиями — журналистикой и связями с общественностью. Да еще понимаю, что вряд ли смогу без первой. Без журналистских экспериментов и «экстремальщины», без редакционной суеты, без ухода с головой в самые разнообразие темы и, наконец, без «жизни не по графику»...

Досадно, но замечательная профессия — журналистика — израсходована сегодня «кредит доверия». И теперь надо его как-то отдавать читателю, да еще с процентами. Похоже, именно этим и придется заниматься выпускникам нового тысячелетия.



Оксана ИЗБЫШЕВА

ЭТО ВСЕ ПРО МЕНЯ

Мой папа хохол, каких мало, мама — чистокровная сибирячка. Встретились они на краю географии, на нефтяной вышке в Ханты-Мансийском автономном округе. Отсюда я такая: имя донельзя украинское — Оксана, фамилия, хотя не все в это верят, русская — Избышева. Характер: будет похлеще коктейля «Северное сияние».

Через восемь месяцев после моего рождения мама решила, что «вреден север для меня», и мы уехали из Мегиона, где было минус пятьдесят два, в Свердловск, где термометр показывал всего лишь чуть больше сорока ниже нуля.

О своем младенчестве знаю по немногочисленным рассказам родных. Я не умела ползать и, не смотря на все старания бабушки, не горела желанием учиться этому пресмыкательскому способу передвижения. В один прекрасный день (мама уже и не ожидала такого счастья) просто встала и пошла. С тех пор все у меня так — с места в карьер. Либо все, либо ничего. Полумер и полутонов не существует.

В школу пошла с шести лет, садик меня просто достал. Помню, как я обиделась, когда меня не поздравили с пятилетием. Вернее поздравили, но не так. Не устроили мне, понимаешь, «каравай-каравай, кого хочешь, выбирай». Теперь вот всегда и совершенно бездарно напрашиваюсь на поздравления.

После школы на выбор было или актерский факультет театрального института по моему желанию, или экономический СИНХа по маминому хотению. В итоге выбрала журфак УрГУ. И черт его знает почему. Просто так захотела.

Одной из ошибок было место прохождения первой практики — малая

родина. Зато теперь знаю, что такое провинциальная журналистика. Там было так скучно моей деятельной натуре! Самое яркое воспоминание о первом опыте работе на ТВ — это как у меня в руках дрожал микрофон. Монтировать было просто невозможно, сплошной интершум. Дело дошло как-то до того, что меня чуть ли не с петличкой на опрос послали. Теперь, слава богу, все в порядке.

Работаю на «Студии-41» репортером. Безумно этому рада. Обожаю свою профессию. Меня просто колбасит, прет и плющит, когда происходит что-нибудь экстремальное и чрезвычайное. Всякие заседания мне неинтересны. Мне становится так скучно, что я тупею. Может, когда мне будет лет тридцать, мне и понравятся «тихие» темы, но пока... мне нужно, чтобы все горело, рвалось и металось, чтобы был полный бардак. Тогда я чувствую себя спокойно, уверенно и в полной гармонии с окружающим миром.



Татьяна КАНАХИНА

ЕСЛИ Б НЕ ЖУРНАЛИСТИКА, БЫТЬ МНЕ БЕЗРАБОТНОЙ

Я журналист радио. Правда, еще недоученный, но до окончания университета осталось совсем чуть-чуть. Работаю на «Русском Радио» Екатеринбурга полтора года. Редактором. И не надоело. Несмотря на то, что каждый день делаю одно и то же. Что именно? Новости. Мое расписание всегда одинаковое, если не происходит ничего экстренного.

На работу я прихожу обычно в 9 утра. Сажусь за компьютер и начинаю просматривать электронную почту. Параллельно я обзваниваю своих информаторов, которые мне рассказывают или не рассказывают о различных событиях. Будь то убийства, ограбления, концерты или спортивные мероприятия. В 10-ть утра я уже читаю выпуск новостей, который за 5 минут до этого сверстала и распечатала. В эфире я нахожусь от 4 до 6 минут, но за это время я испытываю необычные чувства, которые можно поймать только в радиоэфире. Когда читаешь новости на «Русском Радио», не знаю, как на других станциях, постоянно думаешь, что тебя слушает полтора миллиона человек плюс жители области, в числе которых и мои родители. Тебя распирает чувство гордости и, в то же время, ответственности. Ты чувствуешь, что вот-вот лопнешь... Но это я отвлеклась.

Следующий выпуск новостей в 14 часов, то есть после 10-ти утра у меня

почти четырехчасовой перерыв. Именно в этот интервал я езжу на пресс-конференции, на курсы разные, в университет, в конце концов. Если решить какой-то вопрос нельзя в этот промежуток времени, то, значит, его нельзя решить ни в какое другое время. К 14.00 я снова сажусь за «комп» и верстаю выпуск. Это же происходит в 16, 18 и 22 часа.

Но не подумайте, что скучна и неказиста жизнь простого журналиста. Каждый день я встречаю новых людей, новые голоса, появляются новые знакомства. Так, не для того, чтобы сказать комплимент в свой адрес, а в качестве иллюстрации. Очень приятно, когда в той же больнице, месте, где ты меньше всего думаешь о славе и популярности, врач, когда слышит твою фамилию, начинает недоуменно вращать глазами, скрипеть мозгами, сообщая, где и при каких обстоятельствах он мог со мной познакомиться. По его несчастному лицу видно, что он никак не может разрешить противоречие: фамилию знает, а мой внешний вид ему ни о чем не говорит. В конце концов, когда все мои больничные листы заполнены, лекарства нужные и не очень выписаны, он спрашивает: «В какой раз я у него на приеме?» Я, естественно, говорю, что в первый. Работа серых клеточек головного мозга врача усиливается, но так как выхода из ситуации он больше никакого не видит, терапевт говорит: «Ваше имя мне знакомо». На что я ему: «Мне тоже». Бедный дяденька мило мне улыбается, и в третий раз спрашивает: «Мы встречались?» Из-за глубокого сочувствия, которым я за время приема проникаюсь к дяденьке-терапевту, мне приходится объяснить ему феномен узнавания человека, которого ты никогда в жизни не видел. Вот! Вот! Вот в чем прелесть радио! Твой, то есть мой, голос знает огромное количество людей, и когда ты знакомишься с ними, их уже не нужно очаровывать, заколдовывать, обвораживать. Они просыпаются и засыпают с моим голосом, и при встрече им кажется, что знали меня очень давно.

Иногда я думаю, чем бы я занималась, если бы пять лет назад не приехала бы в Екатеринбург из поселка Баранчинский и не поступила бы на факультет журналистики, восемь лет назад не пришла бы в юнкоровский кружок, а в самом раннем детстве не издавала бы дома семейную газету «Паровозик». Скорее всего, я была бы домохозяйкой, потому что, как выясняется, делать-то я ничего не умею, кроме как журналистику, если так можно сказать. Да, в принципе, и не хочу я ничем другим заниматься. Журналистика дает все, что мне нужно: общение и приятные знакомства, много бытовых навыков, учит меня лучше разбираться в людях, открывает возможности для путешествий, и не самое последнее, с помощью журналистики можно зарабатывать неплохие деньги. Просто бешенные «бабки»...

ОДНА БЕЗУМНАЯ МЫСЛЬ

«Уши мои задернулись печалию, и радостный глаз нехитростного веселия до сердца моего не проник».

А.Н.Радищев «Путешествие
из Петербурга в Москву»

Часть первая. Почему я выбрал журфак?

Однажды мне в голову пришла безумная мысль: надо что-то оставить после себя. Не только построить дом, посадить дерево и вырастить детей. Хочется чего-то большего...

Пройдет две тысячи лет и вместо памятника Ленину на площади 1905 года, где-нибудь в межзвездном музее истории у него будет свое голографическое изображение и

небольшая табличка. В мониторе компьютера любой получит максимум информации о Владимире Ильиче Ульянове, сможет пережить события, случившиеся в октябре далекого 17-го. На ярус выше будет блистать Александр Сергеевич Пушкин, из динамиков литься стихи в исполнении автора, а вокруг — шикарный бал и сцена дуэли. И еще много-много людей, что-то оставивших после себя...

Когда мне исполнилось семь лет, я заявил родителям, что хочу играть на скрипке. Я просто был помешан на этом инструменте. Мне пообещали его купить только после поступления в музыкальную школу. На приемном экзамене я пропел пару куплетов про «Щорса, у которого кровь на рукаве». Любил я эту песню, поэтому вытягивал от души, так же как и дома с папой под аккомпанемент гитары. Потом мама сказала, что меня не взяли только «по возрасту»: «большой уже для музыкальной школы». Скрипачом я не стал. Пошел в народные танцы.

В тринадцать взял ручку, бумагу и стал... сочинять стихи.

Зима, зимушка, зима
Как прекрасна ты в лесу!
На Урале ты живешь,
Гулку песенку поешь,
Землю снегом покрываешь,
В общем, хорошо живешь!

Вышло аж пять штук, но больше я рифмовать не пробовал.

В девятом классе на глаза мне попались цветные карандаши, и я начал



рисовать. Представьте себе три полосы под углом 45 градусов: желтая, черная и голубая. Позже моя «картина» получила название - «Над пропастью во ржи». Больше я не рисую.

Чтобы хоть как-то проявлять себя, я ходил на курс электротехники - месяц паял на заводе провода и собирал розетки. Потом учился водить грузовую машину и стоял под автомобилями в автомастерской, будучи помощником мастера. Сдал на права.

На вступительном экзамене в УрГУ меня спросили: «Почему я выбрал журфак?». «Мне это нравится», — сказал я.

Часть вторая. Если были мы теоретики, то теперь безусловно практики...

Так получилось, что вся моя студенческая жизнь стала одной большой работой. Еще со школьной скамьи я ходил в газету старшеклассников «Окно» города Екатеринбурга, а после поступления на журфак меня сразу взяли на ставку корреспондента в «Окно».

Я учился и работал. На первом курсе, проходя производственную практику по наставлению Лены Ивановны Фроловой в газете «Уральский рабочий», успел навлечь на себя судебный иск со стороны местного отделения коммунистической партии. Скандал замяли, сославшись на неопытность первокурсника и на давние связи «Уральского» с партией. Но слава пошла.

Продолжая трудиться в редакции газеты «Окно» практику второго, третьего и четвертого курса я смело прошел в информационном агентстве «Европейско-Азиатские новости», где по поводу моих двух информационных сообщений в один день позвонили, тогда еще только пресс-секретарь губернатора Свердловской области Александр Юрьевич Левин и пресс-секретарь мэра города Екатеринбурга Константин Пудов. Естественно они не благодарили меня, а грозились подать в суд за клевету, которую я якобы написал. И вот она ломка, и потеря уважения к двум лидерам и их пресс-секретарям. (Правда, с Александром Юрьевичем мы выяснили, в чем проблема, и все наладилось). Ведь то, что я написал — главы области и города сказали вслух, и писал я (студент второго курса факультета журналистики) правду, которую могли подтвердить другие журналисты, но побоявшиеся, а может быть не ставшие цитировать по опытности, резкие слова, за которые мне грозили судом.

Не в обиду преподавателям журфака будет сказано, но за те годы работы в газете «Окно», практики в «Уральском рабочем» и «ЕАН» я получил столько нового, научился таким азам профессии, которых мне ни разу не проговаривали в Университете. Я не только освоил компьютер — текстовые программы, я научился верстать, сканировать и обрабатывать фотографии. Надеюсь, научился писать и добывать информацию. Своим достижением я считаю и то, что уже со второго курса проходил не практику, а работал в редакции, получал хорошую, наравне со старшими коллегами зарплату и премию. Я добился того, что меня не боялись «кидать» на заседания прави-

тельства области и отправляли в отдаленные районы с губернатором или председателем правительства области.

Несмотря на работы, я нормально сдавал сессии, получал стипендию, по возможности участвовал в Днях первокурсника, веснах факультета и просто во внутрикурсовых праздниках. Конечно, практика отнимала время, но она давала те знания, опираясь на которые, сдавать зачеты по профилю было в 100 раз проще. Я не пожалел, что начал трудиться с первого курса.

Часть третья. Не хочу жениться — хочу учиться!

Только к пятому курсу, когда новая работа в газете «Теленеделя» стала отнимать максимум времени и я совсем «отошел» от парты, мне вдруг стало жутко не хватать восьми часов лекций, нашей столовки и моих преподавателей. Я хочу знать, я хочу учиться дальше! Я не знаю и миллионной доли того, чего бы я хотел освоить! Прочитую слова моей однокурсницы из параллельной группы Кати Брылевой, которая в полемике с кем-то о том, что делать учиться или работать как-то сказала: «Затем человек и поступает в ВУЗ и отдает пять лет своей жизни, чтобы сначала учиться, а потом работать». Но пять лет уже прошли, пролетели и мне все равно мало. А ведь я аж 4 года посещал практически все пары.

Как-то осенью, когда занятия еще не начались, я несколько раз заходил на мой журфак, чтобы просто погладить стены, подышать этим воздухом, посмотреть на первокурсников, которые с ужасом в голосе говорят о первой сессии, обсуждают как они будут сдавать Кропотова и Лозовского, уже не говоря о русичках (ах это школьное слово!) с кафедры Современного русского языка, аббревиатура которой всем хорошо известна. И о ПЯТИ (!!!) годах учебы в этом сером здании на улице Ленина. Такое когда-то было и у меня. Я завидую этим ребятам, которым осталось учиться на журфаке всего пять лет.

Однажды мне в голову пришла безумная мысль: надо что-то оставить после себя, не только построить дом, посадить дерево и вырастить детей. Хочется чего-то большего...

Геннадий КАЧИНСКИЙ

По касательной

Так получилось, что одним осенним днем 90-го года дернул меня черт пойти и записаться в ШЮК. Какие мотивы двигали моим неокрепшим сознанием помнится уже смутно. Да это и не важно. Здесь я открыл новый мир - мир людей умных, ироничных и интеллигентных. Этот мир не шел ни в какое сравнение с чередой унылых школьных будней. А потому ближайшие 4 года я жил исключительно в нем. Какой-то задачи вроде «стать журналистом» не было, просто мне нравились эти люди, нравилась атмосфера вокруг них, и я хотел стать одним из них. Не обязательно журналистом. За окном был серый город Свердловск, с облупившимися стенами, унылыми прохожими и



голозой на улицах. На дворе дул ветер перемен, гремели путчи и скрежетали титанические изменения. А за фасадами зажигались некоторые окна, где было тепло и хорошо. Где можно было послушать других и высказаться на бумаге самому. Так, попав в «юшки», я пришел и в газету «Окно». Болтаясь между двумя этими островками, видя, как одно поколение «окошковых» за другим поступает на журфак, вопрос «куда пойти учиться» уже казался кощунственным. Правда, в голове время от времени всплывала крамольная мысль о бизнесе и финансах, но к моменту

поступления она благополучно отсохла.

Итак, факультет. Понасмотревшись на ребят из «Окна» — Стаса Черно-го, Мишу Батурина, Алену Вугельман, — где-то в подкорке засела мысль: «Первый курс проучишься — иди работать». То же говорила и Лена Иванов-на Фролова: «Журналистика — профессия практическая. Писать не будете, как творческие люди заплесневеете». Потому, уйдя на практику в газету «Те-ленеделя» на первом курсе, практикуюсь до сих пор.

Правда, сегодня характер этой практики несколько изменился. Если пер-вые полтора года я корреспондентствовал, то последние два плавно пере-шел на рекламную деятельность. Видимо, сказалась природная жадность. Однако, по моему мнению, журналистикой я заниматься не перестал, толь-ко занимаюсь ею с другой стороны — возглавляя отдел рекламы, обеспечи-ваю газете стабильную прибыль и устойчивость на рынке.

В чем же изменился я сам? Каков итог потерь-приобретений? Уделив больше времени работе, нежели учебе, я безусловно потерял то, что назы-вается «молодые студенческие годы», прошел по касательной ко всем ДП и другим праздникам, не вошел в какие-то компании. Пропуская лекции, без-условно, прогляпил немало хороших идей и мыслей. Сильно изменился взгляд на мир — стал более прагматичный, технологичный. Что до приобре-тений, то это отличный коллектив газеты, интересная работа, опыт, нако-нец. Жаль, что я не оправдал ожиданий, которые возлагались на меня в университете. Однако, считаю, что сделал все правильно. В конце концов, у каждого свой путь, и рождаемся мы, чтобы следовать ему, а не оправдывать чьи-то ожидания.

СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР...



Вообще в жизни мне везло, стоило чего-то сильно захотеть и... В 9 классе я захотела стать журналистом. Точно сказать почему, не могу даже сейчас. Может телевизор пересмотрела, может еще чего... Быть журналистом в тот момент было популярно. О журналистике мечтала тайно, дабы раньше времени не шокировать родственников. Мама, смирившись с тем, что я никогда не буду бухгалтером, с радостью наблюдала как я пишу контрольные в нижнетагильский пединститут (туда у нас поступал весь класс). Экзамены в НТГПИ я сдала досрочно и

довольно успешно. Оставалось сдать только русский язык, когда меня пригласили в гороно. В гороно мне предложили направление в институт от города, направление гарантировало 100% поступление в НТГПИ и работу после. Думала я недолго, а на следующий день уже ехала в УрГУ на журфак, на подготовительные курсы.

Вступительные экзамены казались бесконечной чередой везений. Я сдала творческий конкурс! Это после того, как меня несправедливо выставили из трамвая конролеры (правда, на нужной остановке). А что я несла преподавателям! Само собой рассказывала про романтику профессии, про то, что журналисты чуть ли не умнейшие люди на свете, про газету «Оракул» (и далась мне тогда эта газета). В общем, заслуженную четверку я тогда получила. Изложения я написала на пять. Такого в принципе быть не могло. На подготовительных и в школе выше четверки я обычно не получала. Да, на сам экзамен я почти опаздала, села не на тот трамвай и уехала в маленькую экскурсию по Екатеринбург. На историю меня не пускала университетская охрана. Зато радовал тот факт, что вместо экзамена будет тест. Зря радовал: из всех вопросов теста ответ знала только на один, за остальные спасибо интуиции. И все-таки я поступила. Начали отсчет часы студенческой жизни. Запомнились практики. Первая практика была на «Студии город»: один диктофон на троих и крайне размытое представление о том, а что надо делать. Второй курс: СГТРК — телекомпания, которую, на мой взгляд, должен пройти каждый, хотя бы для того, чтобы понять, как не надо делать. На втором курсе была череда «ниочемных» репортажей о наших земляках для «7 Канала», первые сомнения в профпригодности. Третий курс: то же СГТРК, но более свежая струя «Вы, блин, даете!», «Прогулка с продолжением» (в соавторстве с Юлей Абрамовой). Практика четвертого курса началась на АТН в «Добром монинге!» (я назвала бы ее «попробуй не сойди с ума»), затем ОТВ «Уральское времечко», стажировка на Авторском телевидении в Москве и снова «Времечко». Сейчас работаю там же координатором.

Я БЕГУ ПО ПОЛЮ, А В РУКЕ САЧОК...



Сразу же: журналистов среди моих ближайших родственников (по крайней мере, в трех-четыре поколениях) не существовало точно. Музыкантов, в общем-то, тоже. А я, похоже, совместил в себе и того, и другого.

Поступить на факультет меня уговорила моя знакомая Света Лисих-Лебедева (ныне его уже тоже окончившая, редактор «Теленедели»). Все уговоры выглядели примерно так:

— Поступай, у нас интересно.

— Почему бы и нет? С удовольствием.

Правда, удовольствие это, осуществить удалось только со второго раза. Первому препятствовал «народный» экзамен — изложение. Сожалений об этом у меня не возникало ни на минуту, потому что мой курс уж совсем точно самый лучший. Поэтому 1995 год стал гораздо интереснее предыдущего.

На свою первую практику я попал в газету «Уральский рабочий». О впечатлениях писать не буду, ибо они, как жизнь прекрасны и удивительны. Причем, чаще удивительны, нежели прекрасны. А по большому счету, грустны. Начиная со второго курса, частично или полностью, свои практики я уже проходил в, как минимум, интересной газете «Подробности». Могу заявить: это гораздо веселей.

Теперь о другом. Думаю, что отдельно от гитары меня уже не представляет никто из моих сокурсников. Так уж получилось, что даже на самый первый вопрос: «А что ты делаешь?» (не помню, кто его задал в первый день учебы, когда мы только-только познакомились) — я ответил: «Играю на всяких «гитарных» инструментах». И пришлось играть. Отлично понимаю, что, как человек, занимающийся музыкой чуть более серьезно, чем просто, я мог за эти пять лет «достать» даже очень хорошо относящихся ко мне людей. При подготовке, а главное, при репетициях всех праздников недовольно ворчащий, кричащий, а иногда даже матерящийся на всех остальных. «Ксюха, ты поешь низко, не дотягиваешь! Людка, ты перевираешь мелодию! И вообще, вы в сильную долю не попали, поем с начала!..» Конечно, со мной было тяжело. Но самую главную вещь я все-таки открыл. Помню, один человек, с которым мы вместе поступали в первый раз, говорил, что журналистикой станет заниматься только в самом пиковом случае, если уж очень «припрет». Неправ он был. И пусть «отрежут лгуну его гнусный язык!» Журналистика очень сродни музыке. И, коли попробовал один раз, уже не расстанешься.

Ну, может быть, только на время. И все равно будешь печатать на компьютере, снимать сюжеты, или марать чернилами, как это не парадоксально. Все равно придется. Но, как говорила любимая Лена Ивановна Фролова: «Не пишите красной пастой, меня бесит этот черный цвет!»



Вераника КНЯЗЕВА

КАК Я ХОТЕЛА СТАТЬ МАСТЕРОМ

Пять с половиной лет назад я стала студенткой только что открывшегося отделения журналистики в университете родного города Ижевска. За год я выучила удмуртский язык и одну занимательную фразу: «Наша пресса коррумпирована и ангажирована». Расшифровывать эту абстрактное высказывание каждый раз на зачете мне было немного противно. Более того: конкретным вещам, которые во всем мире называются «журналистским мастерством», там обучать даже не думали. Поэтому в поисках более серьезной школы, я добралась до Екатеринбурга.

Поначалу все на 4 этаже большого серого здания казалось солидным и по-настоящему «журналистским». Странные слова — тезаурус, коннотация и симультанность — внушали страх и уважение. Но постепенно все становилось простым и понятным, а грозные преподаватели на глазах добрили. Но все равно было что-то не так.

Первая запись в подвале, в студии у Елены Васильевны была самой волнующей и милой. Съемка до сих пор сохранилась у меня на кассете. Но дальше этого дело не шло. Все уроки по журналистскому мастерству закончились учебными сюжетами, которые мы снимали в основном для галочки. И все. Настоящие события проходили за стенами университета. Там делали Настоящие Новости, и там было настоящее телевидение.

Три летние практики на телевидении в родном городе и здесь (в смысле, в Екатеринбурге) убедили лишь в том, что сюжеты про детские лагеря, энцефалит и собачье бешенство — единственное, что я могу узнать из репортерской работы, если буду практиковаться лишь в «специально отведенное для этого время года».

На четвертом курсе я устроилась в новости «Студии-41» и к моему ужасу убедилась, что я ДО СИХ ПОР НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ И НЕ УМЕЮ! Пришлось вспоминать все возможные средства выразительности телевидения и пытаться применять их на практике. Оказалось, что сделать зрелищный ре-

портаж с первого раза очень непросто. Соображать, что к чему, я стала лишь во время своей последней практики на 4-ом курсе, которая началась в марте 99-го и продолжается по сей день. Как сейчас помню командировки в Тугулым, в Буланаш, в Серов на металлургический завод. Было очень интересно, черт возьми!

Все приходит с опытом, и теперь я с уверенностью могу сказать, что новости — это самая лучшая школа журналистского мастерства. Причем новости с 10 утра до 10 вечера. Каждый день. Со спецпроектами по субботам.



Елена ЛЕХОВА

***Кибержурналистика,
или Невыносимое
желание быть там,
где тебя Net***

Нет, журналистика — это не мое, подумала я, когда после очередной неудачной попытки подписать синхрон на редкость

косноязычного собеседника (а было это в районе 24.00), начала искать на «линейке» кнопку Reload.

А получилось все как-то само собой. В сентябре 1995 года, полная надежд и честолюбивых планов на телезвездное будущее, я начала учиться теле-радио-науке на факультете журналистики, а весной 1996 на новой работе мамы узнала, что такое Виндоуз и почему он «Маст дай». Так и повелось: утром — на журфак, вечером — в царство пикселей и пунктов.

Сначала мне просто нравилось. А позже я начала сравнивать:

Весна 96. Журналистика — это люди, Компьютер — это ящик с железом. Но ящик интересный!

Лето 96. Журналистика: первая практика на муниципальной телестудии Тагил-ТВ и первый в жизни месяц в чужом городе без родителей.

Компьютер: «Мне снится твой дружественный интерфейс!»

Второй курс. Осень 96. Журналистика в Нижнем Тагиле: «А из нашего окошка — только улицы немножко...»

Компьютер (время создания первого в жизни веб-сайта): от любви до ненависти — один шаг. Виндоуз — маст дай форевер!

Зима-весна 97. Журналистика (время проведения разведывательных работ на предмет прохождения практики) — это когда ты ничего не знаешь, но делаешь вид, что знаешь такое!..

Компьютер — это Интернет, Интернет — это люди.

Лето 97. Журналистика: «А я практику на «Четверке» прохожу! Ну, в «Утреннем Экспрессе»...

Интернет: «Я знаю, что ничего не знаю».

Третий курс. Осень-зима 98. Между двух работ.

Журналистика: «Утренний Экспресс» — последняя попытка найти истину.

Интернет: Истина где-то рядом. (А Билл Гейтс уже здесь! :-)))

Весна-лето 98. Журналистика: Самое время для Нескафе...

Интернет: визитка веб-дизайнера.

Четвертый курс. (Время глобальной переделки веб-сайта организации, в которой работаю) Интернет — это то, с помощью чего я смогу помочь людям. Как минимум — своей организации.

Пятый курс. Интернет и журналистика: а если объединить?

Итак, история только начинается. Я знаю, что без Журналистики я никогда бы не поняла, что такое Интернет и зачем он, в действительности, нужен.

На самом деле, Интернет и журналистика очень похожи. И то и другое — лишь информационное поле, в котором мы живем и которым пользуемся по своему усмотрению.

И формировать это информационное поле для Жизни — нам.



Григорий ЛОМАКИН

О ПОЛЬЗЕ ПРОГУЛОВ

Поступил на журфак я совершенно случайно. Вообще-то собирался в юридический, но хорошо знающая меня дама в приемной комиссии УрГЮА (преподававшая в нашей школе историю) поклялась, что ляжет чем и куда угодно ради того, чтобы я не переступил юридического порога. Зная ее железобетонное упорство, решил не испытывать судьбу. Подумал, собрал свои публикации (а их скопилось не так уж мало, ведь «пробовался» я в журналистике лет с одиннадцати — сказалось рождение и воспитание «в газетных гранках». Из школы я обычно шел не домой, а в отдел коммунистического воспитания молодежи газеты «На смену!», заведовала которым тогда моя мама).

Вступительные сдал легко: творческий — «5» (журналистский опыт какой-никакой уже имелся), изложение — «5» (всегда писал грамотно, хоть и не помнил никогда ни одного правила), зачет по истории — правильно «пять из пяти» (ну, это меня в юридическом классе поднатаскали). Нервничал, конечно, эти две вступительные недели страшно. На зато и радости было потом... Хватило аж до сессии, в период которой я впервые увидел очень

многих преподавателей. «Мощный заряд бодрости» придало сообщение о недопуске меня почти по всем предметам. Такой мощный, что хватило на все следующие пять лет, за которые ни разу не пришлось бежать за «хвостовкой».

Так и стала главным делом в жизни учеба. Поэтому о том, чтобы где-то серьезно работать, даже не задумывался. Иногда писал в «Насменку», там же и проходил все практики, немного сотрудничал с пресс-службой «Уралтрансгаза». Но когда в начале 99-го мне предложили место пресс-секретаря этой организации, решил не отказываться. Оформился там с апреля, тогда же начал реализовывать свой проект создания «трансгазовской» многотиражки. И тут очень пригодились журфаковское образование. Понадобилось практически все, от стилистики до законодательства. За это я и благодарен журфаку.

Ольга ЛЯЛИНА

Я СЧАСТЛИВА!



В седьмом классе после районного конкурса сочинений моя учительница по русскому языку и литературе, Нина Ивановна Казачкова, попросила меня остаться после урока. Мы разбирали с ней конкурсные работы (тогда я заняла первое место, и мое сочинение ушло на областной конкурс) и вдруг неожиданно для меня, читая мое сочинение и не отрывая от него глаз, она громко и уверенно произнесла: «А ты можешь стать журналистом, у тебя есть какие-то задатки этой профессии...»

До окончания школы ее слова не выходили у меня из головы. И после выпускных экзаменов средней школы № 8 поселка Уральский я, не раздумывая, сделала свой выбор и подала документы на факультет журналистики УрГУ.

Лето 1994 года было жаркое и, конечно, я была на седьмом небе, когда в один из дней августа узнала, что буду учиться там, где мечтала. Ведь не каждой провинциальной девчонке из глубинки Пермской области так улыбается фортуна. Здесь нельзя не сказать, что 18 из 22 одноклассников поступили в ВУЗы города Перми, а я стала далекой от всех.

И вот я одна в большом индустриальном городе с множеством улиц (у нас в поселке их всего двенадцать). Поначалу путалась в трамваях и остановках, жизнь в городе мне казалась тяжелой и невыносимой. Иногда ночью я засыпала со слезами на глазах, вспоминая своих родителей и шумную компанию друзей, которые остались где-то там, в милом для меня поселке.

Но дни летели. Я вошла в иную сферу жизни — городскую. Первый год каждые две недели ездила домой — скучала. А потом я только раз в неделю звонила родителям, убеждая их в том, что у меня все хорошо.

Мне нравилось учиться на журфаке. Появилось очень много знакомых и друзей не только в группе, но и в университете, и в других институтах.

«Ученье — свет, а не ученье — тьма» — еще раз подтверждаю это умное народное высказывание. За время учебы в университете я прочитала много книг, познакомилась с увлекательными людьми. Вообще, мой внутренний мир резко изменился, расширился кругозор.

Журналистика — это прежде всего люди! Нет неинтересных людей. В каждом из нас заложена какая-нибудь изюминка, ее нужно раскрыть, показать окружающим, но не каждому это дано. А вот меня этому научили здесь, на родном факультете — находить подход к каждому человеку.

Закрыв глаза, представляю себя элегантной ведущей самой популярной передачи. В студии светло, уютно, горят яркие прожектора, вокруг меня суетится много людей. Я стою перед камерой, жду команды «Мотор! Начали!», улыбаюсь и думаю: «Я СЧАСТЛИВА!»



Александр МАРТИРОСОВ

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

В первый день, когда в большой, обшарпанной аудитории декан взирал на сто с лишним первокурсников, как жрец на свою паству, рассказывал о факультете, куда нас всех занесла нелегкая, и как святыню, вручал студенческие билеты, я впервые увидел ее. Высокая, худая девчонка с огромными черными глазами, цвета воронова крыла волосами до плеч, с мальчишеской походкой и такой же грудью, в нелепом зеленом костюме. Она напомнила мне Викторию Федорову из «Баллады о любви». Она была создана для такой баллады! У меня не оставалось выбора: я влюбился.

Я был влюблен весь год. Все об этом знали. Даже подарили мне однажды безделицу с надписью «Самому влюбленному юноше 102 группы». Безделица хранится у меня до сих пор, но что стало с влюбленностью? Может быть, я уронил ее и она пролилась, как проливается жидкость из разбитой бутылки. Может быть, я свалил ее в кучу и сжег, и не осталось ничего, кроме запаха и мерцающих в темноте углей. Может быть, я не умел отличить любовь от ревности и так смешал их, что все испортил.

За первый год однокурсники так привыкли быть в курсе моих чувств, что не перенесли утраты. На протяжении следующих четырех лет особо охочие

до интимностей выспрашивали их у тех, с кем я близко общался, выспрашивали их у меня, пользуясь учебными заданиями-интервью. Как-то один студент из «младших школьников», случайно присутствовавший при моем телефонном разговоре с девушкой, готов был обернуться букашкой, только бы пролезть в аппарат и узнать, в чем суть разговора. «Ведь ты держишь в тайне свою личную жизнь», — сказал он. Это неправда. Я никогда не делал из нее тайны, но и не расклеивал объявления. Впрочем, они не снискали бы популярности. Публика расходится в тоске, когда слышит о примерном семьянине. Нетрадиционная ориентация ей больше по душе. Поэтому слухи ходили разные, до меня доносились лишь отголоски. Но я считал их своей главной удачей. Ибо главная удача — не походить на то, что о нас думают люди. Что бы от нас осталось, если бы общественное мнение нападало на нашу действительную сущность? А легенды тем и хороши, что не похожи на реальность. Никто так умело не создает легенды, как журналисты. Парадокс в том, что чаще всего они делают это бездумно, а когда бомбочка взрывается, первыми шарахаются от удивления. Мне пришло это в голову во время учебы на журфаке. Вовсе не из-за сокурсников, нет. Очевидно, просто настало время.

В «Письме в 2000 год», которое написал каждый из выпускников нижегородской школы № 19, я не делал умозаключений о журналистике. Писал просто о желании работать на ТВ. Телевидение меня манило и пугало. Но, как в случае с женой Лота, любопытство одержало верх, и, поступив на журфак, я немедленно записался в группу телевидения и радиовещания.

«На журфаке не учат писать», — говорила мне, когда я десятиклассником только пришел в газету, Ирина Брусенцева, журналист районной газеты в Нижнем Тагиле, выпускница факультета журналистики УрГУ. Да и кто может научить писать? Писать значит бороться с чернилами и бумагой, добиваясь, чтобы тебя услышали.

На журфаке вообще не учат. Если хочешь, учишься сам. Бессмысленно толковать человеку то, чего он не чувствует и понять не может. В этом — главное достоинство нашего факультета. Дело не в зубрежке, не в количестве знаний и не в красном дипломе. Дело в желании дойти до сути, самому раскопать заинтересовавшее, самому найти факты, разглядеть историю. Заученные даты и фамилии забудутся через неделю после зачета. Найденное самостоятельно останется с тобой навсегда. Задача преподавателя журфака в том и заключается, чтобы показать красоту предмета, достоинство конкретного знания. А дальше вступает в силу принцип, который с уверенностью можно класть в основу обучения на журфаке и дальнейшей профессиональной деятельности: хочешь быть журналистом — будь им. Зацепись за паутинку и дойди до сердцевины. Я это понял. Не сразу, не на первом курсе (там меня занимали другие дела), но понял. И это останется со мной, как и снимок застывшего прошлого, где девушка с роскошными волосами и полным романтики взглядом прислонилась к осенней березе. День был безветренный. Но вот налетела буря, и мы унеслись, гонимые ветром,

как листья с одного дерева, которые в одиночку дожидаются зимы. И уже нет девушки с мальчишеской походкой и нет юноши, заслужившего безделицу с забавной надписью. Но при случайной встрече в толпе приглашенных на пресс-конференцию или на журналистской тусовке мы сможем задержаться рядом дольше, чем на кивок, ведь пять лет журфаковской жизни что-нибудь да значат.

Лидия МИТЮШКИНА

ДОСЬЕ № РАЗ



Про себя, любимую, писать неохота. Лучше вслух рассказывать всякие байки и страшные истории. Мемуары надо издавать ближе к концу жизни, а надеюсь еще чуть-чуть протяну.

Начиналось все достаточно банально. Родилась, училась. Но в 15 лет затесалась в группу археологов-поисковиков и укатила на Алтай копать в стоянке древних людей. А там были молодые хиппари с гитарами. Аллилуйя! Просветление! Вернулась другим человеком. И если бы не директриса нашей школы, то учителям и блюстителям нравственности и спокойствия пришлось бы плохо. Но у Анны Александровны была идея-

фикс. Она хотела сделать из нашей школы лицей и приглашала всех преподавателей преподавать все что угодно. Так в школе оказалась Люба Вяткина — редактор молодежной газеты «Окно». Она учила нас журналистике.

Выход для кипящего, возмущенного, молодого разума был найден! Путь был определен. «Окошко», «Юшки», журфак. После первого курса я оказалась на практике в газете «Телнеделя». Причем пришла я туда только благодаря Гене Качинскому. Редактор Стас Черный (тоже из «окошной» мафии) звал только его. Но Генка «уперся рогом» и сказал, что только вместе. Ну и ладно. А как пришла, так и осталась, ходя уйти порывалась несколько раз. Пока что не вышло. А загадывать вперед не хочу. На данный момент «ТН» — лучшая газета в Екатеринбурге, с самым большим тиражом. Благодаря мне тоже (в первую очередь моей скромности!). Что еще? Пока ничего. Сперва надо сделать что-то, а уж потом расписывать. Хотя вот я только что получила права! Водительские. Это вроде достижение. Теперь сверхзадача — отдавать все хвосты. А в будущем... Нет никому не расскажу. Вдруг не сбудется!

Я, КАК ОН ЕСТЬ

Прикончив в 1995 году школу, я подумал: «А надо, братцы, учиться дальше». И пошел поступать на факультет журналистики. Почему именно сюда?

Просто с начала 90-х годов в некоторых периодических изданиях Екатеринбурга и города Каменск-Уральский были опубликованы мои короткие рассказы, в основном, на фантастические темы, и несколько аналитических материалов. Помню, что один из материалов, вышедший в газете «Окно», назывался «Война глазами старшеклассников» и был посвящен рассмотрению итогов серьезного социологического исследования, проведенного мною среди одноклассников на тему «Война в Чечне» (на дворе стоял февраль 1995).

На журфак я поступил сразу, набрав 16 баллов из максимальных 15 и одарив приемную комиссию своими публикациями. Ясное дело, что на первом курсе учиться было сложнее всего. Современный русский язык, иностранный... Ну, вы понимаете. Трудновато было. Правда, скажу без ложной скромности, все экзамены и зачеты во время сессии я сдавал с первого раза. В основном — на «отлично». А позже, к третьему курсу, учиться стало гораздо легче. И потому на четвертом я устроился на работу. И не на одну. Первая работа в автомобильной программе, выходящей на Обласном телевидении? Вторая — в пресс-службе ООО «Уралтрансгаз». Плюс разные приработки «на стороне». Словом, все путем.

Практику я проходил в разных СМИ: в новостях на АСВ, в новостях на ТРК «Студия Город», в Уральской Информационной Компании (УИК ТВ), в газетах «Вечерний Екатеринбург», «На смену!» и других. Летом 1999 года в течение месяца исполнял обязанности ответственного секретаря пресс-центра Международного Конгресса ВФАК ЮНЕСКО, проходившего в нашем городе.

В заключение скажу только одно — если хочешь быть богатым и счастливым, в журналистику нельзя идти ни в коем случае. Жаль только, что прозрение наступает так поздно — к 3-4 курсу. Сегодня я не знаю, что меня ждет впереди. Журналистику я, наверное, брошу и уйду в бизнес — делать деньги. Или я могу... Что же я могу?

Наталья МОШКИНА

НА ЖУРФАКЕ УЧИТЬСЯ... ХОЧУ!

Учится на журналиста я никогда не собиралась. Тем более не собиралась бегать за какой-то эксклюзивной информацией и совать нос во всевозможные неприятности. Просто 17-летние девчонки слишком просто влюбляются, увлекаются и придумывают кумиров.

Так и я. Будущий преуспевающий юрист (мне даже снились мои бесподобные речи в зале суда!!!), коренная свердловчанка, почти отличница пришла на «4 канал». К одиннадцатому классу у меня появилось новое хобби: писать в газету «Честное слово». Главный редактор мне даже рубрику отдала, «Гостиная» называлась. Про знаменитостей. И накануне поступления мне позарез понадобилось взять интервью у «знаменитого» журналиста. Ничего умнее я не придумала и пошла к Иннокентию Шеремету. И вот картинка: Сидит Иннокентий Викторович и дает свое первое в жизни интервью, бледнеет, не понимает, что говорить и как отвечать на вопросы из серии «романтика в журналистике», а напротив сижу я и думаю: «Никакой юридический мне не нужен, лучшая профессия — журналистика».

Результат: литр валерьянки для мамы, папино «ну и ну» и документы на журфак. Самым сложным экзаменом оказалось изложение. (Готовилась-то в юридический, что такое «переделать диалог в логизированный монолог» услышала только на самом экзамене).

Поступила. Закончить должна была аж два года назад, но попала под машину и два года отдыхала от учебы. За долгие годы учебы поработала на 4 канале. У Севы Махова в программе «Уезд», потом съездила в Москву и практически первая пришла на ОблТВ.

Сначала были новости «События», почти год я бегала как сумасшедшая по всей Свердловской области. Чего только я не насмотрелась за этот год! Но про учебу я старалась не забывать. До сих пор мой любимый оператор вспоминает, как по дороге на тройное убийство в Сухом Логу я ехала и читала вслух «Основы маркетинга». Ну, а однокурсники переодически припоминают мне мой сон во время лекций после ночного монтажа... Весной 1999 мне предложили уйти из новостей в программу «Местное времечко». Это программа — партнер московского «Времечка». Там я и работаю. И сейчас уверена — профессию я выбрала правильно. Хотя и училась долго, два года была в академе, хоть и сомневалась иногда в профпригодности. Хотя к концу пятого курса я забыла про всю ту романтику, которую воображала себе не интервью со «звездой», но журналист — хорошая профессия.

Светлана НЕФЁДОВА

О РОЛИ СЛУЧАЯ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Начало

Когда я училась в начальной школе, то была убеждена, что стану учительницей. И вплоть до одиннадцатого класса этому выбору «не изменяла». Правда, появлялись разные варианты, в зависимости от интереса к предметам. Сначала была математика, потом биология, потом история и, наконец, музыка. Может, все и шло бы спокойно и ровненько, но как-то на школьной доске объявлений появилась бумажка. Это была половинка от обычного тетрадного



листка в клетку. Не помню его содержания дословно, но суть заключалась в том, что в Первоуральске (где я до сих пор живу), появился подростковый пресс-центр при газете «Честное слово». И все желающие приглашались. Я вняла призыву. Правда, только через год. И до сих пор не понимаю, как смогла тогда перебороть свою стеснительность. Но как только я впервые появилась на пороге комнаты во Дворце пионеров (занимались сначала в этом здании), то уже не смогла оттуда уйти. За четыре года моей школьной юнкоровской «деятельности» многое менялось: пресс-центр закрывался, открывался в новом составе, приходили и уходили многие ребята, «Честное

слово» успело «кануть в Лету», а мы — превратиться из ежемесячной подростковой полосы «Парус» в городской газете в отдельное молодежное издание с названием «Бульвар Юности». Жаль, что после поступления на журфак «основного состава» газета перестала существовать. Те, кому она была нужна — выросли...

А что меня-то так задержало в газете? Так любила писать? Мечтала видеть собственное лицо на телеэкране? Или слышать свой голос по радио? Или «балдела» при виде собственного имени на газетной полосе? На все эти вопросы могу дать однозначный ответ — нет. Нет, я не любила писать. Более того, была, пожалуй, самым малопишущим человеком в нашей редакции. Насчет радио и телевидения — с детства не люблю слышать с экрана или из приемника дефектную речь. Объяснять журналистам, что это такое, думаю, не нужно. А поскольку я знала, что на журфаке моей речью и дикцией никто заниматься не будет, то сразу исключила для себя эти две специализации. К тому же газетная журналистика интересовала меня гораздо больше. Помню, когда впервые попала в настоящую типографию, то просто не могла оторвать взгляд от печатного станка...

Так что сомнений при выборе специализации не было. И до сих пор об этом решении не пожалела. Сейчас это, пожалуй, одно из самых больших удовольствий в моей жизни — писать. Очень люблю два «момента» работы: когда разговариваешь с человеком, и когда пишешь материал. В это время забываешь о себе, о своих бедах, проблемах, неудачах, комплексах. Это как наркотик — невозможно, однажды «вкусив», остановиться... Но это я уже сегодня понимаю, что как бы не повернулась жизнь бросить «бумагу пастой марать» уже не смогу. (Главное не стать графоманом!)

Ну почему?

Однажды мы с девочками из пресс-центра приехали в «юшки». Девочки потом редко появлялись на занятиях, а я и здесь «застряла». И два года (10–11 класс) каждую среду после школы ездила в универ. Юшки-то, пожалуй, и сыграли решающую роль при выборе профессии.

Безусловно, сначала была Мария Федоровна. Она настолько отличалась от моих школьных учителей! Всем. И манерой разговора, и умением вести диалог с огромным количеством совершенно разных подростков, и само построение занятий тоже было не похоже на школьные уроки. С «уроков» М. Ф. и началось для меня более осознанное восприятие профессии.

Затем сами «юшки», то есть ребята. В классе я была «белой вороной» (кому-то это может показаться странным, но так оно и было). А здесь чувствовала себя «в своей тарелке». За два года я «заочно» познакомилась со многими людьми, которые потом, в основном, и составили наш курс. Это и Лидка Митюшкина, Генка Качинский, Лешка Кашпуров, Наташка Жердева, Иринка Смоляная, Инка Домрачева, Сашка Жестков, Настя Ровнушкина, Ирина Шимова, Лена Лехова, Тоня Лямцева, Настя Силантьева, Коля Яблонский, Сева Доможиров, Маша Крылосова и многие другие. Почти все они писали для разных подростковых газет, поэтому «знакомые лица» я встречала не только на «юшках», но на всевозможных сборах, днях рождения газет... Так что мне повезло увидеть и узнать свой курс до того, как он начал существовать. Я была, и до сих пор убеждена в том, что, по крайней мере, по своим задаткам, творческому потенциалу мой курс один из лучших в истории факультета, один из самых ярких. Так как же я могла упустить шанс учиться на нем?

Но все же «последней каплей» при выборе профессии стала встреча с одним из наиболее любимых и уважаемых мною преподавателей. Эта встреча произошла, когда я заканчивала одиннадцатый класс и все еще выбирала между музыкальным училищем и журфаком... Однажды на «юшки» вместо Марии Федоровны пришла невысокая женщина. Она вошла медленно. Положила сумку на первую парту. Поправила очки. Улыбнулась своей лукаво-доброй улыбкой... Конечно, это была Маргарита Михайловна.

...После ее лекции моя «судьба» была решена.

Учиться, учиться и учиться...

...А поступить мне было тяжело. Очень. Я не прошла по баллам. Получила тройку по изложению (хромают знания о знаках препинания). Историю мы сдавали зачетом, так что сдашь ее или нет — уже неважно. И тут у меня случилась страшная истерика. И если бы не мамина «жесткая рука»... Мама, фактически, окончательно (как оказалось потом), решила мою судьбу. Она поступила просто и правильно — выставила меня за дверь. Со словами: «Ты сама выбрала такую профессию. Помнишь? (А «дебаты» по этому поводу велись долгие. Мама была против. Да и до сих пор не в восторге от

моего выбора). Вот и иди до конца!» Историю я сдала. Потом училась год платно, на что «вгрохали» все семейные сбережения. После первого курса я перевелась на «бюджет». А те мамыны слова я часто вспоминаю, когда наступает очередной период «хандры». Это, знаете, действительно классно, ощущать, что сделал свой выбор сам и не жалеешь об этом. Хотя... и у меня бывают срывы и «кризис жанра». И достаточно долгое время. Происходит это, по крайней мере, у меня, тогда, когда занимаюсь «не своим делом». Например, уже после первой практики поняла, что «информационка» — не мое дело. Слишком уж я для этого медлительна. Да и люблю постоянно влезать поглубже. А для этого нужно время. И еще я поняла, что мне интересно в моей профессии — люди. Иногда. Когда начинаю хандрить, ныть, мне кажется. Что я неверно выбрала профессию... И вдруг, знакомлюсь (чаще случайно; в жизни, вообще, многое случайно) с каким-нибудь безумно интересным человеком. И понимаю: вот! Для этого я и работаю, чтобы рассказать об этом конкретном человеке какому-то другому конкретному человеку.

...За пять лет учебы многое изменилось. Изменилась я, изменились мои однокурсники, изменился и факультет. Не знаю, когда мы были лучше — пять лет назад или сейчас, но на первом курсе все казалось более хорошим и простым. Тогда мы чаще позволяли себе мечтать о невозможном. Мы лазили по крышам, издавали газеты, ездили на практику не из-за денег, а за романтикой. Мы искренне верили, что наш факультет ЛУЧШИЙ. И сейчас говорим это, но из несколько иных соображений. А я научилась «падать лицом в грязь» и снова подниматься, научилась недоверять людям, несмотря на всю свою общительность, восприимчивость и внимательность к чужим радостям и чужой боли.

...Я недавно задумалась над тем, почему все так изменилось? А все просто: мы выросли. И, кстати, только сейчас осознала то, почему все пять лет не искала работу, а честно училась, в то время как многие уже устроили свою жизнь. Я просто не хотела взрослеть... Мне просто хотелось еще некоторое время побыть «безответственным человеком». А работа — это уже ответственность. Это, как говорят, «всерьез и надолго». Но все же работа меня постоянно нагоняла.

Много профессиональных навыков мне дала летняя практика. Ее проходила в разных городах. Намеренно. Просто подумала о том, что учеба — единственное время, когда ты можешь поездить, осмотреться. Вдруг потом всю жизнь на одном месте будешь работать? (Хотя, сомневаюсь). Итак, сначала был «Вечерний Екатеринбург», потом «Артемовский рабочий» (г. Артемовский), затем «Ревдинский рабочий» (г. Ревда) и, наконец, «Магнитогорские вести», «Магнитогорские новости», «Наша Магнитка» (г. Магнитогорск, Чел. обл.). Как это ни странно, но наибольший опыт, как профессиональный, так и жизненный, мне дали «неудачные» практики (вторая и четвертая). Именно на них я попадала в какие-то экстренные ситуации и училась выходить из них. Пусть тяжело, порой долго и неверно, пусть это очень отражалось на качестве материалов, но все же опыт, полученный после этих прак-

тик, считаю более важным для моей дальнейшей работы и жизни. К тому же, здесь мне встречались люди, которых я считаю профессионалами. Таким был, например, Олег Владимирович Панков — литературный редактор «Нашей Магнитки» — человек, который не только сам прекрасно пишет и «чувствует слово», но видит и умеет чувствовать «слово» каждого из журналистов. Это, действительно, тот журналист-практик, у которого многому можно было учиться. Учиться не только «писать», но и уметь увидеть новый поворот темы, заметить ту глубину, которая скрыта «между строчками» текста. Учиться какому-то особо чуткому отношению к окружающим, а вместе с тем умением вовремя пошутить, вовремя «поругать», вовремя дать совет. Надеюсь, что я хоть чему-то научилась у этого человека. И, кстати, нигде кроме этой газеты я не встретила настоящего, сплоченного коллектива. А это, думаю, немаловажно для газеты, для ее успеха среди читателей.

И жизнь, и слезы, и любовь...

Именно этими словами могу определить свое отношение и к журфаку, и к профессии. Сейчас я работаю во внутренней газете «Суперстройка». Меня устывает возможность делать то, что действительно нравится — писать о людях. Устраивает зарплата, коллектив. Но человек — существо неблагодарное. Вечно хочется «чего-то большего». И я почти уже решила, чего...

Эдуард НИКУЛЬНИКОВ

КАК Я НЕ ПОСТУПИЛ НА ИСТФАК



Поступал на журфак я летом 95-го. Надо сказать, что журналистикой в чистом виде до поступления практически не занимался. Как-то больше привлекало кино и все, что с ним связано — режиссура, сценарии, операторская работа. Однако занятия в школе-студии «Экран и сцена» представлялись мне преимущественно как хобби, и связывать будущую профессию только с этим ремеслом не хотелось. Можно сказать, был в поиске. В какой-то мере в нем продолжаю находиться и сейчас — уж больно жизнь круто меняется.

Высшее образование я, долго не думая, решил получить на истфаке — к истории меня тянуло почему-то особенно сильно. В результате, весь одиннадцатый класс проходил на подготовительные курсы исторического факультета УрГУ.

Так вот, занимаясь на третьем этаже, даже и не догадывался о том, что нахожусь прямо под журфаком и скажи мне кто тогда, что учится следующие пять лет я буду именно там, этажом выше, ни за что бы не поверил.

Однако во время этих самых подготовительных курсов перемены во мне произошли довольно серьезные: история как предмет довольно сильно успела надоесть, иностранный язык вообще стал сниться в кошмарных снах. Переломной точкой в выборе факультета для поступления стал весенний день открытых дверей на журфаке, куда я заглянул совершенно случайно. В тот день подобное мероприятие почему-то отменили у историков, и я «для общего развития» решил посмотреть, что же творится на журфаке. И вот тут-то понял, что ни на каком поступлении на истфак не может быть и речи. Только на журфак! Уж не знаю, что меня тогда больше поразило и убедило. Скорее всего, речь Бориса Николаевича, к которому я как-то сразу проникся доверием и уважением, а может просто интуиция.

Как известно, именно тогда начинался настоящий бум «свободной и объективной» журналистики. На журналистов и ведущих в новостных программах НТВ и РТР полстраны буквально «молилось». Профессия казалась вполне живой, интересной, перспективной и романтической... Так вот тогда в 438 аудитории мне на ум почему-то пришли раскопки и запыленные архивы — истфак стал с того момента ассоциироваться именно с этими картинками. Дополнительным же «ЗА» в решении поступать на журфак было то, что из вступительных экзаменов там исключили иностранный язык, с которым у меня всегда были нелады. В такой ситуации поступление казалось почти делом техники. «Почти» — это из-за изложения, настоящего пугала от кафедры стилистики. Для победы над пугалом пришлось тренироваться в написании изложений месяца три. В итоге поступил. Видимо, судьба.

Однако, сравнительно легкое поступление очень быстро оказалось «компенсировано» страхом перед первым семестром и, конечно же, перед первой сессией. Не знаю как сейчас, но тогда учиться на первом курсе было нелегко. Сколько нужно было прочесть, законспектировать, перевести, выучить, зазубрить и при этом не сойти с ума — все это пусть отстанется тайной. Вообще же, себя отношу к категории людей, которую сам определил как «невундеркинды»: к любому зачету или экзамену я всегда готовился, как к «последнему бою», не рассчитывая особенно на пресловутый «общий уровень» (правильное понимание по использованию этого инструмента на экзаменах пришло гораздо позже). Но что самое удивительное — то первое сражение я выстоял на отлично, что довольно редко у меня получалось во все последующие сессии. Теперь вот последняя впереди и тоже сильно сомневаюсь, что повторю тот рекорд.

Надо признать — первые два-три года учебы на журфаке я ко всему относился ответственно, почти ничего не пропускал (в следующий раз обязательно буду действовать по другому!). Воспоминания о списках русской и зарубежной литературы до сих пор вызывают дрожь по всему телу. О семинарах я не говорю: переорать кого-либо из одногруппников было вообще не-

возможно и автоматы получал крайне редко. О том, чтобы во время семестра еще и где-то работать я даже боялся думать. Сейчас понимаю, что совершенно напрасно. На младших курсах у меня не было ни одного хвоста. Это был не «комплекс отличника», просто не хотелось выглядеть идиотом перед преподавателем. Естественно, подобное «заученное» поведение на протяжении довольно долгого времени неизменно накладывает свой отпечаток: начинаешь бояться за любой невыученный вопрос, стараешься прочитать все нужные книги (правда, смешно?).

Теперь-то я стал понимать, что подобная ответственность, совершенно неприемлема для этой профессии. Ведь что самое важное для начинающего журналиста? Правильно: побыстрее набраться опыта в газете или на телеканале и продолжать развиваться именно в реальных, боевых условиях. Учеба в УрГУ — дело, конечно, тоже хорошее, вот только перебор по этой части грозит незаметным, чуть не сказал — безнадежным, отрывом от этой самой реальности. Приведу пример.

Курсе на втором у меня был выбор: пойти работать или продолжать учиться, как говориться «на все 100». Я выбрал второе, справедливо, как мне казалось тогда, полагая, что если буду уделять учебе меньше времени, то не успею прочитать «очень важные» книги, многое для себя потеряю и неизбежно завалю сессию. Сессию ту я, естественно, сдал, хотя и не без трудностей. Но сейчас лично меня другой вопрос мучает: а вот нужно будет вспомнить хотя бы примерное содержание 90% прочитанных тогда книг, и ведь не вспомню. Преподавателя вспомню, время года вспомню, даже номера на Дне первокурсника того времени и то вспомню, а вот сюжеты «Ярмарки тщеславия» и «Гаргантюа и Пантагрюэля» куда-то пропали... Но сколько же я времени на них убил!

Так что не могу не сделать категоричный и беспощадный вывод — на журфаке нужно работать. И учиться, по возможности. Без практики теория очень скоро загнивает внутри ее обладателя и неизбежно проваливается внутрь самой себя. Ну что же, понимание приходит с опытом. Здесь я не имею в виду традиционную летнюю практику — тут все было в порядке. Другое дело, что когда начинался очередной семестр, совмещать работу с учебой я считал совершенно невозможным при виде новых списков все той же литературы или истории. Видимо, в этом проявлялась одна странная черта моего характера: не мог я делать хорошо два дела одновременно, а делать что-то посредственно было тоже не в моих правилах. Такие вот пиროги. Окончательно же избавиться от «перекоса к теории» мне удалось только к середине четвертого курса. Теперь вот наслаждаюсь перекосом в сторону практики. Может, так и нужно?

Я — ЖУРНАЛИСТ-СОБАКОВЕД



До самого последнего момента поступать на факультет журналистики я вообще не собиралась. Я училась в химико-биологическом классе и хотела быть ветеринаром, но вовремя почувствовала, что это работа не для меня. И решила идти на биофак Университета. А уже в конце одиннадцатого класса я вдруг поняла, что все в моей жизни надо менять, и объявила родителям, что буду журналистом. Они чуть в обморок не упали.

Конечно же, я не поступила. Но год, прошедший от первой до второй попытки поступления на журфак, не был для меня потерянным. Я приобрела ценный опыт поиска работы. Первым моим рабочим местом стала комната в студенческом общежитии, где обитала собака-боксер Мэгги и четырехмесячная девочка Катя. Родители Кати учились в институте, а я, в то время как они сидели на лекциях, меняла Катюше ползунки, кормила ее молочной смесью из бутылочки, чесала за ухом добрую Мэгги и читала «Братьев Карамазовых», когда Катя засыпала. За час сидения с малышкой Сергей, Катин отец, платил мне тысячу рублей (старыми деньгами). Через месяц я купила себе примитивный отечественный магнитофон и была безмерно счастлива.

Одновременно я ходила на подготовительные курсы и не теряла надежды устроиться кем-нибудь в какую-нибудь газету. В один прекрасный день я познакомилась с женщиной по имени Жанна Корнет — личностью творческой, деятельной, с семьей пятницами на неделе. Она и устроила меня в газету «На Смену!» на странную должность «курьер отдела маркетинга». Я с огромным сожалением покинула свою воспитанницу Катюшу, которой к тому времени исполнилось уже девять месяцев, и обосновалась на 12-м этаже Дома Печати в просторной комнате с великолепным видом на весь город из трех окон сразу. В мои обязанности входили всякие мелкие дела: отвечать на телефонные звонки, самой звонить куда-то, отправлять факсы, отвозить какие-то бумажки, кипятить чай и так далее. Потом я стала подрабатывать еще и в справочном курсов валют при газете «На Смену!». Денег стало больше, и жизнь веселее. За это время у меня вышло в «Насменке» несколько публикаций, с которыми я и отправилась потом в приемную комиссию журфака.

Со второй попытки я поступила в Университет. До сих пор не знаю, сама я поступила или же при незримой помощи своей начальницы Жанны Корнет. Хочется верить, что все-таки сама. На курсе я довольно быстро нашла друзей, которых до сих пор очень люблю, хотя не со всеми из них теперь часто общаюсь, и с которыми у меня связано столько светлых воспоминаний. Это и песни под гитару с неизменным вермутом «Глория», и ночные вылазки на крышу университетского профилактория, и незабвенная газета «Воробей», издаваемая нами на первом и втором курсах. Полушутливое противостояние с газетой «Голос народа», возглавляемой Максимом Шишкиным, создавало атмосферу здоровой (а иногда и нездоровой) конкуренции и борьбы за читателей-однокурсников.

Конец первого курса ознаменовался первой практикой, проведенной в городе Артемовском. Она воспринималась как сплошное приключение. Ну еще бы, чего стоят только несколько дней в крохотной комнатке под названием «изолятор», где под потолком висела мутно-красная лампочка и было две продавленных кровати на троих, один стул, утюг и штанга. А переплывание местной реки Бобровки во время заката солнца! Когда солнце отражается в воде, а ты в это время посередине реки, и закат вокруг тебя... А потом был колхоз. До сих пор вспоминаю деревню Потаскуево, бесконечные картофельные поля, коноплю в человеческий рост, речку Сенару, дождь и снег, водку «Три богатыря», покупаемую по ночам у дяди Вани и страшно пахнущую ацетоном, драку с местными жителями с применением ножа и забора, и последующим приездом «скорой» и «милиции». После возвращения из колхоза у нашей знаменитой «пятой бригады» появилось такое количество своих приколов, что однокурсники временами нас просто не понимали. К примеру, фраза «Ну, что сидите, уже все сделали что ли?» вызывала у нас бурную реакцию просто потому, что это была любимая фраза нашего колхозного начальника, пытающегося вызвать у нас желание работать.

Окончив третий курс, я вышла замуж и сменила фамилию Белугина на фамилию Плотникова. Мой муж Миша тоже студент, учится в УПИ. Защищать дипломы мы должны одновременно.

Осенью погиб мой славный пес — фокстерьер Атос. Прошло уже больше года, а меня до сих пор спрашивают о нем знакомые, соседи и просто собаководы нашего района. Яркую личность всегда помнят. С тех пор я не могу спать в абсолютной тишине, и потому завела крысу, чтобы в комнате что-то шуршало. Честно говоря, раньше я и не подозревала, насколько симпатичны, умны и интересны эти животные.

Вторая и третья практики прошли в газете «Екатеринбургская неделя». Они были очень полезными, но уже не такими интересными, как первая. Эдик Коридоров учил нас писать и не только, ругал нас и всю журналистику в целом. Именно тогда я поняла, что, скорее всего, просто не гожусь в журналисты, потому что политика мне не интересна и противна, в экономике я ничего не понимаю, тема культуры мне симпатична и интересна, но для того,

чтобы писать об этом, мне явно чего-то не хватает, какой-то тонкости восприятия, что ли. К тому же охват разных тем был для меня слишком тяжел, я не успевала понять и разобраться в одном явлении, как надо было уже заниматься чем-то совсем другим. Не могу писать о том, чего не понимаю и чего не люблю, а в общественно-политическом издании это регулярно приходится делать. Единственное, что приносило мне некоторое удовлетворение, это тематическая полоса «Живой уголок», где я писала о животных, сама находила темы и даже пыталась сама верстать свою полосу. В августе 1998 года в стране случился кризис, а в «ЕН» еще и пожар, в общем, денег стало мало и жить стало грустно.

Но судьба преподнесла мне еще один подарок. Собирая материал для одного из своих «Живых уголков», я услышала, что при издании «Семейный круг» создается газета про животных «Кенгуру». Я немедленно позвонила и приехала туда с предложением себя в качестве журналиста-собаковеда. Моя последняя практика оказалась целиком и полностью посвящена любимой теме — животным. Я почувствовала, что наконец-то нашла то, что мне действительно нужно. Меня поразило, что в этой работе требуется гораздо большая точность и ответственность, чем при работе в общественно-политической газете, потому что отклики и претензии приходят чаще и быстрее (иногда даже еще до выхода номера), а круг читателей и источников информации несомненно уже. Но на заседании кафедры, оценивая мои труды, сказали, что эта тема мелка и несерьезна (почему-то политическая «заказуха» считается у нас делом более серьезным и благородным и не то что не осуждается, но даже приветствуется). Но я-то знаю, что это очень даже серьезно и ничуть не менее важно, чем любая другая журналистская тема. Ведь степень гуманности общества характеризуется отношением к старикам, детям и животным.

И вот уже скоро конец моей студенческой жизни. А я пришла, кажется, к тому, с чего начинала — с животных. Я пришла к тому самому дню, когда впервые коснулась рукой косматой собачьей шерсти или когда взяла в руки хомяка. Ну что ж, значит, это и есть мое дело.

Анастасия РОВНУШКИНА

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ И НЕ СБЫВАЮТСЯ

Тот год, когда я поступила на журфак, был одним из самых удивительных и интересных. После скуки и мути, преследовавшей меня в школе, я оказалась в обстановке, которая просто не оставляла места тоске и грусти. Наверное, многим знакомо состояние, когда все происходящее воспринимаешь так, как будто происходит все это вовсе не с тобой — слишком уж хорошо. Видимо, это самый обыкновенный стресс, который случается при резкой перемене обстоятельств жизни. Также было и со мной во время поступ-



ления. Я не спала ночами, волновалась. Разговаривала часами по телефону с Инной Домрачевой. Уснуть все равно не получалось, и мы с ней отсчитывали вместе время, оставшееся до ближайшего экзамена. В универе всякий раз кто-нибудь непременно вселял панику: Наташа Жердева, например, которая замечала, что раз конкурс 5 человек на место, значит, на одного поступившего должно получиться по четыре идиота. А люди, которые меня окружали, были невероятно умными и оригинальными.

Я поступила на журфак потому, что многие утверждали: учиться здесь действительно интересно. Не приходится слишком сильно углубляться в какой-либо предмет, а хватаешь сразу и много — от математики (то еще счастье!) до искусства. А уж люди на журфаке — просто класс! Тут зануды не учатся. Если прибавить к этому тот факт, что точные науки в школе у меня никак не шли, а сочинения я писала более или менее, то журфак стал единственным местом, куда мне захотелось поступать. И со своими теперешними друзьями я познакомилась на 4-м этаже, вероятно, у дверей, за которыми кто-то радовался, а кто-то прощался с надеждами поступить.

Тут и встретились единомышленники, получившие в последствие прозвище «воробыи». Правда, ныне это прозвище уже не действительно. Смешно то, что тогда, когда боевой листок под названием «Воробей» уже давно перестал существовать, нас продолжали называть по имени маленькой, но гордой птички. И не только в стенах журфака, но и в редакции «Екатеринбургской недели», куда мы пришли вместе с Ириной Смоляной и Анной (тогда еще Белугиной). Тамошние сотрудники, между прочим, и понятия не имели о нашем «воробыином» прошлом — просто мы слишком много «чирикали». Может быть, курс еще помнит, что «Воробей» появился «в пику» откровенно желтому «Голосу народа» (редактор Максим Шишкин). Последнее издание собирало слухи и сплетни, а также просто-напросто «стебалось» над однокурсниками. Не скажу, что у них это получалось плохо, листок разбирали моментально. Мы, однако, посчитали, что творить можно и по-другому, а писать не только про пьянки и гулянки, но и про что-то более духовное.

Целый год мы (а именно: я, Ирина Смоляная, Анна Белугина, Мария Крылосова, Наталья Жердева, Ольга Гауман и некоторые другие, коих мы привлекали к созданию) периодически что-то кропали, рисовали, верстали, ксерили и распространяли. «Голос народа» откликнулся на наше появление в своем духе. В их газете (с замечательными техническими возможностями) стали появляться всякие смешные гадости про нас. Мы отвечали тем же, но

на более культурном уровне. Наверное, «Воробей» был последним отголоском детства. Детство совсем прошло — и он затух.

Самые яркие впечатления — первая практика и колхоз. Все лето провести наконец-то вдали от родителей и почувствовать настоящую жизнь — просто крылья выросли! Практика в районной газете «Артемовский рабочий» прошла весело и неоднобразно (о деньгах тогда еще не думалось). А уж колхоз (деревенька со смешным названием Потаскуево) — это опять же другая реальность, когда все будто бы происходит не с тобой. Это просто другой мир. Со своими законами. Главной ценностью в этом мире являлась дружба. Настоящий человек — это тот, который способен многим пожертвовать ради друзей. Мы все друг друга поддерживали, поэтому и не умерли от тоски, голода и холода в этой убогой деревеньке, поэтому смиренно шли работать в холод, в дождь и даже в снег.

Когда вернулись, долго еще громко приветствовали друг друга, всякий раз хохоча над только нам понятными приколами. Дикари, да и только!

Тогда еще не хотелось думать о деньгах и о работе, но уже приходилось. Вообще, по мере взросления деньги стали играть все более и более значимую роль. В конечном счете пришла мысль, что учусь я вовсе не для того, чтобы чего-то новое и интересное открыть и кому-то помочь, а чтобы потом найти нормальную работу, то есть — зарабатывать нормальные деньги. И другая мысль — деньги в газете заработать очень трудно. По крайней мере такие, на которые можно жить.

Работа затмила учебу и журфак. С ней было то плохо, то хорошо. Вторая практика в «Екатеринбургской неделе» прошла на ура! Тоже удивительное было лето! Следующая — уже хуже (там же). Я думала только о деньгах, а потом грянул кризис. И пришлось ныкать вообще без работы, и проситься хоть куда-нибудь. И уже неприемлемой для себя становилась работа на гонорары — запросы-то растут. А по большому счету, лишь «свободный художник» может писать о том, что ему действительно интересно — штатных затягивает рутина.

Именно это со мной и случилось в газете «Екатеринбургская неделя», где и работаю по сей день.

В общем, наступил кризис жанра. Говорят, это бывает у многих. Говорят, у некоторых даже проходит. Что до меня, то я собираюсь уйти из журналистики после окончания университета. Мне даже сложно объяснить, почему.

Строго говоря, виноваты в этом даже не условия труда и не низкая зарплата. Просто я поняла, что в чем-то другом я могу реализовать себя лучше и полнее, чем в журналистике. Да и вообще, устала от вечной погони за днем сегодняшним. Хочется заняться чем-нибудь таким, что в меньшей степени зависит от времени. Чем именно, понятия не имею. Мечтаю поменять множество разных профессий. И кто знает, может быть, вернусь потом в свою редакцию. И наконец-то смогу компетентно рассуждать о том, о чем пишу в газете сейчас.



Анна САПЕГИНА

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ...

В девичестве фамилия моя была Гудкова, поменяла ее на Сапегину после второго курса. Перемена фамилии — дело не такое уж обычное и простое. Это — как начало новой жизни, потому что ты теперь обознача-

ешься набором новых звуков. Есть потребность поменять компанию, накопить новых шмоток и радикально подстричься. Ладно хоть имя остается прежним — Анна Викторовна. О самом замужестве я не скажу ни слова. Разные там стирки-готовки и семейный бюджет мне не в новинку, потому что человека, официально ставшего родным я знала давно и хорошо, даже съела с ним пуд соли.

Скорее всего, однокурсники запомнят меня как пожизненного экспериментатора со своей внешностью (и внутренностью). На каждом курсе у меня была отдельная подруга. На первом — Юлия Насртдинова, потом она отбыла в неизвестном направлении, как оказалось, вернулась на родину и родила ребенка. На втором курсе — Оксаночка Артемьева. Дружба наша началась с совместного отмечания второй сессии, особенно сплотило чувство похмелья на следующее утро. Вскоре она нашла себе безвылазную работу и стала появляться только по большим праздникам.

Третий курс. Замужество. Задружилась с женатыми Кабалиными. На четвертом курсе они развелись, осталась одна Таня. Да и та постоянно в эфире «Русского радио».

Не хотела так «растекаться мыслью», только в качестве иллюстрации своей непостоянности рассказала о подругах.

Речь же обо мне, любимой. Я приехала из города Нижнего Тагила. На журфак поступила в угаре безмятежного лета. В жилах моих тогда била огнеопасная смесь — я была влюблена по уши и считала, что мой избранник тоже будет учиться в Екатеринбурге, в УПИ. Поэтому поступить надо было кровью из носу. За год до этого я собиралась стать историком, но не поступила. И, как потом оказалось, к моему счастью.

Год проработала лаборантом в Нижнетагильском музее-заповеднике. За мной, семнадцатилетней славной девчонкой, тогда ухлестывали все кому не лень. Еще бы — богатая натура — бровь соболиная, коса длинная. Теперь я отлично это осознаю. Теперь, когда брови давно выщипаны. А волосы от силы сантиметра три. Теперь, когда я научилась ругаться и даже драться. А тогда умела только краснеть. Жизнь потрепала... Хотя, нет, это я себя

не щадила. Зачем? Необходимо было окунуться в самую гущу жизни. Больше всего хочется забыть первый год учебы.

Сначала родители подкинули меня двоюродной тетке мамы. Затрудняюсь сказать, кем она мне приходится. Конечно же, она была не в восторге от внезапно возникшей бедной родственницы. Много лет она жила одна, и вот теперь — пожалуйста! Надо отдать ей должное: она отнеслась ко мне со всей ответственностью. Те полгода, что жила у нее, я, в основном, слушала. Слушала ее рассказы о давно ушедшей молодости, ее советы касательно моей личной жизни, ее обиды на многочисленную родню. По вечерам, когда тетушка возвращалась с работы (работала она в фирме своей дочери), мы дружно затевали готовку и напоследок попивали коньячок под ее нежные откровения. После Нового года появилась возможность слить в общагу, но не в студенческую — опять же родственники постарались — а в строительную, с раковиной и туалетом в комнате. Молоденькую наивную девушку комендант подселила к злостной неплатильщице, скандальной девице, которую не могли выселить даже с милиционером.

...С ней я прожила еще полгода. За это время окончательно разучилась спокойно спать и оставлять на видных местах хорошие вещи. Всё же свои уют и телевизор я у нее выцарапала, получив напутствие — привыкай, детка, к обломам. Это означало, что все всегда меня будут надувать.

Наконец-то приехал ко мне мой любимый, и мы зажили вместе в снятой квартире. Денег не было. Иногда я получала стипендию, иногда ездила к родителям. Несколько раз приходила хозяйка и выгоняла нас. К зиме мой мальчик нашел и работу, и угол (иначе эту комнату в коммуналке назвать было нельзя). Напротив жил тихий старый пьяница и больше — никого. Ругаться я научилась как раз в этот период. Сосед и люди, которые появлялись у него время от времени, другого языка не понимали. Один раз я побила мужика раза в два выше меня ростом, он прекрасно понимал, что в моем состоянии лучше не сопротивляться. Так я стала настоящей стервой. Старые знакомые школьных времен узнавали меня с трудом, и я почему-то была этим довольна.

К работе журналиста все мои метаморфозы имели прямое отношение. Когда уже нечего терять, кроме цепей робости, можно начать новое дело. Не в одиночку, конечно, а если с хорошей подругой, у которой к тому же есть чему поучиться.

До этого я постоянно нигде не работала. Теперь, год спустя, у меня работа, о какой я могла только мечтать — много молодого интересного люда крутится вокруг. Это «СТУДИЯ 18» — университетское радио. Я что-то делаю, что-то не успеваю. Но не это главное. Рядом нет завистливых и презирающих меня, никто больше не осмелится толкнуть меня в транспорте или не пропустить в дверях. Потому что СЕБЯ ЛЮБИМУЮ я больше в обиду не дам.

КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ...



Мне 21 год отроду. Глаза серые, постоянно меняющие цвет и размер. Характер хороший, но вредный. Люблю всех, особенно себя и кота Митю. На факультет журналистики пошла из-за своей гигантской непокладистости: в школе попала на радио и стала ведущей программы, а маме не понравилась профессия, говорит, «выбирай другую», а я разведничалась, разведничалась, готовилась поступить на исторический или искусствоведение, или... уже не помню, куда. В конечном итоге, сдала на «отлично» все экзамены и поступила-таки, всем назло. На вступительных трясло сильно: думала, что сюда поступают только из лицеев. С моей средней 102-й школой соваться нечего. Вдохновил подвиг знакомого — Юры Чемякина, который учился на год старше и поступил, соответственно, на журфак на год раньше меня. «Чем я хуже?» Оказалось, что ничем.

Больше всего, конечно, запомнился первый курс моего обучения. Помню, было у нас такое задание, написать интервью с пятикурсником. Называлось все это «Золотая рыбка». Просто к юбилею факультета преподаватели решили издать книгу, где были бы статьи о выпускниках года. Весь подвох был в том, что на пятом курсе (во всяком случае, на журфаке) уже никто не учится, то есть студенты появляются в университете крайне редко. Мне с подружкой попался некий Сергей. Никто давно не помнил, как он выглядит и учится ли еще вообще. Пришлось сходить к Галине Евгеньевне (злойной женщине, которая ругает журналистов, на чем свет стоит, потому, что сама — историк. Эх, рубит сук на котором сидит). Она дала мне личную карточку этого Сергея, где была его фотография и адрес (мы все такую заполняли на первом курсе). Адрес давно изменился, но, по примерному описанию личности и хорошим знакомствам со страшекурсниками, которые состоялись на вступительных экзаменах, все-таки удалось найти этого человека. (Мне точно было суждено быть либо разведчиком, следователем, или журналистом.) Договорились о встрече. Сергей жил где-то в Пионерском поселке. Это самый страшный район города. Потому, что я там никогда не была. А дома все одинаковые. Прямо, как у Рязанова. Наконец, нашла. Квартира — ужас. Это был первый шок в моей жизни. Все дело в том, что девочка я домашняя. Ни разу не видела, чтобы тараканы были истинными хозяевами дома, ходили строем и первыми проверяли еду на вкус. Квартирант был тоже как таракан: руки-ноги тонюсенькие, маленькая голова, малюсенькие глазки и неподстриженные давным-давно усы-щеточка. Чай пить отказалась (сами понимаете, почему). В общем, за материал нам с подружкой поставили пятерку, и мы не сдавали экзамен по предмету. Я тогда еще думала, что, когда буду на пятом курсе, какой-нибудь юнец меня точно также будет разыскивать.

Ничего подобного: это задание давно отменили.

Самая убойная практика у меня была тоже после первого курса. Потом как-то все проще было. Вообще-то, так получилось, что я работала журналистом прямо со школы. На первом курсе попала на «Студию Город». Поэтому, где буду проходить практику было делом решенным. Так получилось, что многие сотрудники «Студии» ушли в отпуск. Программа «Новости культуры» осталась без ведущего и журналистов. Женя Касимов (мой редактор) не долго думая (спасибо ему за доверие) поставил меня. Еще кучу практикантов прикрепил. Девочки-школьницы с отпечатанными на машинке текстами со ста ошибками в пяти строчках — еще цветочки. А вот когда пришли практиковаться ребята, которые учились курсом выше — просто руки опустились. Во-первых, как-то было неловко поправлять своих старших товарищей. Во-вторых, меня саму еще надо было править и править. (Правда, похвастаясь, к сентябрю мои тексты почти не читали. Доверяли.) А с первой своей программой — так вообще опозорилась. Мне попался такой добрый оператор, что даже не просил перечитывать ошибки. Ну, мне и влетело от Жени. Думала, снимет сейчас ремень и выпорет. Руководитель практики Владимир Федорович Зыков за первую производственную поставил «5». Эта практика у меня до сих пор на кассете хранится — когда чувствую, что зазнаюсь, всегда слушаю это «хлюпание».

В 17 лет я была так влюблена в радио, что думала, ни за какие коврижки не пойду работать на телевидение. Все-таки любопытство взяло верх. И, когда пригласили на «41-й», согласилась. Зато теперь могу говорить, что все умею. Правда, на пятом курсе опять-таки вернулась на радио. Видимо, первая любовь просто так не проходит.



Елена СИРИНА

ПОЖИВЁМ, УВИДИМ...

После окончания колледжа в городе Камышлове, я твердо знала, что буду поступать на журфак. Ещё с четвертого класса. Моя подруга записалась в кружок юнкоров. Что это такое она не знала, зато сказала, что там есть печатная машинка и ею разрешают пользоваться. Эта конструкция всегда имела для меня притягательную силу. Я отправилась в этот кружок, чтобы попечатать на машинке... Через месяц вышла моя первая заметка в местной газете. Так вот, тогда мне было десять лет, а в пресс-центр ходи-

ли ребята, которые уже заканчивали школу. И многие собирались поступать на журфак. Слыша об этом так часто, что вопрос был для меня решен —

после школы поступаю в университет (хотя вообще не представляла, что это такое, поступление).

И вот они — вступительные экзамены. Я так и не прочувствовала, что это такое. Все прошло на полном автомате. Помню абитуриентов: они шумели, знакомились, налетали на каждого, кто выходил из аудитории, выпрашивали, а я стояла у стенки и от страха не могла пошевелиться (причем страх не оттого, что надо сдавать экзамен, а именно страх войти в аудиторию. Это состояние еще долго сохранялось, когда я сдавала сессии).

И вот первый месяц учебы. Я потерялась в этом мире. Приходила в аудиторию, в которой сидели больше ста человек, и была одна. После лекции шла домой (я снимала квартиру) и тоже была в полном одиночестве. Никогда не думала, что могу быть такой замкнутой и необщительной, но самое интересное, мне и не хотелось ни с кем знакомиться. Позднее появились достаточно близкие друзья, но между мной и курсом все пять лет оставалась невидимая дистанция. А пока познакомилась с Катей Тимошенко, Лешкой Суровым и Колей Яблонским. Они научили меня пить пиво, а на лекциях, на задней парте, мы сочиняли какие-то нелепые стишки. Тогда ребята просто спасли меня от одиночества. Не знаю, как они воспринимали меня, но я в их компании чувствовала себя вполне уютно. Потом я переселилась в общежитие, и наше общение незаметно сошло «на нет». Другие друзья, другое общение. Так началось мое проживание в Екатеринбурге, с радостями и разочарованиями.

Пришло время первой практики. Для меня это было скорее игра, чем работа. Надо добавить, что все практики я проходила у себя в городе на Камышловском телевидении. Я знаю, что практически все однокурсники считают работу на провинциальной студии несерьезной. Но для меня это, прежде всего, команда. Команда, с которой я начинала, с которой росла, да и они росли вместе со мной (студия открылась буквально за год до моего поступления). У меня была возможность оставаться в Екатеринбурге, и все же я возвращалась.

Самые незабываемые практики были на первом и третьем курсах. С первой привезла информационные сюжеты, хронометраж некоторых составлял более 6 минут. Я никак не могла понять, чем недовольна Марина Александровна (руководитель практики). Сейчас с ужасом смотрю первый свой опыт на кассете. Марина Александровна была полностью права, указывая на ошибки. К третьему курсу я добилась доверия, и сотым приказом меня назначили и.о. редактора на два месяца. Полстудии ушло в отпуск, и мне пришлось быть и редактором, и репортером, и ведущей, и координатором. Это был не только тест на выносливость, но и жизненный урок, который поубавил мой юношеский максимализм. Когда за практику поставили «4», у меня опустились руки. Не знаю, обида это была или просто эффект обманутого ожидания, но решила, что чтобы я не делала, все равно однокурсники будут лучше.

По окончании университета скорей всего буду работать в Камышлове,

пока работаю в Екатеринбурге, в Центре социальных технологий «Оптимизм». Есть желание получить второе высшее. Социологическое. Так как поняла, что журналистское образование поверхностно, необходимо более глубинное знание какой-то области. Поживем, увидим...



Ирина СМОЛЯНАЯ

Я ПЛАКАТЬ НЕ БУДУ

Еще на абитуре у нас ходила такая история (не знаю, правдивая ли). Приводит мать на журфак свою дочь и говорит в приемной комиссии: «Я воспитывала свою девочку строго. Она скромная, интеллигентная, серьезная. У нее такие идеалы!». А в приемной комиссии ей и отвечают: «Вот и уводите ее от греха подальше!»

Пример, наверное, грубоватый. Я бы сказала так: журфак снимает розовые очки с тех, у кого они есть. У меня были. Сколько раз за эти пять лет я восклицала: «Не может быть!» Думаю, главная наука журфака — наука взрослой жизни. Ее (науки) здесь больше, чем на других факультетах.

Первая практика стала для меня и первой авантюрой. Я ОДНА надолго уезжала в чужой город — Артемовский. Хотя и была я не одна, с тремя подругами. Жили мы в общежитие, работали в газете «Артемовский рабочий». Гуляли по местному кладбищу, плавали по ночам в речке Бобровке, в общем, наслаждались романтикой. А когда закончились родительские деньги, со вкусом ели суп с какой-то травой.

Два последующих года я работала в «Екатеринбургской неделе». Не могу не вспомнить моего руководителя практики Эдуарда Коридорова. Он, скорее, был старшим другом — учил не только правильно писать, но, например, правильно водку пить. Под его благотворным влиянием я разве что стихов не научилась писать — не дал бог таланта (сам он прекрасный поэт).

Полгода работала штатным корреспондентом «На смену!». Там мне нравилось все, кроме вечно грязного и захлапленного кабинета. Ушла я в «Комсомольскую правду» не в погоне за длинным рублем, а из-за своей привязчивости. Незадолго до меня туда ушла мой куратор и фактически вербовщик в журналистику Марина Гущина. Именно она «открыла» меня в 10 классе, тогда еще в подростковой газете «Честное слово». У Марины Давыдовны есть потрясающая особенность: она всегда ругает лично и хвалит за глаза.

Что еще? Думаю, что уходя с факультета, я плакать по традиции не буду. Мне всегда, как крокодилу Гене, казалось, что «лучшее, конечно, впереди»!



Алексей СУРОВ под знаком П

Мой папа военный... Исколесив Северный Урал (преимущественно те его места, где находятся лесные ИТУ), я закончил последний класс школы №177 в Екатеринбурге.

На журфаке я оказался в связи с тем, что ничего более подходящего просто не видел. Вообще, главная моя достопримечательность — это лень. Прежде чем заняться тем или иным делом, я всегда тщательно вычисляю то количество энергетических ресурсов, которые для этого необходимо затратить. Проще говоря, во мне царит вечный энергокризис...

Первый наш курс прошел исключительно под знаком:

ПИВО

В связи с чем запомнилось два любимых предмета: фотодело и физкультура. Почему фотодело? Потому что суть его в том, что просто гуляешь по городу и «фотографируешь». А физкультура — там вообще дорога в «куйбышевский» Университет пролежала исключительно через пивной ларек. Помню, как однажды перед учебой повстречал в троллейбусе тоскливые глаза Саши Архипова (кстати, выпускника той же 177-й школы). По печальному его взгляду было ясно, что денег у него тоже нет.

— Знаешь, — говорит Архипов, — у меня есть шесть трамвайных абонементов — пойдем, обменяем.

Пошли к ближайшей будке и тут между продавщицей и Сашей произошел примерно такой диалог:

— Тётьенька, возьмите абонементы.

— Зачем они мне? У меня своих полно!

— Ну, возьмите — мне деньги нужны.

— Всё равно ведь пропьешь!

— Нет, — говорит Архипов, — я книжку куплю...

Уже через минуту мы, на глазах у изумленной торговки проездными, бежали к пивному ларьку, который располагался напротив...

Сейчас как-то трудно понять все прелести тусовки у пивного ларька в жуткие морозы. А тогда это было милое дело — испить ледяного пивка из стеклянной банки, с прилипшими комками снега. И причём мы никогда не болели - вот что удивительно!

Первым запомнившимся Знанием была «беременная пауза», которую активно пропагандировал в своих лекциях г-н Лозовский. Это Знание я в своё время удачно применил на преподавателе с факультета филологии г-

не Блажесе. Тот при сдачах отличался крайней молчаливостью, но где ему было устоять против такого секретного оружия. В общем, я его перемолчал. А некоторые сдавали с четвертого раза.

Сессии вообще изобилуют подобными случаями. Есть, например, такой знаменитый теоретик литературы г-н Васильев — известная личность. Сдавал я ему несколько раз — он все время «заваливал» меня на примерах. В день последней пересдачи произошло очередное «заминирование» Универа и сдавали мы «теолит» в каких-то катакомбах на Тургенева. В общем, полный бардак. Вытащил я билет — ничего не знаю. Ну, думаю, сейчас я тебе «примеры» припомню. Пробубнил теорию. Васильев выслушал всю эту ахинею, потом важно раздулся и говорит: «А как у нас с примерчиками?» Тут я ему выдал какой-то совершенно сумасшедший диалог, который только мог придумать и назвал первую попавшуюся фамилию автора. Помните, говорю, у Баранова? Васильев несколько помялся, но, в конце концов, «вспомнил». Ему ли, знаменитому теоретику литературы, не знать Баранова? Словом, экзамен я сдал.

Первую практику я проходил на СГТРК, где приобрел массу бесценного опыта. Будь моя воля, я бы всех студентов первого курса туда насильно направлял.

За это время факультет достаточно сильно изменился. Он вообще очень чувствителен ко всяческим изменениям. И это не смотря на то, что учился на него идут одни и те же архитипы и персонажи. Основное изменение произошло, пожалуй, в конце 1998 года, под влиянием включенного в Екатеринбург музыкального канала MTV. Впрочем, тогда изменился весь город...

Ольга ТЁТКИНА

ПОДВОДЯ ИТОГИ



О себе. Мне 22 года. Мой рост 157 см. У меня крепкая нервная система, и мужчины на улицах бросают мне одобрительные взгляды. Наивной мечтой моего раннего детства было стать продавцом мороженого. Мороженое я не разлюбила до сих пор, но профессию выбрала совсем другую. Начиналось все в старших классах — придумывала стенгазету. Это увлечение было волнующим, интересным. Потом начала публиковаться в газете «Маяк» Сысертского района.

Учеба. Как уже стало понятно, в Екатеринбург я приехала из города-спутника — Сысерти. В большое серое здание с колоннами — Уральский уни-

верситет. Отчетливо вспоминаю самую первую пару в своей жизни, по истории античной литературы. Это, наверное, одно из самых ярких впечатлений: я была напугана не только бесконечностью учебного времени, но и скучностью пары.

Однако, пять лет учебы и добрый десяток сессий пролетели стремительнее той одной пары. Я совсем не ощущаю себя важной и умудренной опытом взрослой пятикурсницей, как когда-то на первом курсе казались нам старшие. Но на моей памяти многое. И это выдает мой возраст. Современные первокурсники совсем не знакомы с яростной борьбой по поводу курения. Зато мы были лишены других вещей. У нас не было ни Интернета, ни других нововведений. Например, университетского телевидения и пропускной системы. В наше время в университете было намного свободней и демократичней.

Практика и работа. Труд сделал из обезьяны человека. За время практики (проходила в своем родном «Маяке» и «На смену!») я поняла что то, чем занимаюсь и чем буду заниматься (хотя еще не определилась с местом работы), способно сделать из человека верблюда. Потому что иногда хочется плюнуть на все. В мои обязанности входит постоянно догадываться, что разные люди имеют в виду. И преобразовывать их невнятное мычание в общедоступную форму. Любой говорит о своем, а я должна подумать о нескольких тысячах читателей. В поисках объективности я должна глубоко и серьезно проникаться мыслью о каких-то строительных материалах или методах преподавания. Ежедневно мне повторяют про несовершенство законодательства, про то, как надо и почему так не получается. Я стараюсь войти в положение и никого не обидеть.

Время. За это время мы научились разбираться в литературе и общественных науках. В универе мы прошли школу жизни. Многое изменилось, но не только потому, что мы стали взрослей и по-другому смотрим на жизнь. Общество успело окончательно расщепиться на богатых и бедных, появились частные магазины, медиа-холдинги и кондукторы в транспорте. Прошла деноминация, августовский кризис, сменился президент. Произошла культурная революция, называемая MTV-зацией. Одним словом, поступали в университет в XX столетии, а заканчиваем в XXI.

Екатерина ТИМОШЕНКО

ЛОШАДКА В СВОБОДНОМ ПОЛЕТЕ

— Итак, у нас семь шоферов, по девять продавцов и учительниц, пять врачей и одна знаменитость, — подсчитала Мира Федоровна.

Дело было в первом классе. Моя первая учительница, вероятно, не предполагала, что по девятый класс эта будущая «знаменитость» (именно так обозначила я свое будущее в школьном сочинении) пыталась распознать в



себе хоть какой-нибудь талант. Когда меня почему-то не приняли в музыкальную школу, после выгнали из танцкласса, а на портрет папы отреагировали: «Лошадка, да?» Именно тогда меня пригласили друзья на чашку чаю в редакцию какой-то детской газеты.

После двух лет чаепитий и отчаянных первых статей в «Честном слове» я вдруг оказалась в списке зачисленных на факультет журналистики УрГУ. И хотя Пегасы, выпархивающие из-под моего пера, превосходили живописные пробы, я решила податься не к печатникам, а в отделение радио и телевидения. Здесь можно было рисовать красками естественных звуков и цветов.

Без пяти — две тысячи лет от Рождества Христова было для меня временем юности, плохой косметики, шпаргалок и халявы. Я смотрела на взрослых снизу вверх, свято верила в их справедливость. Со всем этим я училась на «хорошо» и «отлично», даже на стипендию, но...

Следующие годы будто мстили мне за легкие успехи. По вине некоторых не совсем справедливых, а чаще — необязательных взрослых, я дважды лишалась стипендии (их извиняет, разве что, тот факт, что в штате университета они не состояли).

Я узнала и других взрослых. На них можно было смотреть снизу вверх или глаза в глаза — на равных, уважать их за ум или талант, учиться у них, или просто болтать о том, о сем. Более того (вот штука!), я будто бы стала одной из них.

И вот, в приближении года двухтысячного, я думаю: что были эти пять лет в моей жизни? Или в чужой, ибо сейчас девочка двадцати с лишним лет, с чистым лицом и головой, полной всякой всячины, так далека от той.

Пять лет назад я верила в демократическую политику. Голосовала за Ельцина, а стипендию хватало на сорок шоколадок. Теперь же, накануне новых выборов, я не доверяю политикам вообще, а на стипендию можно купить шоколадок девять с половиной.

На первом курсе я слушала «Депеш мод» и «Гражданскую оборону». Сейчас — Рахманинова и Майкла Наймана. Я читала «Космополитен», теперь — Борхеса и Рильке. Магритт вместо Дали и серебро вместо «фенечек». Но я все еще боюсь экзаменов, я иногда катаюсь зайцем в электричках, а после театра, бывает, заверну в клуб. И я пока не знаменитость.

Практика в самых разных редакциях, конечно, позволила мне «засветиться». И попробовать силы. Во-первых, в области жанров — от новостей до авторских сюжетов. Во-вторых, по части стиля, от наивно-консерватив-

ной молодежной редакции СГТРК до нагло-хлестких «Вечерних Ведомостей». Но расскажу по порядку.

С первого курса я пребывала в заблуждении, что серьезная работа — это та, которая с трудом дается и здорово изматывает. Поэтому, когда за первую свою практику на радио СГТРК я получила пятерку и похвалу Владимира Федоровича Зыкова, то очень удивилась. Это был ряд спокойных, но захватывающих бесед с интереснейшими людьми. Меня настолько очаровывали эти хиппи, автостопщики, музыканты, что я готова была сама благодарить редактора Елену Большихину за возможность представить весь этот прелестный сброд большой аудитории.

К третьему курсу я решила взять вершину посложнее и направилась в информационную редакцию «Студии Город». Тут и выяснилось, что поиск информации и есть та, самая трудная (для меня) и изматывающая работа. Я старалась, как могла. Благодарность моих информаторов (на «Празднике хлеба», например, мне подарили огромный торт) вселяла надежды на лучшее, но Владимир Федорович поставил четверку. Он сказал: «Это не ваше, Катя», — и я поняла: заниматься нужно тем, что интересно самому. А так как я никогда еще не занималась телевидением, решила на последний эксперимент.

«Клуб путешественников имени Ивана Сусанина» был разнесен Зыковым в пух и прах. Забавная (несомненно, но не более того) программа для «Университетского телевидения», конечно, не являла собой серьезную журналистику. Это был и остается милый для памяти опыт работы с камерой, монтажом; приближение (или, скорее, слежка из-за кустов) к кинематографу, то есть декорации, игра, смех.

Не обошла стороной я и газетный фронт. Тяга ко всему спорному и неоднозначному привела меня в редакцию «Вечерних Ведомостей». За три недели в разделе «Дом культуры» я умудрилась ни с кем не поругаться, более того, восстановить связь с одним из некогда обиженных источников информации. Но редакция требовала сенсаций, а душа призывала к чистоте стиля. И я ушла.

Кстати, очень хочется реабилитировать команду «ВВ». Вопреки представлениям масс, в «скандальной газетенке» работают вовсе не изворотливые охотники до жареного, а весьма симпатичные, неглупые ребята. Просто все они в некоторой степени максималисты и задиры.

Много ожидаемого я от универа не получила. Мне не хватает «общих дисциплин», чтобы быть журналистом, так как они слишком общие. Мне не хватает спецкурсов, даже с учетом того, что я, бывало, посещала их по 2-3 в рамках одной дисциплины.

Да, да, я уже не хочу быть просто знаменитой. Я хочу быть профессионалом. Поэтому считаю, что журналистов необходимо учить и правильно говорить, и держаться в кадре, и общаться. Нужно помочь им сформировать свой стиль, имидж.

Мою частную жизнь университет не изменил. Я свободна, и разве что

повысились мои требования к мужчинам — интеллектуальные и моральные. Я обрела хорошего товарища (так и не удалось сдружиться ни с одной девчонкой).

И еще. Совсем недавно я, наконец, узнала значение одного понятия — им долго пугали нас на первом курсе — «тезаурус». Оказалось, словом этим можно обозначить то лучшее, чем является для нас университет — «сокро-вищница».

Алексей ФАЮСТОВ

Я ПРОСТО ЛЮБЛЮ УЧИТЬСЯ



Все важные события в моей жизни происходили всегда случайно. Готовишь себя к чему-то, и вдруг... звонок, записка, встреча — и все твои планы летят к чертовой матери. В долю секунды понимаешь, что это вовсе даже не случайность, а провидение, и отныне твоя судьба предрешена.

Тогда я перешел в десятый класс и готовил себя к тому, чтобы стать хорошим врачом. Мама в то время работала в радиоузле города Карталы (родом я из Челябинской области). И мне интересно было приходить к ней на работу и помогать в подготовке радиопрограмм к эфиру. Программа — громко сказано: тогда в карталинском эфире звучали только объявления и поздравления. Однажды так случилось, что в эфир некому было выйти, и тут я возьми да пошути: «Ну, выпустите меня». Через тридцать минут я уже был в студии, а после эфира в редакции раздался шквал звонков с комплиментами от радиослушателей, которые, можно сказать, и решили мою судьбу.

Я безумно люблю людей, мне нравится с ними общаться, всегда с удовольствием работаю с микрофоном и камерой, я обожаю прямой эфир... Безусловно, многое из того, что я имею в своем багаже знаний и умений, мне дал факультет журналистики. Честно говоря, я не смогу с ходу дать точные определения жанрам, не назову все правила монтажа, не перечислю все статьи Закона о СМИ — и не в этом, считаю, дело. Мне хорошо помнятся слова одного из любимых преподавателей Эллы Александровны Лазаревой: «Все, что вы учите сегодня, завтра забудется, но университетский дух, дух факультета в вас останется навсегда».

Профессия журналиста популярна, но я никогда не считал ее легкой. Идя в журналистику, я прекрасно осознавал, что она заключается не только в

умении красиво выглядеть на экране и хорошо говорить. Благо, до поступления на журфак я уже знал, чего стоит порой заполучить от человека нужную информацию, знал, что такое ошибки, что такое монтаж по ночам, и как после этого ночного монтажа быть в эфире бодрым и свежим. Но все проблемы, неудобства я никогда не замечаю, потому что занимаюсь любимым делом. И чем сложнее, тем интереснее.

Хорошо помню напутствие Игоря Степановича Бродского в конце первого курса. Отправляя нас на первую производственную практику, он говорил, что человека научить плавать можно двумя способами. Первый — долго и упорно объяснять, как это делается, а второй — толкнуть его в воду, и пусть выплывает. «Плавать» в журналистике я учился вторым способом. На первую производственную практику я поехал на радио в родные Карталы. Было очень сложно одному. Но должен сказать, что это была самая интересная летняя практика. За четыре года я попробовал себя почти во всех жанрах. Не получилось выбрать для себя что-то оптимальное, но главным во всем для меня оставался человек и его жизнь. И почему-то самыми неинтересными для меня долгое время оставались новости. Я никогда не собирался идти работать в службу информации, потому что бешеный ритм новостей противоречит моему складу характера. Но никогда не говори никогда. В ноябре 1999-го года я получил предложение стать ведущим программы новостей на канале АСВ. Эта работа меня просто захватила и сейчас мне интересны новости. Но если завтра я заинтересуюсь чем-то другим и по-настоящему заинтересуюсь, то — учиться никогда не поздно, а учиться я люблю.



Наталья ХРУЩЁВА

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Город-монстр

Факультет журналистики начался для меня с Екатеринбургского вокзала. Выкарабкавшись из вагона поезда с двумя огромными сумками, я в ужасе смотрела на толпу несущихся людей: «Вы не подскажете, как проехать в Уральский Университет?»... На трамвайной остановке меня застал ливень, и какая-то сердобольная женщина пустила меня под свой зонтик. О том, что билетики в трамвае нужно компостировать, я узнала от двух здоровенных контролеров, которые меня благополучно оштрафовали. Огромное

количество транспорта, спующие люди и сигналиющие машины приводили меня в ужас. И не удивительно. Маленький городок Волчанск, из которого я приехала, насчитывал от силы 10 тысяч человек. А как раз перед моим отъездом возле единственного киоска выловили маленького медвежонка. Как выяснилось, отбился от мамы...

Везет тому — кто везет

Познакомившись в общежитии с абитуриентами, я сразу поняла: те, кто хотят поступить, поступят обязательно. Всех своих знакомых мысленно я разделила на две группы: тех, кто действительно готовился, и тех, кто приехал «на удачу». Себя я, естественно, относила к первым. Все утро перед экзаменом по изложению я волновалась ужасно. Тщательно отгладила парадную блузку, положила в сумку большую шоколадку (все абитуриенты перед экзаменами почему-то едят шоколад). Перед парадной дверью университета меня остановил работавший тогда в «Скифе» небезызвестный Тимур Иванов. Как и у всех проходивших потребовал паспорт и экзаменационный лист. Ощущения, которые я испытала, не обнаружив в сумке документов, передать словами невозможно. Через десять минут начинается экзамен, а я забыла дома даже паспорт! Тимур удивленно пожал плечами, но пройти разрешил. В приемной комиссии грозная тетенька посмотрела с подозрением: «А если вы пришли сдавать за кого-то другого?» Но, взглянув на мою несчастную физиономию, видимо, прониклась ко мне состраданием и выдала какую-то справку.

Жизнь семейная

Со своим будущим мужем, недавним выпускником Андреем Чебыкиным, я познакомилась на вступительных экзаменах. Позднее выяснилось, что живем мы на одном этаже общежития. Очень часто после лекции мы шли в общагу пешком, а по дороге обязательно покупали пирожки с повидлом. Вместо романтических встреч и свиданий по ночам мы просиживали за уроками. Когда у меня не было денег, будущий муж водил меня в студенческую столовую. А по выходным обязательно приходил с мамиными пирожками. Я думаю, утверждение о том, что студенческие семьи самые крепкие имеет под собой какой-то смысл.

Как-то на первом курсе Б.Н. Лозовского спросили, как уживаются в его семье два журналиста. На что Борис Николаевич, немного пораздумав, ответил: «Два — это слишком много». Помню, я тогда немного посочувствовала нашему декану...

Наше общее житье

Как-то вместе со своим знакомым, который три года назад закончил факультет, мы шли по улице Большакова. Проходя мимо 79-го общежития, он воскликнул: «А вот это место, умирать буду, вспомню». Для очень многих людей пять лет, проведенных в общежитии, стали самыми интересным време-

нем в их жизни. Здесь мы, вчерашние школьники и послушные домашние дети, выросли, умнели, учились жить самостоятельно. Только здесь можно было одолжить у соседей картошки или хлеба, посидеть в коридоре с гитарой. Отношения были настолько свойскими, что однажды в четыре часа ночи ко мне пришли просить... туалетную бумагу. Все мы разные: кому-то ночью хочется спать, а кому-то петь. Кто-то просиживает все вечера в библиотеке, а кто-то со стаканом в руке. И все они мирно уживаются в соседних комнатах. Вот это и есть наше общежитие.



Филипп ЧУДИНОВ

КАК Я ПРОВЕЛ ПЯТЬ ЛЕТ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

Все началось с того, что на факультете биологии поставили математику вступительным экзаменом. Это пагубным образом сказалось на моей карьере орнитолога, но сыграло положительную роль в моей карьере журналиста. Я поступил на журфак.

Вообще-то я по натуре — исследователь. Мне все так говорили. Может быть, поэтому я посчитал, что раз уж мне нравится совать нос не в свои дела, то в этом плане особой разницы между факультетами журналистики

и биологии нет, и не особенно расстраивался по поводу столь резкой смены жизненного курса.

Я родился в Нижнем Тагиле, но жил в этом городе совсем мало. Когда выяснилось, что я буду все-таки поступать на журфак, то все мои родные и их знакомые начали волноваться. Некоторые сказали мне прямо — вот, будешь врать нам из телевизора, а мы будем слушать. Дед сказал, что теперь я должен написать про него книгу. А бабушка ничего не сказала, потому что у меня на редкость прогрессивная бабушка и все поняла как надо.

Вступительные экзамены я сдал на удивление хорошо. Меня даже зачислили на факультет. Правда, день зачисления запомнился мне главным образом тем, что в этот день на плотинке рыбы сошли с ума, плавали по поверхности воды задом наперед и вообще вели себя неподобающим образом. Вероятно, так судьба ознаменовала конец моего биологического будущего. Прогуливаясь вдоль набережной, я наткнулся еще и на рыбака. Рядом

с ним лежала кучка одежды. Рыбак сказал, что, дескать, пришел какой-то мужик, разделся, вошел в воду, нырнул — и вот нет его. И давно уже нет. Нырнул — и не вынырнул, а мне что делать? Я вот сижу тут, рыбаку. А он, может, уплыл куда. И верно, подумал я. И пошел на электричку, чтобы ехать домой, в Тагил. По крайней мере, странное поведение рыб стало вполне объяснимо.

Потом был первый курс, «Золотая рыбка» и первая сессия. Прошло все это на удивление гладко, за исключением рыбки — ее никак нельзя было поймать. В конечном итоге, и это сделать удалось. Первый год на журфаке — это единственное время, когда можно учиться. То ли потому, что тогда еще что-то преподают, то ли по ряду других причин (отсутствия работы) — не важно.

И вот, пришло время первой журналистской практики. Проходил я ее в родном городе на муниципальной компании «Четвертый канал». Ничего хуже я припомнить не могу. После практики я подумал, что, может, имело бы смысл, выучить математику... Второй курс прошел практически так же, как и первый. Только на четвертый этаж Университета я поднимался несколько реже. Вторую практику я опять проходил на «Четвертом канале», правда, на этот раз это было в Екатеринбурге. Именно тогда я понял, что телевидение — это не для меня. Вернее, то, что у нас под этим подразумевают. Тогда же слово «Интернет» начало появляться все чаще на слуху, а я почти разобрался с тем, что это такое. Одновременно с практикой на «Четверке» я еще работал. Моя работа была связана именно с сетью, я тогда начал заниматься разработкой веб-сайтов. Мне стало ясно, что очень скоро сеть станет чем-то большим, нежели игрушка для студентов и компьютерщиков, и я вполне логично предположил, что скоро появятся новые СМИ. Работа в этой области мне понравилось гораздо больше, нежели бегать туда-сюда с высушенным языком и задавать дурацкие вопросы разным дядькам, на удивление друг на друга похожим перед камерой. Поэтому свою следующую практику я посвятил исключительно работе в Интернет.

Третий и четвертый курсы (если сложить время моего присутствия на факультете) прошли на удивление быстро. Может быть, за полгода ;-). Многих наш курс за это время потерял. Некоторые, наоборот, пришли к нам. Самое, впрочем, для меня главное — это то, что благодаря времени, проведенному на факультете, я более-менее точно узнал две вещи : 1. Рейган — козел. 2. Я не буду журналистом. 2а. А сколько людей, окончивших журфак, работают по профессии?

ХОЖДЕНИЕ «ПРОТОПОПА» ЭМ ША В ЖУРНАЛИСТИКУ



Поскольку писать о себе плохо не принято, да и нецензурно это, напишу только хорошее. И пусть вас не смущает столь официальный стиль моих мемуаров, — дело в том, что как раз мемуаров-то я еще не писал. И так...

Я еще школьником, с 1990 года, начал проявлять интерес к журналистике, посещая редакцию журнала «Уральский следопыт».

Первые мои заметки по теме, фанатиком которой я стал — «Уфология», — еще не дотягивали до уровня публикации в журнале республиканского значения, и мой наставник, С.И. Казанцев, тогда ответственный секретарь журнала, посоветовал мне поработать с областной молодежной газетой «На смену!» в качестве юнкора.

В «На смену!», известной в области юнкоровской школе, мне привили первые навыки журналистики; С.Казанцев помогал этому по мере сил. За считанные месяцы, еще учась в средней школе, я стал почти аппаратным сотрудником «На смену!», открыл и стал вести постоянную рубрику «Терминатор непознанного» уфологической тематики.

Первые мои публикации в журнале «Уральский следопыт» произошли в последний год учебы в средней школе, и по окончании ее, в 1994 году, С.Казанцев предложил мне попробовать поработать в штате редакции на должности редактора отдела фантастики, чтобы окончательно определить свое призвание, прежде чем поступать на факультет журналистики, куда я стремился. Мы оба не обманулись в своих надеждах.

Показателем моей журналистской деятельности можно обозначить мои публикации в разных изданиях. За три года постоянной творческой работы я опубликовал свои материалы, в основном очерки и статьи, в газетах «На смену!», «Областная газета», «Подробности», «Уральские военные вести», екатеринбургском выпуске «Ба-банк» (приложение к «Комсомольской правде»), в журналах «Уральский следопыт», «Провинция» (Екатеринбург), «Аномалия» (Москва), «Апейрон» (Барнаул). Перепечатки моих очерков журнала «Уральский следопыт» запрашивали газеты из Перми, Казани, Новосибирска, Ярославля, Томска и Орска, а также журнал любителей фантастики из Санкт-Петербурга.

Тематика моего журналистского творчества была тогда довольно узка: она уместается в двух рубриках, которые я вел в журнале «Уральский следо-

г» — эпизодическая ранее рубрика «Уфология» (наблюдения НЛО и контакты с «пришельцами») и открытая мною рубрика «Ведовство» (народные представления о колдунах и «нечистой силе»). Однако материалы этих двух рубрик рождались не в редакционном кабинете. Собирая информацию для рубрик о «пришельцах», я несколько раз организовывал экспедиции в так называемую Пермскую аномальную зону, более известную как «М-ский трельник», привлекая к участию в этих экспедициях ученых из институтов Уральского отделения Российской Академии наук. В поисках фактуры для рубрики «Ведовство» я предпринял попытку внедриться в секту колдунов атеистов, есть такой прием — «журналист меняет профессию», из которой я, к счастью, удалось вырваться без больших потерь для жизни и здоровья.

Вероятнее всего, узкая тематика очень скоро приелась бы мне, как считали мои коллеги, учитывая мой неумный характер, но я находил тогда душины в других сферах журнального дела: то с головой погружался буквально на несколько месяцев в работу компьютерного отдела редакции, то тут же заинтересовывался вопросами издательской экономики и бухгалтерского учета и вдруг открывал контору под названием «Агентство издательских услуг». Еще одной отдушиной послужила самодельная эпатажная газетка «Голос народа» (сокращенно — «ГоН»), которую я выпускал с друзьями-дизайнерами журфака в течение полутора лет, используя редакционное компьютерное оборудование. Помощниками мне были: А.А. (он же ныне трижды первокурсник Александр Архипов) — независимый эксперт (правда, с этой стороны, очень даже зависимый от женского пола, пива и самогонки); ЗоРро (Радик Залилов) — мой зам, Алексей Фаюстов — критик; Кукрышны (Коля Яблонский, Леха Суров и Антон Ложкин) как авторы многих статей, ставших бестселлерами; Оксана Сычева — художественный редактор и замечательная актриса, сыгравшая роль валютной путаны Оксаны в нашем триллере-боевике «Параша» по произведениям с одноименным названием; Миша Орловский — первый вдохновитель газеты, впоследствии ставший ее национальным героем, как в свое время Иван Жабан на страницах «Ярмарки».

Вот уж в этой газетке я показал полное разнообразие жанров и тематики; было там только уфологии и ведовства. Конечно, известны журналисты, всю жизнь специализирующиеся на одной теме и ставшие потому знаменитыми. Но, как и оказалось, я не удержался в придуманной для себя узкой тематике (надо отметить, что более года в этих тематических рамках меня неуклонно удерживала редакция, в частности — С.Казанцев, т.к. журнал привлекал политическое внимание новых читателей на этих материалах) и заинтересовывался дизайном, газетным моделированием и (немножко) политикой. Продолжая работу в редакции журнала «Уральский следопыт», я систематизировал свои оперативные экспедиционные записи, газетные и журнальные публикации, конспекты докладов и выступлений на конференциях и исследованиях аномальных явлений; результатом этой систематизации

должна была стать рукопись книги о НЛО, «пришельцах» и «М-ском треугольнике». Книга собрана. В ней рассматриваются основные стороны проявлений т.н. «Пермской аномальной зоны»; очерковые повествования дополнены мной историческими и исследовательскими экскурсами, что придает книге своеобразие, тем более, что ее материал основан на личных наблюдениях.

Параллельно мной были проведены маркетинговые исследования с целью изучить рынок рекламных и строительных услуг в Екатеринбурге. Результатом этих исследований послужил бизнес-план создания рекламной фирмы и, как следствие, совместное с моим коллегой-журналистом В.Паном ее открытие под названием «Студия Уральский институт дизайна». Основной деятельностью этой организации являются услуги в области дизайна, архитектуры, изготовления наружной рекламы и строительного-монтажных работ.

Базисом же всех этих «наворотов» мне послужила учеба на факультете журналистики УрГУ, благодаря которой я и получил все необходимые для работы теоретические представления, стимулы и добрые советы от преподавателей и однокурсников.



Николай ЯБЛОНСКИЙ

ЭТО Я — БЛОНСКИЙ

Есть характер!

Л.А. Кропотов

Я родился и вырос в замечательной семье безумных интеллигентов. В семь лет я надел очки и с тех пор с ними не расстаюсь. Этот важнейший атрибут заставил меня в детстве много читать. Исключительно для поддержания имиджа. Сначала я жил в Свердловске, потом оказался в Екатеринбурге. В двенадцать лет мне попала в руки газета для подростков «Честное слово». Я стал с ней активно сотрудничать. И не зря. Благодаря ей я посетил Москву и Питер, где проходили юнкоровские фестивали. Вообще, в журналистике меня привлекала халява. На рок-концерт бесплатно сходить, гонорар получить — здорово!

А после школы деваться было некуда. В армию идти неохота — в это время (1995 год) шла первая чеченская война. И я подал документы на журнал. К своему удивлению, я замечательно сдал все экзамены и поступил.

Помню, что первую стипендию друзья настоятельно рекомендовали мне пропить. Чтобы потом все было хорошо. А она оказалась такой большой, что это заняло два дня. Тогда мы еще облюбовали пивной киоск около «Ма-

лахита». Сейчас его там нет. Нам иногда даже отпускали пиво в кредит, а наших девушек угощали за счет заведения. Видимо пиво оказывало благоприятное действие на мой мозг, и первые две сессии я сдавал без проблем. Хотя вру. «Древнерусскую литературу» под руководством Блажеса я сдал с третьей попытки. Но это в крови у многих журфаковцев. Даже наша любимая замдекана Мария Федоровна в свое время не с первого захода сдала этот зачет.

Первая практика на радио СГТРК никак не запечатлелась в моей памяти. Зато вторая была одной из самых-самых. В 1997 году я абсолютно случайно узнал, что создается новая телекомпания под забавным названием «АТН». Я случайно туда позвонил, и случайно оказался в программе «Неважные новости». Эта работа была по мне. Какие бредовые идеи я воплощал в жизнь с помощью телеискусства! Например, проводил опрос на тему «как добиться стойкого похмелья», или как-то заставил разговаривать памятник Мусоргскому. К сожалению, в силу различных причин, программа прекратила свое существование. А я на пятом курсе нашел себе достойное применение на «Университетском телевидении».

К концу учебы во мне вдруг проснулась любовь к занятиям. Кроме того, я проникся уважением к преподавательскому составу, и задумываюсь: а не стать ли мне одним из них? Недавно даже сочинил такой стишок:

Я не Лозовский и не Стровский,
Моя фамилия — Яблонский!

Глава II

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

«Иногда слова, напечатанные курсивом, много несправедливее тех, которые напечатаны прямым шрифтом».

К. Прутков «Плоды раздумья».



НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ОТЧЕСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ!

Лично мое (и не только мое) наблюдение: преподаватели за пять лет набираются какого-то ангельского терпения и к концу обучения студентов журфа-а (да, скорее всего, и не его одного) становятся воплощением снисходительности. Зачеты последней сессии строятся по формуле: «Только придите, ожалуйста!» Еще ничего не знаю про ГОСы, но, видимо, и они не сократят юей жизни. Для потомков могу оставить список вещей и людей, которые ажутся очень страшными на первый взгляд, но бояться которых не стоит.

1. Перво-наперво, конечно, хочу успокоить всех относительно Марины лександровны Мясниковой. На пятом курсе она ничего не преподает, и, по предварительным данным, не будет состоять в госкомиссии на ГЭКе. Правда, участи рецензента диплома М.А. не избежала. Но если даже это вам ветит, не стоит сходить с ума: пережить можно все.

2. Не нужно бояться осмысливаемых с третьего чтения фраз типа «профессиональная культура и этика журналиста через призму темы вашего диплома» (В.Ф. Олешко) или «стереофоническое звучание и голографическое зображение в социометрическом портрете студента пятого курса» (Л.А. ропотов). Даже если умом это понять не удастся, в это можно поверить и достигнуть на инстинктивно-интуитивном уровне. Уверена, все именно так и елают.

3. Не нужно переживать по поводу новых предметов, появившихся в последнем семестре. Во-первых, практически все они повторяют уже пройденные в течение пяти лет курсы (непонятно, с какой целью). А во-вторых, см. вышеуказанную формулу сдачи зачетов.

Теперь немного о том, чего бояться уже стоит. По характеру профессии журналисты больше, чем кто бы то ни было другой, встречаются на различных мероприятиях, пресс-конференциях, просто тусовках и по окончании чебы. Бояться стоит того, что из памяти сотрутся эти (как это ни банально вучит) незабываемые и неповторимые пять лет, что забудутся университетские друзья, уехавшие из Екатеринбурга, что выпадет из головы отчетво любимого преподавателя. Пусть меня обвинят в сентиментальности, о единение и «семейную» близость студентов, выпускников и преподавателей, формирующуюся в течение даже не пяти, а гораздо большего количества лет, как нельзя лучше иллюстрируют журфаковские капустники, где се становится общим: песни, юмор и бокал шампанского. Мне бы не хотелось потерять связь с этой большой, шумной, немного безалаберной и, конечно, сумасшедшей семьей.

С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССАВАЙТЕСЬ...



Преподаватели хороши в тот момент, когда читают лекции. Когда к ним приходишь на экзамен, они оказываются совсем другими. Преподаватели журфака стоят отдельно от преподавателей всего университета. Они учат жизни. Каждый из них — личность. Я рада, что иногда мне приходилось сдавать экзамены отдельно от всей группы, что называется, тет-а-тет с учителем. Сколько интереснейших бесед хранят стены нашего Университета.

Геннадий Николаевич Шеваров — преподаватель, который «отредактировал» мое сознание. С первого курса его лекции проходили в форме беседы. Ему удавалось найти в каждом из нас ту самую струну, о которой так любят рассуждать философы и гуманисты. Шеваров читал стихи. Благодаря удивительному тембру его голоса, мы становились участниками драм о великой любви и мучительной разлуке.

Шеваров часто давал домашние задания. Нужно было написать рассказ. Предлагалось название или первое предложение. Было интересно. Помню, всегда с нетерпением ждала, когда Шеваров вернет проверенные работы — на полях он всегда делал пометки. И никогда не переводил оценки в цифры.

Помню, как-то Геннадий Николаевич всю лекцию читал стихи. Мы беседовали о вечной теме — любви. Напоследок он прочел стихотворение А. Кочеткова «С любимыми не расставайтесь», то самое, которое звучало в рязановской «Иронии судьбы». Как раз в тот момент я испытывала что-то вроде влюбленности, так что эти стихи просто свели меня с ума. После пары я подошла к Геннадию Николаевичу и попросила принести мне текст.

Два заветных листка были у меня в руках уже через день. На титульном стояла подпись: «На вечную память от Г.Н.», а внизу — изображение смешного человечка в шляпе, с тросточкой и цветком. Эти стихи я храню до сих пор.

К сожалению, в силу многих причин я не могу написать про каждого моего учителя отдельно. Говорить о них можно бесконечно долго. Мне просто повезло, что в жизни были преподаватели с журфака. Думаю, таких мне не доведется встретить нигде. Когда мои дети пойдут в школу или вуз, я скажу им: «Пусть ваши учителя будут похожи на моих».



Евгения АШБЕЛЬ

ГЛАВНОЕ — ЭТО ГЛАЗА

Многие преподаватели мне imponировали. Но когда лекции у нас стал читать Сергей Леонидович Кропотов, он меня «сразил».

Встречаются педагоги, которые находят контакт с аудиторией, но они поверхностны в своем предмете и уделяют больше внимания общению со студентами. С ними легко, однако, информативность и полезность их лекций сведена к минимуму.

Есть, наоборот, специалисты, которые знают до последней закорючки свой предмет, у них душа горит, но это пламя в долж-

ной форме они излить не в силах. Они скучны, закоснелы и непонятны. Симпатий и понимания у аудитории не вызывают.

Соединением этих крайностей стал для меня Сергей Леонидович. Когда С.Л. читал нам лекции о русских иконах, у меня создавалось ощущение, что он сам сошел с икон.

Им руководит чистое вдохновение, которым можно заразить слушателя и заставить его погрузиться в самую суть предмета. Младший Кропотов (как его называли) существенно повлиял на мои взгляды на культуру и заставил понять, что писать о ней и при этом не быть «вчувствованным» в этот пласт — невозможно и кощунственно.

Я всегда выходила с его лекций с ощущением, будто побывала в храме — такое энергетически наполненное состояние меня посещало. Увлеченность преподавателя вдохновила меня на стремление идти тем же путем. Мне бы очень хотелось встречаться с ним и после окончания университета. Без таких необыкновенных людей иногда кажется, что живых не осталось. А стоит взглянуть им в глаза и понимаешь, что есть люди, идущие за руку с Богом.

Алла БЕЛОБОРОВА

НАШИ УЧИТЕЛЯ

С Дмитрием Леонидовичем Стровским мы встретились на четвертом курсе. Этот человек как-то выделялся среди всех журфаковских преподавателей.

Дмитрий Леонидович — очень яркая, притягательная и, несомненно, талантливая личность. Меня всегда восхищали люди, которые всю свою жизнь пребывают в состоянии развития, самосовершенствования, постоянно чем-то увлечены. Думаю, что Стровский из разряда таких людей. Всегда искрящийся, жизнерадостный, он настолько вкусно, «с аппетитом» (других слов



не могу подобрать!) читает свои лекции!.. Сразу видно, что человек увлечен тем, о чем рассказывает, общение с нами для него — радость, а не тяжкий крест. Это натолкнуло меня на мысль, что результат труда пропорционально зависит от того, какое удовольствие ты получаешь в его процессе. Если что-то делаешь с удовольствием, то и другим понравится то, что ты сделал. Может быть, это звучит примитивно, но подобная теория имеет право на существование.

Дело в том, что мы видим преподавателей только на лекциях, в коридорах университета, на научных конференциях, поэтому трудно дать полный портрет учителя, можно ошибиться. И нужно сразу оговориться, что я буду писать о том, каким я увидела героя моего рассказа, каким он остался в моей памяти. Ведь человек может быть одним на работе, другим — в гостях, третьим — дома. Думаю, что к Дмитрию Леонидовичу это не относится. Кажется, что он всегда такой, ко всему относится с юмором, идет по жизни легко, а вокруг себя распространяет атмосферу доброжелательности. Кажется, сейчас я поняла секрет притягательности Стровского для студентов — он представляет собой образ идеального педагога: несомненный талант оратора, желание донести свои знания до студентов плюс очень интересная форма подачи материала. Стоит вспомнить наши занятия в актовом зале университета! Там нам иногда читал Дмитрий Леонидович лекции по истории отечественной журналистики. Почему в актовом зале? А потому что там было фортепиано, а Стровский читал лекцию, потом подходил к нему и начинал играть и петь песни тех лет. Надо заметить, аккомпанировал себе Стровский весьма недурно. Сначала все удивлялись, а наш преподаватель старательно вытягивал мелодии тех лет, просил, чтобы и мы присоединились к нему. Для меня этот случай важен в том плане, что наш преподаватель выкладывается на занятии, относится к студентам с душой. Его увлеченность предметом передается и окружающим. Возможно, на моем учебном пути встречалось много ленивых и необязательных учителей, поэтому-то воодушевленность, энтузиазм Дмитрия Леонидовича меня восхищает.

Как и за всякой яркой личностью, за Стровским тянется шлейф слухов, домыслов и мнений. Студенты факультета журналистики почему-то предпочитают вести дискуссии о нём на последних страницах книг, которые Дмитрий Леонидович рекомендует к прочтению. Там студенты предыдущих поколений журфака делятся советами, как лучше сдать экзамен по Стровскому, спрашивают друг друга о его музыкальном таланте, даже рассказывают истории о его профессиональной деятельности. Такое я встречаю впервые!

При общении с Дмитрием Леонидовичем, меня все время не покидает мысль, что он легко справляется со всеми жизненными ситуациями, решает

проблемы, всего в жизни добивается. Это, конечно же, не так, я это понимаю, но жаль, что в течение учебного процесса преподаватели не делятся с нами секретами своего отношения к жизни и хорошего настроения!

Людмила БЕЛОУСОВА

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ. КОГДА-НИБУДЬ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ОН ОСТАНЕТСЯ ОДИН...

Мир вообще тесен, а в закутке уральской журналистики так и вовсе не повернуться без того, чтобы не наступить на ногу знакомому, или знакомому твоего знакомого, или человеку, который мог бы стать твоим знакомым.

Недавно на съемках своей программы встретила выпускницу журфака. Дама солидная, закончила факультет аж в 92 году, когда я еще пребывала в счастливом неведении насчет своей журналистской судьбы. И сдавала экзамен за 9 класс. Разговорились. Ольга Иванова, сегодня сотрудница пресс-службы оптико-механического завода, не столько рассказывала о достоинствах предприятия, сколько расспрашивала о журфаке: как, что, какие новости, чем сегодня живет факультет. Стали сверять наличие преподавателей тех и наших времен:

— Этот работает?

— Нет. А тот вас учил?

— Нет, я его не знаю.

И, наконец, прозрение:

— А Бродский у вас был?

...Да, Бродский был. И есть. По-моему, Бродский был всегда. Игорь Степанович, вечный вы наш, вам посвящается...

...Только ленивый не пошутил по поводу проблем, которые возникают у вас всякий раз, когда вы приближаетесь к аудио- и видеотехнике. А может, вы из своей деликатности таким образом давали шанс студенту почувствовать себя человеком, способным хоть в чем-то превзойти опытного преподавателя, зеленому первокурснику, нежный салатный цвет которого многие наставники стремились, напротив, всячески подчеркнуть? Эх, а ведь не оценят, как не оценили их и немудрые предшественники.

Только маститый детектив смог бы разобрать пути размышлений, по дебрям которых вы самоотверженно пробирались, пытаетесь донести до нас глобальную роль юмора в журналистике. И все мудреные, а главное, крайне удобные для применения на практике правила, соблюдение коих всенепременно однажды спасет нас от нелепой гибели в какой-нибудь «горячей точке». Эх, не оценили мы вовремя вашего мужества и самопожертвования!

Только глухой не потешался над вашей потрясающей особенностью по своему запоминать имена студентов и упорно называть нашу Ксюху Ириной, на что она сначала активно возражала, потом возражала менее актив-

но, и, наконец, смирилась. А вы, таким образом, наверное, учили нас простой истине: «Называй хоть горшком, только в печь не сажай». Действительно, пусть препода зовет тебя, как хочет, главное — чтобы замечал. Позже, на зачете, твое лицо всплывет в его памяти, и этот факт обязательно сыграет тебе на руку, будь ты Ирина, Ксюха или Алексей Владимирович.

В общем, спасибо вам огромное, Игорь Степанович, за науку. Поверьте, благодарность вполне искренняя. С высоты полета пятого курса я теперь смело могу сказать, что ваши занятия, при должном к ним отношении, дают юному студенту намного больше, чем лекции большинства именитых профессоров. И главное, скажешь «Бродский», и сразу почувствуешь вкус журфака, и ощутишь лопатками всю многолетнюю историю уральской журналистики за своей спиной, и гордость за нее и себя — ведь ты теперь ее частичка, и желание снова сказать: «Здравствуйте, Игорь Степанович!», и снова услышать в ответ: «Здра-а-авствуйте, Людмила...»



Игорь БЕРЕЗОВИК

ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ

С Андреем Сергеевичем Атманских мы (пятый курс), познакомились менее двух месяцев назад на первом занятии по истории философии. И почему я решил произнести несколько теплых слов в его адрес, сказать очень сложно. Наверное, потому, что он помог мне понять, что философия, в принципе, не такая уж скучная и бесполезная наука, как это казалось раньше. А возможно, и потому, что я до сих пор нахожусь под впечатлением от философских теорий, в которые он нас по-

святил. Благодаря ему я понял, что «философы» или, как говорит он сам, «преподаватели философии» не такие уж и занудные люди, каковым был товарищ Бурцев, читавший нам лекции по философии на втором, третьем курсах.

Андрей Сергеевич, читая нам лекции, не просто выполняет свою работу, как какую-то обязательную повинность, он вкладывает в нее свою душу, посвящая нас в мысли философов с только ему присущей легкостью и преданностью своему делу. У Атманских всегда есть ответ на любой вопрос, касающийся философии.

Я не знаю, как пройдет экзамен по истории философии в зимнюю сессию, насколько Андрей Сергеевич будет строг и принципиален, но думаю, что он будет по настоящему объективен и корректен. И мне хочется пожелать ему не терять этой влюбленности в свое дело, и последующим студентам запомниться таким же, как и мне.

УСПЕВАЙ, ЗАПИСЫВАЙ?

За что люблю Геннадия Николаевича Шеварова, так за вольный стиль ведения лекции. Нет, правда, все, что успела за пять-то лет понаписать в толстых тетрадях, сидя на лекциях, каким-то образом выветривается из головы. Но до сих пор помню одну из первых лекций Шеварова. Собственно говоря, и все остальные тоже.

Геннадий Николаевич нравится мне как-то даже по-особенному.

Слушая его на паре, разговаривая, советуясь, я постоянно замечаю, насколько высок его потенциал, в смысле, креативные способности.

На работе я занимаюсь, помимо всего прочего, генерацией идей, слоганов, и т.п. Ну и голова постоянно находится в диссонансе со всеми остальными частями тела. И в какой-то момент кажется, что дальше я уже ничего не смогу придумать.

Так было однажды. Лето. Брожу по городу. Туда-сюда. Думаю. Необходим гениальный ход. Слоган уже готов. На остановке встречаю Геннадия Николаевича...

Болтаем, так, почти ни о чем, что-то говорю о работе. Идеальный собеседник... И пара фраз про мою головную боль: вот, мол, есть слоган, хороший, кажется...

Геннадий Николаевич что-то там думает. Прощаемся.

Часа через два выхожу из «Салюта».

И ВИЖУ, ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ШЕВАРОВА!..

Он тоже из кино. Тоже не понравилось. И, между делом, предлагает мне другой вариант моего слогана. Получше, чем старый.

Мне кажется, что он делает это не напрягаясь, оно само собой выскакивает из Геннадия Николаевича, бац, и что-то гениальное рождается...

Катерина БРЫЛЕВА

ГОСПОДИН ШЕВАРОВ

Сдавать ему зачеты — одно удовольствие. Написал работку и зачет в кармане, точнее, в зачетке. Можно принести и отписку, но как-то не хочется. Не хорошо.

Помню, однажды, на первом курсе он задал домашнее задание: «Напишите сказку о... гм... старом башмаке».

Это очень похоже на него — вот так за секунду придумать какую-нибудь каверзу. Написала-таки, вышло довольно забавно. Приношу. Читает вдумчиво, лицо абсолютно непроницаемо. Я ёрзаю: не нравится. Он поднимает на меня глаза и с тем же непроницаемым лицом заявляет:

— Это смешно, пять.

Понимаю, что это вовсе не смешно и — пулей в коридор. Так мы и познакомились.

По-моему, у него никогда не было плана лекции. Каждая его пара — экспромт. Спектакль одного актера. Точнее не одного, а нескольких, потому что вытягиваешься мгновенно.

Однажды он принес альбом Рене Магритта. Специально взял в библиотеке Дома актера и принес.

— Вы должны это знать, — сказал он.

На своих лекциях он заставлял думать, и для меня это было самым ценным.



Ольга ГАУМАН

ЧТО ТАКОЕ БИДЕ?

«Кропотов — вечный праздник!», «Кропотов, который любит эксперименты», «Мы говорим Кропотов — подразумеваем Урсул». Ассоциативный ряд можно продолжать достаточно долго. Этого преподавателя студенты-журналисты, полагаю, будут помнить и после того, как покинут стены универа. Как по-

казывает практика общения с коллегами, действительно помнят, любят, и вспоминают, потому как есть что...

Взять хотя бы это таинственное и загадочное слово ТЕЗАУРУС, заставшие в нашей подкорке, благодаря Леониду Алексеевичу. Его круговую структуру без проблем воспроизведет любой уважающий себя журфаковец. А те незабываемые ощущения, испытываемые в погоне за ускользающей мыслью Новика или ранее упомянутого в сие Урсула... Ни один журфак не может похвастаться такой подготовкой. Мы впереди планеты всей! Именно Новик, Урсул и иже с ними удостоились вниманием легких на подъем коммерсантов-студентов, выпустивших подпольно брошюрку с конспектами произведений этих авторов и приторговывавших ей. Правда, товар оказался не особенно ходовой, и дело заглохло почти сразу.

Но больше всего мне нравилась на курсе Л.А.Кропотова работа в полевых условиях. Как загорался огонек в глазах при получении очередного задания! Причем, большой энтузиазм исходил прежде всего от самого Леонида Алексеевича. Хотелось тут же рваться в бой, собирать информацию и лепить из этого нечто бесподобное. Да и темы, надо сказать, на это воодушевляли, очень даже небанальные были.

Помнится, одна большая тема была на весь курс — «Туалеты». Кому-то

досталось освещение сортирной тематики в художественной литературе, другим — экскурс в историю туалетов и т.д. А кому-то (в частности нашей группе) — опрос граждан города о том, что такое биде, и для чего такая штука нужна. Честно говоря, наша троица немного опешила от такого оборота дел. Но виду мы, конечно, не подавали и держались очень бодро, показывая, что все пустяки и было бы из-за чего стесняться...

Но за ночь вся наша бравада куда-то улетучилась. И к памятнику Свердлову подползали мы как-то вяло и нерешительно. Вооружившись диктофоном, группа двинулась в сторону Плотинки.

— Здравствуйте, мы проводим социологическое исследование. Что такое биде?

Молодая пара, пробормотав, что им совершенно некогда, метнулась в сторону. Первая неудача, как ни странно, немного развеселила нас. Дальше опрос пошел бодрее.

— Биде? Ну, это такой удобный сосуд для подмывания женщинам, — ответила нам милая женщина, чуть улыбаясь.

Ну, наконец-то! Поперло!

Дальше мы немного обнаглели и слегка вышли за рамки нашего опроса.

— Как здорово, что вы знаете... А сами пробовали? И как ощущения? А если бы в квартирах устанавливать сразу биде вместо унитаза, сразу бы двух зайцев?... Что?

Народ проникся, пытался спорить, что-то доказывать. Пару раз зачем-то спросили у мужчин, зарাপортовались маленько.

У «Салюта» мы наткнулись на не менее безумную троицу девушек, также мучающих прохожих своими дурацкими вопросами. Говорить стали все разом. Но у девушек видимо опыта было больше.

— Здравствуйте, — и лица их озарила несказанная улыбка. Даже создавалось обманчивое впечатление, что мы были именно теми, побеседовать с кем они так долго мечтали.

Мы ответили им не менее блаженной гримасой на лице: целых трое! Клево! И все такие разговорчивые!

— Мы из религиозного общества «Карп», хотели бы пригласить вас на семинар.

Хм, посмотреть на биде с религиозной точки зрения было бы весьма кстати...

— Вы когда-нибудь задумывались над такими вечными вопросами, как любовь, семья, дети?

Они спрашивают! Могу сказать только одно, мы были благодарными собеседниками. Оставалось надеяться на взаимность.

Когда прозвучал наш провокационный вопрос, выражения лиц у девушек совсем даже не изменились, оставаясь таким же доброжелательными и снисходительными. А про биде они слышали, но попользоваться как-то не пришлось. Да им и без него хорошо.

Когда добрались до Плотинки, мы ощущали легкое состояние экстаза.

Когда еще такое счастье выпадет?! Если кто-то из интервьюируемых не знал, что такое биде, мы «снисходили до них» и популярно объясняли. Ликбез опять же, культура в массы.

Спускаться на Плотинке к воде было лень, а опросить девчонку на лошади и компанию очень даже хотелось. Пришлось просто прокричать наш вопрос. Благо, народу мало было. Ответ получили достойный: «Это наверное порошок какой-нибудь для ванн!» Ну да, звучит неплохо.

Но апофеозом нашего похода были коммунисты. Вот кто выложился на все 100%. Был выходной, и они как всегда возле памятника Ленину выкрикивали какие-то лозунги, махали красным, и все в этом духе. Мы решительно направили свои стопы к ним. Музыка из колонок орала невыносимо громко, так что известный вопрос просто утонул в яростных аккордах песни. На пять секунд воцарилась тишина, и вопрос вновь прозвучал особенно отчетливо и даже как-то торжественно. Рука смело протянула диктофон к губам оратора:

— Это, по-моему, какой-то итальянский политический деятель. Не помню точно, — был лаконичный ответ.

Нам этого хватило. Мы быстро скрылись за памятником и просто согнулись там от хохота. Еще пару раз кассету прокрутили, чтобы удостовериться, что сей момент запечатлен для истории. А оратор снова выкрикивал какие-то лозунги, музыка звучала все также оглушительно.

Ну, в общем-то, я решила, что для меня теперь опрос на любую щекотливую тему — не проблема. За что очень благодарна Леониду Алексеевичу. Правда. ☺

Анастасия ГОРЧАКОВА

РОЛЬ МАРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ МЯСНИКОВОЙ В МОЕЙ ЖИЗНИ



Про Марину Александровну я узнала еще до того, как она стала у нас читать лекции. Про нее рассказывали жуткие и в то же время забавные истории. О том, как она изводит студентов, как придирается ко всему. Например, мне запомнился один рассказ Славы Захарова. Как-то на лекции Марина Александровна рассказывала о документальном кино, о том, что многие, придя на факультет, не любят до-

кументальное кино, но после посещения ее курса сами начинают его снимать как, например, Алексей Нарицин. «Он терпеть не мог документальное кино, но после того, как посетил мои лекции, очень его полюбил. И сам теперь его снимает», — говорила Марина Александровна. После этих слов Слава Захаров сделал вывод:

— Так вы, Марина Александровна — муза?

— Муза, — как бы вникая в смысл слова, задумчиво сказала Марина Александровна. — Муза (удивленно)? — Муза (раздраженно)?! — Нахал (возмущенно и через секунду умиляясь)! Молодой нахал!

Часто рассказывали о том, что она может и обозвать как-нибудь, и сравнить с кем попало.

Придя на ее первую лекцию, я ждала, когда же начнется... Но Марина Александровна шутила, смеялась, кокетничала, и я просто не поверила, что мне говорили именно про нее.

Один раз — это было еще на первом курсе — Марина Александровна предложила сходить всем желающим на спектакль Романа Виктюка. Я очень захотела сходить. Мы договорились встретиться с Мариной Александровной в фойе Дворца культуры, где шел спектакль. Когда я пришла, Марины Александровны не было в условном месте, и мне пришлось самостоятельно, без билета пробиваться в зал. Я показала удостоверение сотрудника СГТРК моей сестры, срок годности которого закончился к тому времени года два назад, чего-то сочинила и меня пропустили. Было ужасно стыдно, но и одновременно радостно оттого, что удалось пройти на спектакль на «халяву».

После этого случая мне не составляло никакого труда «проникнуть» на любой концерт, порой, даже без удостоверения прессы. Спасибо Марине Александровне за то, что научила меня самостоятельности. И еще, благодаря ей, я училась общаться с людьми, быть терпеливой к чужим слабостям, не раздражаться и относиться ко всему с чувством юмора, что очень теперь мне помогает при работе.

Ирина ГРАДОБОВЕВА

ИХ АВТОГРАФЫ ПОДНИМАЛИ НАСТРОЕНИЕ

Златокудрый Буревестник

О его жестокости на экзаменах ходят легенды. Нас пугали им с первого курса. Но только на третьем мы имели счастье познакомиться с любимцем журфака (хоть ОН и с филфака) Евгением Степановичем Зашихиным. Первая фраза, после прочтения длинного списка литературы к экзамену: «Не говорите, что вы читали это в школе. Вы в школе не учились...» И в течение трёх семестров Евгений Степанович доказывал истинность сего: да, в школе мы не учили, а лишь проходили мимо литературы.

Записывать лекции Е.С. было бесполезно. Его реплики на бумаге каза-



лись сухими и бессмысленными. Пожалуй, стоило бы попробовать аудиозапись, но хотя об этом не раз говорилось, осуществить это так никто и не решился.

Е.С. метался по аудитории, стремительно шагал между парт, и был похож на Буревестника (из одноименного произведения Горького, которого он просто обожает). Мол, слушайте меня, студенты, иначе экзамен не сдать (говорилось это в стиле Маяковского отрывистыми фразами, чтоб ещё сильнее припугнуть). Как оказалось впоследствии, Евгений Степанович очень доброжелательный человек. И если вы прочитали такие монументальные произведения как «Тихий Дон» Шолохова, «Мелкий бес» Сологуба, то

половина зачета вам обеспечена. Вторую половину нужно заслужить на семинарах. Семинаров Е.С. вовсе не следует страшиться. Как видно из многолетнего опыта, товарищ Зашихин, выслушав несколько студенческих впечатлений о произведении, начнет сам рассказывать много интересного и об авторе, и о его книжке. Так что усилия студентов требуются лишь в начале семинара. Отмечу, что Е.С. не любит, когда кто-нибудь, начитавшись критики, выдает слова литературоведов за свои. Е.С. безошибочно определял откуда сия мысль в голове студента (именно за это не раз доставалось Макс-у Мокееву). Е.С. признавал только ЛИЧНЫЕ впечатления.

Письменных работ Зашихин не любил. За два года учебы у него мы написали только две: сочинение по «Мелкому бесу» и реферат о советской песне 30-х годов XX века. Отсутствие их сильно могло подпортить отношения между студентом и Е.С., что, естественно, сказывалось и на оценке знаний. Так не сданное на третьем курсе сочинение по Сологубу висело мертвым грузом на шее Нasti Горчаковой. Е.С. все же вынудил ее написать это сочинение, отказавшись принимать зачет без его наличия. Мне же за эту работу Евгений Степанович поставил «У.Д.», что я поняла как «удовлетворительно». Оказывается, ошиблась. По определению Е.С., «У.Д.» — это «умная девочка». Я хотела выпросить у Е.С. мой перл, но наглости не хватило. А еще он клятвенно обещал назвать в мою честь весь курс отечественной литературы XX века. Есть свидетели-однокурсники (правда, кое-кто из них издевался по этому поводу. Зависть, Макс, — очень плохое чувство!)

«Маркес»

Все началось на втором курсе. После лекций Максима Рудольфовича Чернышова я по-настоящему «прониклась» зарубежкой. Прониклась и стала запоем читать все, что значилось в списках литературы к экзамену. Первыми открытиями стали «Житейские мировоззрения кота Мурра» и «Отвер-



женные». Но оказалось, что нет предела совершенству. Впереди была не менее (как выяснилось) интересная литература XX века в исполнении «мастера монолога» Алексея Вячеславовича Маркина.

Первая встреча произвела на нас не лучшее, но, поверьте, неизгладимое впечатление. После мягкого характера и доброго нрава Максима Рудольфовича (который всячески старался облегчить нам жизнь, на-

значая досрочные сдачи зачетов и не особо проверяя знание прочитанных текстов) мы были страшно напуганы суровостью «нового» филолога. В аудиторию он вошел бесшумно, закрыл дверь и сказал: «Вообще-то, я уже здесь. Попрошу внимания... Девушки, успокойтесь! Меня зовут Маркин Алексей Вячеславович...» Кроме того, он потребовал (или попросил?) не опаздывать на лекции и «...не разговаривать. Девушки на задней парте, это относится и к вам». До сих пор ни один преподаватель не решался так жестко обходиться со студентами-журналистами, ибо было известно, что призывы к послушанию ненадолго задерживаются в наших головах.

Маркину же удалось перевоспитать нас на удивление быстро. Как? Благодаря лекциям. А.В. настолько любит и знает свой предмет, так интересно и ярко рассказывает... Я старалась успеть записать как можно больше, потому что все казалось важным в его рассказе. Мои тетради с конспектами лекций Маркина были самыми объемными. Старшие курсы и Мария Федоровна успокаивали нас, мол, не бойтесь, он милый человек — всегда хорошо принимает экзамен, потом еще и на спецкурс с радостью будете бегать. А мы не верили. На дифзачет я шла с дрожью в коленках. Во-первых, несмотря на слухи, мне казалось, что Маркин будет «зверствовать». Во-вторых, тексты я читала, а вот с теорией было слабовато. Но оказалось, что знания лекций вполне достаточно для «пятерочного» ответа. Правда, до сих пор удивляюсь, что Алексей Вячеславович поставил мне «отлично». В билете был вопрос о Метерлинке, которого я не успела прочесть. А потому начала просто пересказывать А.В. телеспектакль «Синяя птица», который я видела лет десять назад. Ясно, что ничего путного так и не сказала. Но после зачета торжественно пообещала своей зачетке Метерлинка все-таки прочесть (правда, пока еще «Синяя птица» так и не побывала в моих руках).

Потом я писала Маркину реферат, не желая сдавать экзамен; даже пошла на спецкурс, потому что А.В. казался самым лояльным из тех преподавателей, которые значились в списках. В общем, оказалось, что первое впечатление было ошибочным (что со мной случается редко).

Теперь о прозвище Маркина. Всем преподам мы после пары-тройки лекций придумывали новые «имена». У А.В. оно появилось лишь через полгода

знакомства. По созвучию фамилий Маркин стал Маркесом. Или Габриэлем Гарсиа Маркиным, благодаря Леше Кашпурову.

И напоследок. Читая «Улисса», я постоянно проставляла в тексте знаки препинания, ругая нерадивых издателей. Но, как объяснил Маркин, у Джойса был именно такой стиль письма — «поток сознания». Спасибо Вам, Алексею Вячеславович, что помогли мне (и моим коллегам) разобраться в тонкостях Зарубежной классики!



Оксана ЕВДОКИМОВА

МОЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ЧЕПКИНА

— Элина Владимировна Чепкина? Слушай, сколько ей лет?

— Черт знает. Но выглядит она потрясающе.

— Всегда.

Такие разговорчики уже набивали оскомину. Слишком уж часто мы восхищались нашей преподавательницей стилистики. Я познакомилась с ней будучи абитуриенткой. Она готовила нас к самому сложному вступительному экзамену «изложение». Тогда она мне напомнила мою учительницу по музыкальной литературе в музыкальной школе. До сих пор Элина Владимировна ассоциируется у меня с музыкой. Она действительно очень музыкальна.

Не буду расписывать, как она профессиональна в качестве преподавателя. Мы все это прекрасно знаем.

Помните (это я к одноклассникам обращаюсь), она как-то устроила для нас чаепитие. На кафедре стилистики. Мы тогда узнали, что «Серый генерал по-английски» её любимый чай. Там были ещё очень вкусные шоколадные конфеты и печенье. Я не помню деталей этих посиделок, вспоминаю лишь, что все было душевно. Когда в конце чаепития кто-то из нас вручил Чепкиной букет комплиментов, составленный из красивых слов и любезностей, она слегка покраснела и сказала: «Вы льстите». «Вручитель комплиментов» обиделся. Потому что лести там не было.

Когда наступало 8 марта, наши мальчишки одаривали её цветами. Она всегда была достойна самого красивого букета цветов.

А на журфаковских капустниках песни, сочиненные про кафедру стилистики, всегда были полны особой нежностью именно к ней — к нашей Чепкиной.

Когда она идет по коридору нашего факультета, я слышу музыку и начинаю испытывать «ностальжи» по её лекциям.

МОИ ЗНАКОМСТВА



Еще будучи абитуриентом, я сидела на скамейке запасных рядом с Владимиром Федоровичем Олешко. Это была игра сборной прессы против ветеранов баскетбола. Пресса проиграла, но надо сказать, что Владимир Федорович быстро бегал и ловко закидывал мяч в корзину. Такой эффект неожиданности. Так я познакомилась с преподавателем профессиональной культуры журналиста и автором заумной книги «Социожурналистика».

Второе неожиданное знакомство произошло в коридоре журфака перед творческим конкурсом. Нас, абитуриентов, было 150 человек, разбитых на многочисленные группки. Каждый знал направление к своей заветной аудитории и толкался около ее двери. Ко мне подошел растерянный мужчина в очках и спросил о местонахождении такой-то группы. Я показала рукой «туда, вдаль по коридору». Только во втором семестре Леонид Алексеевич Кропотков признался, что это был он. С очередным экспериментом: «Отзывчивы ли и внимательны ли будущие студенты». Леонида Алексеевича я представляла запятой, после которой всегда следует продолжение. Не думаю, что когда-нибудь его забуду. Ведь с третьего курса за мной репортаж с пятачка на площади 1905 года. А чего стоит жанр расследования! Леониду Алексеевичу прислали на дом странную потерейную книжечку. «А откуда они знают мой адрес и фамилию?» — задавал он нам исследовательский вопрос.

Безудержная энергия Леонида Алексеевича поражала многих. У кого еще хватит фантазии провести среди горожан опрос «Что такое биде?». Или законспектировать, а главное — понять того странного Урсула, замусоленная книжка которого была только в «Белинке» и у старшекурсников. Леонид Алексеевич воспитал во мне терпение и упорство, несмотря на мои сопли и слезы.

Мне всегда хочется стукаться лбом об пол перед многими значимыми для меня универовскими преподавателями и просто драгоценными людьми. Особенно перед Марией Федоровной Поповой, которую в среде студентов, называют мягкими буквами «эм» «эф». Вероятно, что многие с предложением «лба и пола» долго еще будут соглашаться.

Мне всегда нравилось задавать вопросы, особенно когда на них отвечают преподаватели. Я обожала ответы Светланы Александровны Большевой. Мне кажется, что столько полезных фактов и комментариев в одном ответе, не выдавал никто. По ходу беседы часто возникало желание схватить

ручку с блокнотом и стенографировать необходимую информацию. Помню, Светлана Александровна первая оставила нам, первокурсникам, свой домашний телефон. Мол, будут вопросы, звоните.



Наталья ЖЕРДЕВА

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ФАКУЛЬТЕТА

Рафаиль Исхаков — герой многочисленных журфаковских мифов. Сейчас уже невозможно точно сказать, что из них правда, что вымысел. Очевидно одно: Исхаков — не фантастический персонаж, а реальное историческое лицо. В подтверждение можно привести свидетельства студентов и преподавателей, не раз встречавшихся с ним.

Педагогический практикум

Однажды студент Исхаков сдавал зачет по истории зарубежной литературы преподавателю Паверману. Вытягивает билет, и чувствует: «Пропал!». Из произведения «Домби и сын» он не знал ничего, кроме названия. Садится отвечать.

— Ну что, вы читали «Домби и сын»?

— Читал, — робко отвечает студент Исхаков, стараясь не смотреть на преподавателя. Тут происходит странное.

— Давайте «зачетку». Потом расскажете, — мягко произносит преподаватель Паверман и пишет «зачет» в книжке студента.

Выйдя в коридор, студент Исхаков не радовался как все остальные. Он был глубоко потрясен, и немедленно отправился в библиотеку, читать злополучного «Домби». Прошли месяцы, а этот случай не выходил у него из головы. И вдруг, во время путешествия по Ленинграду, в метро, он встречается преподавателя Павермана. Тот ехал на эскалаторе прямо ему навстречу.

— Пойдите, — радостно закричал студент Исхаков. — Я расскажу вам «Домби и сын»!

С тех самых пор он убежден, что для студента нет ничего страшнее, чем «за просто так» поставленный зачет.

Армейские будни

Однажды Исхаков командовал взводом. Это случалось, конечно, не раз, потому что он служил командиром взвода. В армии есть одна добрая традиция: рано утром, часов в пять утра рядовых поднимают и в полном снаряже-

нии отправляют занимать какую-нибудь важную высоту. Бегут вот так солдаты исхаковского взвода, и он замечает, что вяло как-то бегут, невесело. «Взвод, стой! — командует Исхаков, — Вольно!» Распорядился выставить четверых часовых, чтоб «наблюдали обстановку» с четырех сторон. Остальным скомандовал отдыхать. Разом заснули солдаты. Не спят только часовые и командир взвода. Смотрит он на ребят, спящих, подтянув коленки к подбородку, и думает: «Надо же, совсем еще мальчишки». Командование удивлялось: почему только один взвод так подтянут и бодр? Зато родина могла быть спокойна.

Таких не берут в космонавты

Рафаиль Исхаков с детства мечтал быть журналистом. Поэтому он решил поступать в военно-политическое училище. В школе Рафаиль был «патологическим отличником», аттестат получил прекрасный. Осталось только пройти медкомиссию. В памяти у него остался длинный темный коридор, по которому нужно было идти совсем раздетым. Из него Рафаиль попал в светлую комнату и оказался прямо перед столом, за которым сидят члены медкомиссии.

— Что ж, — говорит начальник комиссии, — результаты обследования хорошие, аттестат опять же прекрасный. Поступайте-ка вы в авиационное училище.

— Но я хочу быть журналистом, а не летчиком, — возражает Рафаиль, стоя в позе футболиста, защищающего родные ворота.

— Напрасно, — нахмурился начальник. — Мы в «политическое» только троечников берем. Так что вам лучше в авиацию.

Тут Рафаиль возразил очень веско:

— Рожденный ползать летать не может!

— Что?! — удивился начальник медкомиссии. От удивления он сложил документы новобранца в папку и с размаху швырнул в него. Хорошо, что у Рафаиля была хорошая реакция, и он успел эту папку поймать.

Ничего, кроме правды

Рафаиль Исхаков долго работал редактором газеты «На смену!». Вернее, исполняющим обязанности редактора. Потому что тогда действовала советская власть, и национальный вопрос стоял очень остро. Сотрудники газеты упорно выбирали его редактором, но власть соглашалась только на И.О. Ходила даже такая шутка: «Если Исхаков станет редактором, то это будет уже «Нац. Смену!». В подчинении у Исхакова трудилась тогда начинающая, но подающая большие надежды журналистка Тамара Ломакина. Однажды в кабинет редактора буквально ворвался один трудящийся:

— Посмотрите мне в глаза! — попросил он. — Какого они цвета?

— Карие, — ответил редактор.

— Тогда что это такое, — возмутился посетитель. Он вытащил номер газеты с материалом репортера Ломакиной — «Го-лу-бые»!

Краткий курс политического бойца

Известно, что Рафаиль Исаков долго работал редактором газеты «На смену!». Работал до тех пор, пока в газете не опубликовали критический материал о властях. По сегодняшним временам ничего такого страшного в этой статье не было. Но тогда это называлось «плюнуть в кадку» и считалось верхом шалости. Власти «попросили» Рафаиля Исакова перейти на работу в самый «задвинутый» профсоюзный отдел газеты «Уральский рабочий». Тут, как назло, профсоюзы начали бастовать, Исаков оказался на гребне политической борьбы, писал такие резкие материалы, что их просто не ставили в номер. Поэтому он ушел из «Уральского рабочего» и начал выпускать специальную профсоюзную газету. Но скоро профсоюзные деньги кончились. Так Рафаиль Исаков стал безработным.

Нелитературищина

Идет однажды безработный Исаков по улице. Тут ему навстречу бежит какой-то рыжеволосый человек (не будем называть его имени, потому что это Евгений Зашихин).

— Пойдем к нам, в Среднеуральское издательство, — предложил он нашему герою.

В издательстве было два отдела. В первом занимались художественной литературой, а во втором — сопутствующей, научной и служебной. Этот отдел называли «нелитературным». Его и возглавил Рафаиль Лутфуллович.

— Никогда до этого я так много не читал, — вспоминает он.

Президенты оптом

Еще Рафаиль Исаков работал в избирательном штабе американского кандидата в президенты Дууэла, так как выиграл гранд на практику в Америке. Когда организаторы предложили выбрать два любых штата, куда практикант хотел бы поехать, Рафаиль отметил Калифорнию и Аляску. Поэтому его отправили прямо в Вашингтон. В штабе устраивалось множество интересных мероприятий для привлечения прессы. Представьте: бывших президентов США собрали в японском посольстве. Америка тогда как раз конфликтовала с Японией. Собрались президенты, куча журналистов. А в сторонке скромно наблюдал за всем происходящим Исаков, первый русский «пиарщик».

Настоящий русский

Американцы долго не верили, что Рафаиль в самом деле из России. Решили проверить. Отозвав в сторонку, налили ему полный стакан водки: «Пей!». Нужно ли говорить, что тест на русскость он прошел отлично. Спустя несколько дней американские друзья организовали вечеринку в честь русского гостя — «Тога-пати», формой одежды была простая тога. Вечером собрались гости, завернутые в элегантные простыни. Хозяин угощал всех ве-

ликолепным напитком из большой бочки, в которой плавали мандарины и бананы. Напиток был, вероятно, смесью всего алкогольного, что попало под руку. В завершение праздника некоторые из собравшихся оказались в бассейне.

На четвертый этаж

Исхаков шел по родному городу и не узнавал его: вокруг непривычно грязно, народ весь очень возбужден. Вдруг ему навстречу бегут два человека (их имен мы называть не будем, поскольку один из них — наш декан Лозовский, а второй — его друг Олешко)

— Откуда ты? — спрашивают.

— Из Америки, — отвечает Исхаков

— А у нас — забастовка. Пойдем с нами, — предложили они.

Исхаков тогда еще не перестал быть безработным. Согласился. Именно поэтому он теперь знаком каждому из нас.

Сомнительное везение

Не повезло. Каждый год, пока мы учимся, с ним происходили несчастные случаи. В этом октябре — авария. Преподаватели поехали в районный центр, проводить занятия для редакторов газет. Был первый гололед. На повороте «Волгу» вынесло на обочину, она перевернулась и осталась лежать на крыше. Приехавший «гибэдэдэшник» удивился, что все остались живы — машина восстановлению не подлежала. Он долго не хотел регистрировать ДТП, пока ему не сказали, что «Волга» принадлежит мэру одного из райцентров, и ему нужно будет как-то автомобиль списывать.

На попутном транспорте пострадавшие добрались до места. Исхаков прочитал основательную лекцию (серьезно подготовился), ответил на вопросы слушателей. И только в конце выступления почувствовал, что не все ладно. С кафедры спуститься уже не смог. Под «обезболом» доехал в Екатеринбург, до дома, и здесь его срочно отправили в больницу. На журфаке обо всем узнали через день. Ждали, когда выпишут. И не только потому, что некому было принять практику.

«Что такое “лафа”?»

Спросила подружка Таисии Исхаковой, слушая гимн факультета на Дне первокурсника. Что такое «журфак», они обе прекрасно знают. Под патронажем Таисиного папы, бессменного члена родительского комитета, в школе выпускают газету. Некоторые из ее одноклассников твердо решили стать журналистами. Ведь «журфак — вечный праздник». Это подтвердит даже Рафаиль Лутфуллович, который ответственно выполняет роль Деда Мороза на школьных новогодних утренниках.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ЗАКРЫТУЮ ДВЕРЬ

Кто не с нами, тот против нас...

М.А.Мясникова

Вы стучали в дверь открытую,

Я молчала, как убитая.

Обманула: зачет состоялся вчера.

Что стучите неумные?

Надоели звуки стремные.

Я, наверно, сегодня не в духе с утра...

(слова наши, музыка Земфиры)

И это все про Марину Александровну Мясникову. Не подумайте, что мы очень злые. На самом деле мы всех преподавателей любим. Даже Вас, Марина Александровна... местами. Вы зря обижаетесь. Это же шутка, хотя правильно говорят, что в каждой шутке... Вы умная женщина, у Вас есть вкус, о котором не спорят, и чувство юмора, которое не каждому дано понять. Помните, как я пришла к Вам на лекцию, а Вы меня не узнали:

— Что-то Вы у нас не часто бываете.

— Да, что Вы, Марина Александровна, еще ни одного занятия не пропустила!

— Это она просто прическу сменила, — спасибо храброй и доброй Вале Илларионовой.

— Не к добру менять прическу перед зачетом, — сказали Вы. И добро, так сказать, улыбнулись, как умеете только Вы.

Это я буду помнить столько, сколько буду жить. Как навсегда запомню, что такое ассоциативный монтаж и simultанность. До сих пор поражаю всех своей памятью и эрудицией. Если б не Вы! Много бы мы потеряли в этой жизни.

Многому Вы нас научили: например, собирать статьи про телевидение и быть добрее к людям. За это огромное Вам спасибо simultанно от всей нашей группы.

Татьяна КАНАХИНА

КАК МНОГО ПРЕПОДОВ ХОРОШИХ...

Кафедра стилистики

При этом сочетании возникают образы Элины Владимировны Чепкиной и Ирины Ильиничны Грибушиной. Соответственно, традиционные: «Ну, что?» и «Ах, ты непослушный ребенок...» Именно эти женщины убедили меня в том,

что русский язык по-настоящему велик и могуч. Если вы видите студента, который куда-то очень торопится, отпрашивается с работы или идет на какие-то другие «жертвы», то не задавайте глупых вопросов: «Куда так спешишь?». На русском языке присутствовать НЕОБХОДИМО. Иначе, лучше умереть. Жить с мыслью о хвосте просто невыносимо.

Кафедра телевидения и радиовещания

Ее нынешний глава — *Владимир Федорович Зыков*. Кроме того, это именно тот, кто наставил меня на путь радиожурналистики и, вообще, сделал много хорошего для формирования МЕНЯ. Он достаточно строг, чтобы иногда ставить автоматы. Он придумывает тесты для проверки знаний студентов и отмечает нас на занятиях. Но мне кажется, что студенты любят его не за это. Несмотря на свою внешнюю суровость, внутри он очень чуткий и добрый преподаватель. Несколько примеров. На зачете он дает вам тест, но вопросы в нем исключительно по тому материалу, который начитывался в течение семестра. Есть преподаватели, которые составляют экзаменационные билеты из расчета 50 на 50. Половину материала прочли, половину не успели.

Другой пример. Зыков на своих лекциях всегда отмечает присутствующих. Но если ты по каким-то причинам отсутствовал, то это еще не конец. Можно договориться. Не в смысле посидеть, выпить. А в смысле поговорить, работу какую-нибудь написать. Одним словом, Владимир Федорович — человечный преподаватель.

Игорь Степанович Бродский — бывший глава кафедры телевидения и радиовещания. На факультете он преподает уже много лет. Студенты его любят. Пять лет он проверял у меня летнюю производственную практику. Пять лет я получила за нее «отлично». Характер у него мягкий. Мне кажется, что в некоторых критических ситуациях ему удается оставаться спокойным за счет огромной своей мудрости.

Марина Александровна Мясникова. Гроза первого курса. Пять лет назад она преподавала нам секреты телевизионного монтажа. Такого странного и непонятного. На четвертом курсе она читала лекции о типологии телевизионных программ. Тоже очень сложно. С помощью Марины Александровны я попала на фестиваль неигрового кино «Вся Россия». Было очень интересно. Пусть я сильно этим не увлеклась, но я ей все равно за это благодарна.

Геннадий Николаевич Шеваров. В течение пяти лет я вместе с ним изучала природу звука на радио. Видимо, что-то в моей голове осталось, если я работаю радиожурналистом. С этим преподавателем очень приятно поговорить «за жизнь». Он обязательно расскажет о своей молодости и первой любви. Для зачета ему необходимо сдать сценарий документального фильма. У многих получалось.

Елена Васильевна Лозовская. Супруга декана факультета. У нее я училась очень мало, но знаю ее как женщину добрую и отзывчивую. Она всегда жизнерадостная и веселая.

Кафедра периодической печати

Леонид Алексеевич Кропотков. С ним мы встречались только дважды. На первом курсе он вел очень странный и сложный предмет. Не помню, как он назывался, но то, что литературы нужно было законспектировать море, помню. Из всего прочитанного я запомнила только одно слово — «тезаурус». И оно мне пригождается практически каждый день. В функциях моего компьютера есть «тезаурус» — поиск синонимов заданного слова. Вторая встреча была на пятом курсе. Уже ничего не читали, но писали книжку.

Рафаиль Лутфуллович Исхаков. Надеюсь, я написала правильно, так как обидеть никого не хочу. К нему я ходила на спецкурс по спортивной журналистике. Спортом серьезно заниматься не стала. Но матч между сборной России и Украины смотрела.

Владимир Федорович Олешко. Социожурналистика. Было много контрольных. За посещение ставил баллы. Мне для зачета хватило. Поэтому к Владимиру Федоровичу я отношусь хорошо. С ним всегда очень интересно поговорить. Это, наверное, и есть тот случай, когда говорят: «Компанийский человек».

Борис Николаевич Лозовский

Наш декан. На факультете он самый главный. И не только в плане должностном, но и во всех остальных. Так, ему больше всего уделяют внимания на капустниках. Что мне про нашего декана еще известно? Он наизусть знает закон о СМИ. Когда Лозовский принимал у меня экзамен — поставил «хорошо». Значит, он знает закон лучше меня. На первом курсе я узнала, что однажды Борис Николаевич писал репортаж с фермы. Сейчас у студентов уже нет такой уникальной возможности. Жаль. Наш декан тезка президенту Ельцину. На этом сравнения заканчиваются. В последнем семестре Б.Н. Лозовский вел у нас «Современные проблемы СМИ». Проблем очень много. И как их все решить?

Вот такие у меня преподаватели. Это, конечно, не все. Но вспоминать я буду, наверное, каждого. Только при разных обстоятельствах.

КТО НА НОВЕНЬКОГО?

Это было, когда я еще учился. В смысле, посещал все лекции. Короче — на первом курсе.

Мы плыли между Сциллой и Харибдой. Мы были молодые, и нас можно было напугать. Чем все препода с удовольствием и занимались. Потому мы знали, что отчисляют в Тартар обычно за иностранный (ах, тыщи, тыщи), физкультуру (only ломовая лошадь сможет отбегать все пропуски) и, конечно же, за русский современный литературный. Так вот, мы плыли меж Сциллой и Харибдой, а впереди высился желтого цвета бастион неприступного знания. Взять который, естественно, можно только с большими потерями. Иначе — Тартар.

Майданова — бог, а ее пророк в аудитории должна быть ужасна. Она должна кушать четверокурсников, закусывать третьим курсом, а первокурсников оставлять на сладенькое. Но первое появление пророка Майдановой спутало все карты. Она была молода и обаятельна. Она носила обтягивающие джинсы. Она была старше нас всего где-то года на 4. Ее звали Машей Очеретиной. Да, внучка того самого Вадима Очеретина.

«Я помню эту девочку, она училась у нас в школе на три класса старше меня» — сказал Макс; «Уф-ф,» — вздохнули все с облегчением; «Выпендриваться будет — погасим», — сказала Лида.

Началась учеба. Русский язык М.А.Очеретиной на жупел, которым нас пугал декан, совсем не походил. Без всяких скидок «за первый раз», г-жа Очеретина вела классно. Она не просто вдолдонивала правила в головы, она общалась, причем общалась иронично. Каждый пример для рассмотрения какого-либо правила был закомуфлированной репликой по поводу того, что происходило в аудитории. Никогда я не страдал любовью к русскому языку как к предмету изучения, но посидеть на лекциях и послушать г-жу Очеретину было просто интересно. Вместо пыльной науки язык представал живым, интересным, понятным.

Из-за небольшой разницы в возрасте, глядя на М.А. и на нас, было особенно видно, как человек, получивший высшее образование, отличается от всех прочих. Несмотря на отсутствие опыта работы с аудиторией, г-жа Очеретина общалась настолько грамотно, держалась с таким достоинством, что думаю, многие преподаватели после нее уже «недотягивали».

Алексей КАШПУРОВ

**ПРОФЕССОР КОВАЛЕВА:
«У МЕНЯ ВСЕ «ТАЙНЫ МАДРИДСКОГО
ДВОРА»**



О всесиили профессора Ковалевой на факультете журналистики слагаются легенды. Ее боятся, к ее мнению прислушиваются, по возможности стараются не противопоставлять себя грозной заведующей кафедрой истории печати.

Мы пересказывали друг другу то, о чем говорила Марго (так студенты именуют Маргариту Михайловну) сегодня на лекции, кого из современных политических фигур противопоставляла историческим, что советовала читать, не давала ли темы рефератов.

Ни одна лекция Маргариты Михайловны не была похожа на предыдущую. Каждый раз что-то новое. И не пересказывание предмета. Маргарита Михайловна, входя в аудиторию, вносила с собой настроение того от-

резка времени или века, о котором она собиралась поведать. Она пересказывала без бумажки такие пикантные подробности о любовниках и любовницах, образовании, знаниях и... известных журналистских гениев и печатных магнатов. После лекций Маргариты Михайловны создавалось впечатление, что профессор Ковалева каким-то образом сама только что вышла из —надцатого века — такие «тайны Мадридского двора» она всегда приносила с собой.

И подача курса была не натужно-наигранная. Тихий спокойный голос, иногда даже переходящий в шепот, заставляет вслушаться в материал. Историю журналистики, преподанную Маргаритой Ковалевой, не надо было запоминать. Весь материал ложился сам, пускай не запоминалось все и сразу, но в подсознании оставалось то, что действительно необходимо именно для тебя. То, что заставляло снова и снова приходить на лекции к Маргарите Михайловне, а на следующем курсе записаться на ее спецкурс, писать курсовую за курсовой, а теперь и дипломную работу. И этим все ска

Елена КИБКАЛО

КАЮСЬ, ПОКА НЕ ПОЗДНО...

К экзаменам у меня всегда было странное отношение. Любовь что ли?.. Это еще со школы. В экзаменах нравилось все: от процесса перетаскивания из библиотеки уймы книжек, коридорного мандража до момента отмечания сданного экзамена. Правда, к экзаменам я обычно готовилась. В университете выучить все предметы невозможно. Это уже аксиома. Главное здесь — научиться учиться. На первом курсе учиться я не умела, поэтому первый экзамен в самую первую сессию глупо завалила. Предмет назывался теолит. От преподавателя помню одну фамилию, которую до сих пор вспоминаю с содроганием, — Васильев. Когда господин Васильев декламировал В. Хлебникова, мы на задних рядах дружно хрустели бизе. Экзамен выдался

как раз после Рождества. Несмотря на очень холодный день, женская половина нашего курса, не жалея себя, предпочла юбочки покороче (говорили, что это как раз тот случай, когда помогает). Лично меня длина юбки не спасла, шпиргалки я достать не смогла, а прочитанное мной с чувством, толком, расстановкой «Муха села на варенье» желаемого впечатления на Васильева не произвело. Результат — первая и последняя за всю историю моего обучения двойка. Этот момент закалил настолько, что учиться я стала по-другому, да так, что сейчас только остается каяться перед преподавателями...

Андрей Сергеевич Аتمانских! Каюсь, но на экзамен в эту сессию пришла, так и не посетив ни одной лекции. Преподавателя тоже, само собой, увидела только на экзамене. Леонид Алексеевич Кропотов! Каюсь, фраза: «Кропотовых я хоть знаю, я их даже различаю» — родилась в порыве отчаяния, как раз накануне сессии. Более страшный грех я совершила на третьем курсе во время изучения социографических исследований. Уважаемый Леонид Алексеевич, Н. С. Бакун, что присутствует в одном из списков литературы, на самом деле существует, но не как автор бестселлера «Психология Агрессии», а как руководитель драмкружка Дома школьника в г. Алапаевск. Каюсь перед всеми преподавателями всяческих литератур. Простите нас за то, что количество прочитанной нами литературы было неадекватно количеству литературы пересказанной соседями по общаге и однокурсниками. Отдельное покаяние высшей математике. В момент зачета в коридоре находилось так много представителей матмеха, что грех было не воспользоваться их математическим складом ума, поэтому, зайдя в аудиторию, знала решения 13 примеров из 17 возможных. Каюсь перед преподавателем философии Рыковым. Помните шесть опоздавших студенток, которые под удивленные взгляды однокурсников сели «на ряд с пятерками?» Каемся, всю ночь перед экзаменом гадали, и дух Высоцкого сказал... Впрочем, дух почти не ошибся — четверо из нашей шестерки сдали тогда на пять.

А вообще хотелось бы покаяться перед всеми историками, социологами, экономистами, приходивших к нам с других факультетов, а вот в чем — это наша журналистская тайна... Главное, во время экзамена проявить изобретательность и тогда будет что вспомнить, а в чем покаяться всегда найдется, дабы студент безгрешен не бывает...

Максим КИРОВ

«ДОБРЫЙ» И «ЛАСКОВЫЙ»

Не читиво, а чтение. Пиршество в известном смысле.

(из лекции Б.Н.Лозовского)

Наверное, когда мои однокурсники уже не по разу переженятся и выходят замуж, нарожают детей, разъехавшись до этого по различным горо-



дам и весям, — именно этого человека наши потомки будут олицетворять с факультетом нашего времени. Могу сказать точно: о том, кто такой Борис Николаевич Лозовский и чего от него можно ждать, я узнал еще задолго до своего поступления. Причем те сведения о Б.Н., которые долетали до моих ушей, всегда произносились «старшими» друзьями с

неизменным пиететом. Нечто, вроде: «...мы сегодня делали то-то, а потом встретили Лозовского, и он сказал: у-у-у... После этих слов мы тут же поняли, что делали совсем не то» и т.д. Я, как человек еще не поступивший, впитывал всю эту информацию подобно пылесосу, и харизма Бориса Николаевича для меня росла как на дрожжах.

На деле же оказалось еще интересней. Он может не замечать вас вообще, на протяжении года довольствуясь лишь сухим «Здри-сь-сь-те» при встрече. А потом, в совершенно неподходящий момент просто выдернуть из толпы и спросить: «А где вы покупали книгу Майерса, на которую ссылаетесь в реферате? А там еще продают? А то, понимаете, больно хорошая книга!..»

Не знаю, как другим, а нашему курсу Борис Николаевич за разные мелкие услуги (перенести шкаф, пачки журналов) успел наобещать необдуманно много: и пиво, и шоколад, и даже шампанское. Отдать, правда, успел далеко не все. Благодаря чему и подвергался ряду оправданных эскапад. На факультетских «капустниках» всегда присутствуют две темы: алкоголь и лысина декана. Вечно спешащий Б.Н. все шутки в свой адрес сносит с тем достоинством, отнять которое нельзя. Шутки в чужой, в общем-то, тоже. На одном из ДП мы — тогда еще слишком смело — пошутили про Марину Александровну Мясникову, которая на празднике не присутствовала. И попросили Б.Н.: «Только Мясниковой, пожалуйста, не рассказывайте!» На что он чуть ехидно усмехнулся и честно ответил: «Без меня передадут».

За время моей учебы Борис Николаевич успел осуществить и грандиозную борьбу с *homo fumius*, то бишь, «человеком курящим». Курить на факультете он строго запрещал. Студент, нарушивший табу, либо лишался дымящегося окурка и получал совок и веник, либо с позором (но и с сигаретой) изгонялся этажом ниже. Сам же Лозовский после запрета курить пообещал во всеуслышанье избавиться от «порочащей» привычки. Но все-таки, закрывшись в деканате, тайком курил, стыдливо зарывая остающиеся окурки, как и Леонид Михайлович Макушин, в цветочные горшки.



Как-то после очередного Дня первокурсника мы сидели на факультете и пели свои любимые песни. Пели песню из к/ф «Мэри Поппинс, до свидания!» На словах «Он придет, он будет добрый, ласковый...» в аудиторию вошел Борис Николаевич. Он был и «добрым», и «ласковым». Только попросил нас все пустые бутылки за собой убрать.

Вераника КНЯЗЕВА

ДОКТОР БРАУН

*Я вникала три дня в твой предмет непонятный,
И взяла меня нервная дрожь.
Ты скажи, ты скажи, че те надо, че те надо, —
Может, сдам, может, сдам, че ты хошь...*

(из песни)

Он напоминает мне доктора Брауна из кинофильма «Назад в будущее». Такой же, сказать по правде, безумный. Что-то требует, собирает, обобщает, анализирует. Студенты крутят пальцем у виска, но пишут, ищут и сдают. Куда идут наши объемные работы, известно одному «доктору».

С самого первого дня Леонид Алексеевич Кропотов тиранил наши бедные души. Он заставлял писать непонятные конспекты Урсула, ловить золотых рыбок, приставать к прохожим с вопросами: «А вы знаете, что такое биде?» Очередное непонятное задание только заставляло восхищаться неутомимой фантазией и безумным воображением этого почтенного преподавателя. Когда на третьем курсе он заставил писать социографическое исследование, я долго не могла понять: зачем мне это надо? Но, как и все, по несколько раз переписывала «вопросы очевидцам», составляла план включенного наблюдения и придумывала 5 наименований книг, которых, по мнению Леонида Алексеевича, не хватало в списке литературы.

Вот и сейчас, наверное, многие пишут, а про себя тихо называют его занудой. Как и герой Кристофера Ллойда (именно этот актер в свое время и оживил доктора Брауна), Леонид Алексеевич создает иногда по-настоящему стоящие полезные вещи. Вот, например, книжка про наш выпуск, в которую, как известно, и пойдет теперешнее сочинение. Казалось бы, проще и глупее быть не может. Но именно эта вещь после выпуска станет самой дорогой (наравне с дипломом). И это правда. Стоит только посмотреть, с каким увлечением перечитывают свои мемуары прежние выпускники жур-

фака. За это доктору Брауну можно простить и тезаурус, и чеховский «Сахалин», и даже то, что наши работы он при встрече будет долго критиковать.

Мария КРЫЛОСОВА

УКРОТИТЕЛЬНИЦА «БЛОХАСТЫХ ЩЕНКОВ»



Как мы изумились, и как стало грустно, когда узнали, что Лена Ивановна Фролова уходит с журфака! Она — человек подвижный, мобильный и динамичный, появляется внезапно, как Черный плащ, сразу решающий все проблемы здесь, чтобы успеть в другое место, и решить проблемы там. Человек, говорящий: «Не ждите вдохновения, его никогда не будет. Делайте сейчас» и «У вас никогда не будет свободного времени», — была и остается для меня настоящим символом настоящей живой журналистики. Как же так? Она, всегда собранная, умно и выжидательно смотрящая поверх очков, все-

гда пышущая энергией. Женщина, про которую не скажешь сколько ей лет, которая всегда молода и год от года только мудреет... И — на тебе! Невозможно было представить, что Лене Ивановне — за шестьдесят. Наверное, дело в том, что ей все труднее и труднее становилось держать себя в такой форме.

Как человек незаурядный и интересный, журналист до мозга костей, профессионал, Лена Ивановна часто для выражения своих мыслей, а также для образности, экспериментировала с русским языком. В результате чего появлялись словечки и выражения, мигом подхватываемые журналистской братией: «для оживляжа», «взрыхлил и унавозил», «протокол о намерениях», «не спешите писать абы как, заскорузленько» и т.д. Сама она никогда не повторялась, все время находилась в творческом поиске. Еще Лена Ивановна заведовала на журфаке практикой. И вот однажды она объясняла нам, зеленым первокурсникам, что надобно творить в различных обстоятельствах. Народ вникал. Тему, когда редакция не выполняет своих обязательств перед практикантом, Лена Ивановна обозначила так: «Если над вами надругались...» «Привезите справки!» — радостно закричал с места Сева Доможиров.

Напоследок хочу сказать, что если Мария Федоровна прививала вкус к журналистике, то Лена Ивановна Фролова делала настоящих журналистов, давая им «мясо» — естественно, журналистское. Мне кажется с ее уходом журфак очень многое потерял. Некому стало делать настоящих журналистов из «блехастых щенков».

Я ЛЮБЛЮ ЭЛИНУ ВЛАДИМИРОВНУ

Да, я искренне люблю Элину Владимировну Чепкину. И вот почему.

Она — крайне редкий тип преподавателя ВУЗа. Вроде и строгая, и требовательная, а как рассмеется над очередной ляпой студента, так свой человек!

Но самое воспитательное качество Элины Владимировны — это умение передать то, что написано в «страшной желтой книжке» за авторством некой Л.М. Майдановой, человеческим языком, полностью сохраняя при этом заложенный в книжечку смысл!

Честно говоря, после первого же знакомства с той самой книжечкой, я Элину Владимировну зауважала!

Да и вообще, невзирая на «желтую книжку», на Стилистике было весело и интересно. В основном, благодаря домашним заданиям. Конечно, их наличие нами не приветствовалось, но в итоге получалось забавно. А все благодаря тому, что мы счастливо обходили прикладную часть заданий и погружались в творческую. Элина Владимировна, конечно, журила, но в конце концов прощала.

Как-то раз Элина Владимировна задала по-своему переписать Сказку про Красную Шапочку. В данном тексте нужно было по-особому организовать временную структуру, но это мелочи. Зато какие шедевры выдала наша группа! Бедный Шарль Перро, наверное, в гробу извертелся. Коллективный портрет Красной Шапочки оказался следующим: «Шапка» жила в семье людоедов, но сама была роботом, вышла замуж за Волка, вместе с которым и «пришила» свою Бабушку, затем, с горя, пошла на панель.

Помнится, моя Красная Шапочка оказалась тайно влюбленной в Волка и по этой причине регулярно отдавалась ему... на съедение. (Видимо, получала от этого удовольствие.) Но не это самое интересное! Совершенно неожиданными оказались для меня слова Элины Владимировны! Она сказала, что ей понравилась моя работа, потому что она видит в описанной мной ситуации некий скрытый смысл, который, видимо, я и пыталась вложить. И ей образ Красной Шапочки очень понятен!

С тех пор я тоже начала чувствовать некоторую близость во взглядах с Элиной Владимировной.

Вообще, Элина Владимировна первой из всех преподавателей журфака начала обращаться к нам по именам. И для меня это было очень важно. В школе я привыкла, что учителя не то что пофамильно знают каждого, но и знают, кто в какой семье живет, о чем мечтает, сколько получил пятерок и троек за полугодие... А в университете лекции на поток, и твою фамилию преподаватель впервые слышит только на зачете. Поэтому было очень приятно, когда Элина Владимировна цитировала понравившиеся работы, разбирала, кто как написал...

На мой взгляд, преподавателю стилистики вообще трудно завоевать до-

верие и любовь студентов: чтобы сдать стилистику, нужно хоть что-то выучить, а это лишнее напряжение. А кому нравится напрягаться оценки ради?!

Но Элине Владимировне все же как-то удалось это сделать. Недаром же ей некоторые студенты домашние работы в форме поэмы писали, да еще и в трех частях!

Наверно, самыми четкими и ясными воспоминаниями об Университете как об учебном заведении у меня останутся именно воспоминания о кафедре стилистики и русского языка. Это действительно было похоже на учебу. И я считаю, что мне повезло с преподавателем по предмету «страшной желтой книжки».

Григорий ЛОМАКИН

«НЕУЛОВИМЫЙ ДЖО»

Этот человек обладает талантом попадания в разные неприятные ситуации, из которых выходит с физическими повреждениями различной степени тяжести. За чем, естественно, следует период лечения, довести которое до конца Рафаиль Лутфуллович Исхаков никак не может. Уже через несколько дней после какого-нибудь ДТП он, прихрамывая на одну из ног, поднимается на четвертый этаж. Забравшись на самую верхотуру родного университета Исхаков устало вздыхает и... дематериализуется. Так проявляется другая его «особенность»: умение затеряться в каких-нибудь полутора десятках факультетских аудиторий. Розыски его очень напоминают поиски Остапом Бендером Скумбриевича, так как сопровождаются теми же: «Только что здесь был» или «Минуту назад вышел». Но в отличие от ильф-и-петровского персонажа, поймать Исхакова возможно, хоть и достаточно трудно. Как правило, его останавливают в коридоре, и тут же по журфаку мчится радостная весть: «Он здесь». Вокруг маленькой фигурки в неизменном сером костюме мгновенно вырастает толпа студентов, жаждущих «приобщиться к таинственному». Кто-то размахивает «хвостовками», кто-то — черновиками дипломных работ. Решаются все вопросы, и, как правило, положительно. Рафаиль Лутфуллович — человек мягкий, все понимающий и всегда готовый помочь. Вот где, казалось бы, лафа любителям халявы. Но что-то такое пробуждается в душе даже самого ленивого и необязательного... И все сдается точно в срок. Ну, может, иногда чуть позже.

Ольга ЛЯЛИНА

ЕКАТЕРИНБУРГ СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ

Екатеринбург слезам не верит, а держится он на преподавателях-энтузиастах, которые за всю свою жизнь не скопили добра, ковров и хрусталя, а все силы, здоровье, любовь и страсть отдали нам, студентам и университету.

К таким людям, несомненно, относится Ирина Ильинична Грибушина.

«Какой нехороший ребенок, — в очередной раз слышу эти знакомые слова от Ирины Ильиничны за плохо написанный диктант, — вам, Оля, надо еще поработать над ошибками, позанимайтесь дома и приходите».

Да, в начале учебы с русским языком у меня было трудновато, но за три года этот прекрасный педагог поработал со мной, научил меня моему родному языку — русскому, а точнее его правописанию.

«Вот видите, у Вас получилось. Умница», — вполголоса, улыбаясь, говорит Ирина Ильинична.

Почтенная, уважаемая студентами, много лет проработавшая на кафедре стилистики, она никогда ни на кого не держала зла.

И, когда на четвертом курсе нам объявили, что писать диктанты и изложения мы будем не под ее спокойный, тихий голос, я была немного опечалена, так как уже привыкла к ней, к ее доброй, но в тоже время требовательной душе.

Сколько же таких преподавателей в России? Таких преданных университету и таких беззащитных перед обществом?

Сегодня преподаватель одинок в своей трудной жизни. Отечество, похоже, не видит его слез. Не до того.

Александр МАРТИРОСОВ

О ЛЮБВИ К ПАРОДИИ

«Были на свете женщины умные, хорошие и талантливые. Но справедливой женщины мир еще не видал и не увидит».

Л.Андреев «Мысль».

Вы никогда не задумывались, почему студенты-печатники на пятом курсе творят пародии на М.А. Мясникову? Они с ней общаются только в течение первого семестра, так почему в конце девятого считают себя вправе судить о человеке так, как не может себе позволить даже хороший знакомый? Ответ мне представляется довольно очевидным: тут действует стереотип, что «Мясникова — это плохо». В его формировании в известной степени виновата сама Марина Александровна... Но не только она. В случае с нашим курсом — виновен еще и Л. А. Кропотов. Это он в первом семестре приволок в аудиторию трех девиц-пятикурсниц (никогда не знал их имен, а то бы им пришлось сделать платоновский диалог «Пир» своей настольной книгой), которые понарассказывали нам столько гадостей про М.А., что она представлялась не иначе как фурией, вышвыривающей студентов за окно.

В день зачета все волновались до дрожи в коленках. Тем более, что зачет у М.А. стал для нас первым зачетом на факультете журналистики. «Вы-

летать» не хотелось никому, но, похоже, в глубине души все с опаской ожидали именно этого.

И тут мир перевернулся. Журфаковский мир. По крайней мере мое о нем представление. На зачете в течение получаса (!) Марина Александровна прилагала все силы, чтобы хотя бы на «троечку» вытянуть одну бестолковую особу, очевидно, знавшую о ТВ только понаслышке. Полчаса М.А. что-то рассказывала, стараясь не сильно травмировать душу «ребенка» словами «монтаж», «кадр», «план». Полчаса она задавала девушке вопросы, которые я не могу назвать даже наводящими, чтобы на них ответить, надо было просто поменять интонацию с вопросительной на утвердительную. В конце концов, Марина Александровна сдалась: «Простите, пожалуйста, — сказала она, — но я не могу поставить вам зачет, вам придется прийти ко мне снова». Я готов был зааплодировать! По-моему, для всех присутствующих тогда в аудитории казалось очевидным, что М.А. должна была сказать эти слова уже на второй минуте общения с той особой, которую, кстати, во втором семестре все же отчислили из университета.

Так в первую сессию я заподозрил, что сама Мясникова не так страшна, как ее малюют. Потом она стала у меня руководителем практики. И я готов за это благодарить судьбу. Марина Александровна одна из немногих преподавателей на факультете, от кого можно услышать четкий анализ и дельный совет. Я писал у нее все курсовые работы и каждый раз открывал для себя нечто новое в исследуемой теме. Конечно, Марина Александровна непростой человек. Но с простыми и неинтересно.

Так что теперь, когда в «День первокурсника» я вижу пародии на М.А., творимые нашими студентами-печатниками, я начинаю думать, что те три девицы Кропотова постарались на славу. Некоторые так и не избавились от их воздействия.

Лидия МИТЮШКИНА

Лучшие. Любимые. И не только нами

Темочку подкинули трудную. Писать про любимых тяжело. А про ненавистных просто, но не хочется. Но все же попробую. Про любимых, разумеется. Правда, их несколько. Поэтому только про тех, кто встретился на моем пути в самом его начале. То есть на самом первом курсе, в самый первый семестр. Как-то так получилось, что одним из первых предметов, на который я пришла, оказалась ФИЗКУЛЬТУРА. Проклятие длиною в два года. Очень забавно получилось.

Трепетные девушки, только что сползшие со школьной скамьи, столкнулись с суровой реальной жизнью. Собирательным образом всего самого страшного в жизни нам показалась Валентина Ивановна Красовская. Оглядев собравшееся на седьмом этаже стадо овец в спортивной форме, она привычным голосом велела строиться. Кстати, о голосе. Если устроить внутри-

университетское соревнование по громкому крику, то Валентина Ванна — стопроцентный чемпион. Даже Евгений Степанович Зашихин по сравнению с ней звучит как простуженный. Ну да ладно. Построиться мы не сумели, чем вызвали жизнерадостный смех и справедливый гнев. Ой! Что там началось! Просто Ой! После урока девочки со слезами на глазах говорили, что так с ними еще никто в жизни не обращался, что они никогда сюда ни ногой, вообще, они прирожденные инвалиды и вот справка. Через пару занятий выявилась группировка бунтарей-симулянтов. Бег с высоким поднятием колена выглядел в нашем исполнении просто нелепо и тут же начали развлекаться кроссовки, закололо в боку, нагрянули критические дни, вывихнулись обе ноги и дали себя знать все последствия родовой травмы. Оказалось, что сидеть на скамейке и говорить очень остроумные (с нашей точки зрения) вещи всем кто скачет мимо — самое подходящее занятие для таких как я. Сперва Валентина Ивановна пыталась с нами бороться. Но увидев, что наше присутствие в рядах занимающихся тут же эти ряды ломает, сдалась и села рядом. Так дальше и продолжалось. Мы болтали, изредка посвистывая на отстающих. Оказалось — милейшей души человек! Нигде больше такой не найдете. То, что нам сперва казалось непосредственной угрозой нашей жизни, оказалось обалденным чувством юмора. И что самое главное — ее доброта не знает границ. Она никогда никого не заставляла. Грозила кулаками, пугала незачетами и кроссами длиной с экватор, но все равно автографы в зачетке оставляла даже таким как я. Так что если на первом курсе вы попадете в ее группу — вам просто повезло, и я буду завидовать. Это вам не «сексуальная пластика», где нужно тянуться от сосков до клитора и при этом дышать через раз.

И не мелкие практикантки, которые пытаются выставиться перед зав.кафедрой и караулят в кустах всех, кто срезает углы на беговой дорожке в парке. Валентина Ивановна — это просто супер-человек! Люблю, ценю, вспоминаю.

Второе яркое впечатление осталось после общения с Ириной Михайловной Варкентин. Мне всегда везло с преподавателями этого страшного предмета. Немецкий язык. Когда говорят по-немецки, у многих создается впечатление гавканья и карканья. Вроде «язык площадей и ругани», но маленькая, тоненькая и ужасно интеллигентная Ирина Михална говорила по-немецки восхитительно. И нас пыталась учить. Поскольку немецкая группа всегда маленькая, то спрашивали почти на каждом занятии, и поэтому приходилось учиться. Она знала всех и видела наши способности. «Прочитайте-переведите, прочитайте-переведите, хотя бы просто прочитайте». И все так спокойно и мило, что просто хотелось хоть что-то сказать и понять. Именно гавкать и каркать было позорно. Сегодня Оксанка Евдокимова учится где-то в Австрии, и ее там все понимают! А я теперь даже могу перевести, что поет группа «Раммштайн». В общем, сами того не желая, мы чему-то научились. Хотя свою дипломную «четверку» я получила совсем не за знания. Неистребимая тяга к «халяве» как всегда победила жажду знаний. И вместо «пер-

фектов» и «умперфектов» я занялась традиционно-ежегодным выступлением на «День иностранных языков». Все «немцы» оказались позорниками и разбежались. Так что воспользовавшись помощью друзей-англичан, своими познаниями вражеского языка, детским фольклором и песней «Айн, цвай, поличай» я создала получасовое шоу, которое вследствие моих скудных познаний оказалось большей частью русскоязычным, а потому понятным и смешным для всех. Ирин Михална пряталась за сиденьями в зале, краснела и смеялась. Мы заняли первое место!!! Ура! Мы победили, и свою «четверку», я считаю, заслужила почти честно. Не так давно в дебрях лестницы четвертый-третий этаж мы опять столкнулись. Ирин Михална все так же мила. Никакие поколения студентов ее не испортят. Она звала в гости, а я рассказывала ей сказки про Адольфа Цитербакке (маленький немецкий нац.герой). Приду. Обязательно. С цветами и плюшевым медведем.

Максим МОКЕЕВ

УХ, КОНТРА!

*«Он был столь благороден, что
сквозь жилы его рук голубели незабуд-
ками благие намерения».*

Б.Виан «Пена дней».

Пожурил в один прекрасный день на лекции по истории русской литературы Евгений Степанович Зашихин нерадивых студентов журфака...

Евгений Степанович — талантливый преподаватель и очень колоритная личность. Блестящая великолепной рыжей шевелюрой и не менее великолепной бородой. Вызывая тоску и зависть всех пижонов своими обалденными кожаными брюками и чудесным зеленым портфелем, он ворвался в нашу жизнь, словно батышка Махно на арабском скакуне. Произошло это знаменательное событие на третьем курсе. Старые добрые времена! Как увлекательно проходили у нас семинары по истории русской литературы! Бывало, наорешься так, что к концу пары голос напоминает уже не бодрый рык прилежного студента, а, скорее, унылое карканье одной вороны. А Евгений Степанович — как огурчик! А ведь это была только одна из его работ. Еще, по неподтвержденным данным, Евгений Степанович трудился в «Средне-Уральском книжном издательстве», где занимал далеко не последний руководящий пост главного редактора, а сегодня, вроде как, главред ИД «Сократ»... Кроме этого, его фамилия иногда встречалась нам в сборниках произведений местных авторов... Плюс ко всему, опять же по данным из сомнительных источников, Зашихин нашел свою вторую половину из числа особ, которые закончили журфак в 1999 году. Словом, Евгений Степанович весьма неугомонная личность.

И я благодарен судьбе за то, что он встретился на моем жизненном пути.

АТМАНСКИХ И ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ...

Может от того, что я не пропустила лекции ни у одного преподавателя, у меня и останутся в памяти многие из них. Это и Роза Михайловна Буркутбаева, которую мы боялись на втором и «прониклись ею» на третьем курсе. И Светлана Александровна Большева, которая, кажется, может «заразить» своими идеями любого человека. И декан филфака Валентин Валентинович Блажес, которому я сдала зачет с третьего или с четвертого раза, но обиды на него не было, потому что он прекрасно знает это проклятое «Слово о полку Игореве». И Елена Константиновна Созина. Единственная, кто сумел «раскачать» на семинарах нашу первую группу. И преподаватели с кафедры стилистики, с которой у меня отношения складывались сложные и тяжелые. И очень умный, добрый преподаватель естествознания Валентин Ванифатьевич Корона. Его знания, как мне кажется, многие у нас недооценивали. А кто-то вообще «в глаза его не видел», так как зачет он проставил всем и сразу. И Любовь Петровна Макашина, лекции которой плавно перетекали в семинары. А рассказы о выдающихся журналистах и издателях начала XX века были так эмоциональны, что казалось она знала их всех лично. И, конечно, Маргарита Михайловна Ковалева. О ней разговор особый. А пока подробнее расскажу о двух других, не менее интересных и уникальных людях.

Любимая москвичка

Наверное, наиболее «аншлаговыми» из «необязательно посещаемых» предметов на старших курсах у нас были реклама и история зарубежной журналистики.

Можно по-разному относиться к Галине Германовне Щепиловой, но ее манера ведения лекций была, думаю, наиболее оптимальным вариантом для нас. Она умела совместить практику и теорию, рядом с серьезным рассказом о типологии печатных изданий за рубежом существовали ее бесподобные рассказы о поездках за границу. Галина Германовна вела у нас три семестра. И каждый из них начинался с ее удивленно-радостного возгласа:

— Как? Вы до сих пор ходите на мои лекции? И я вам не надоела?

— Нет, — торопились обрадовать мы любимого преподавателя. И ведь не врала!

...Когда на факультете «поползли слухи» о том, что Щепилова уезжает в Москву — никто не верил. Казалось, что без этого человека факультет не может существовать. Мы ошибались — может. Но жаль, что никто из «идущих после нас» не услышит ее рассказ о посещении Бунденстага, о том, как Галина Германовна впервые узнала о существовании «пробников» губной помады, как она трижды выходила замуж, «потому что за всю жизнь не научилась твердо говорить «нет». А поэтому, когда звали — соглашалась».

Как купила себе белое пальто, как можно приготовить кофе «по-старинке», как... Да многое из ее жизненных, профессиональных историй, к сожалению, на нашем факультете больше никто не услышит. Конечно, придет новый преподаватель, но как сказала одна моя однокурсница (и я с ней солидарна): «Найти замену Щепиловой? Это смешно и невозможно».

Философия с точки зрения червяка

На втором курсе философию у нас преподавал дяденька, одно имя которого вызывало у студентов такую нервно-злобную реакцию. Любовь к предмету у студентов он, естественно, привить не смог. Скорее наоборот... Поэтому лично я с опаской поглядывала в начале девятого в моей жизни семестра на название предмета «история философии». К счастью, преподаватели бывают разные.

Атманских вбежал... Нет... пулей влетел в аудиторию. (Как оказалось потом, он вечно куда-то торопится. И если вы увидите Андрея Сергеевича идущего по коридору размеренно и неторопливо — это что-то нереальное).

На первых парах нас занимал единственный вопрос — сколько лет преподавателю? Все решила одна его фраза: «В шестьдесят первом году Гагарин полетел в космос. Мне было четыре года, но я это помню». Все остальное было делом арифметики. И... в один момент Атманских «повзрослел» почти на десять лет!

Лекции по истории философии, как и по зарубежке, были «необязательны». Но один раз сходяв, сложно было не прийти во второй. Не могу передать стиль, характер, особенности речи Андрея Сергеевича. Но после его рассказов о Хайдеггере, Федорове, Флоренском и многих других философах, казалось, что все в их учениях понятно, все безумно интересно и легко читаемо. А когда брал в руки книги... После нескольких страниц (если не после первого абзаца), говорил себе: «Нет, батенька, от этого нетрудно и свихнуться». Так что подумайте, сделайте из вышесказанного выводы.

За одну лекцию Атманских успева! рассказать не только об «истории философии», но и об истории некоторых математических, физических и многих других открытий.

— Как?! Вы не знаете, кто раскопал Трою?! — и, казалось, очки на его носу «подпрыгивали» от удивления. — Ну, так это надо непременно рассказать! — и рассказывал. И мы понимали, что, действительно, это нужно было рассказывать.

Еще любил Андрей Сергеевич «для лучшего усвоения материала студентами» приводить «дурацкие», как он сам выражался, примеры. Выглядя! дело это примерно так:

— Простите (прикладывает руку к груди и чуть наклоняет голову), за очередной дурацкий пример. (Поправляет очки. Пауза. Ненадолго. А сам в это время чуть не жмурится от удовольствия в предвкушении дальнейшего рассказа.) Вы яблоки ели? Червяка видели? (Дружный смех в аудитории.) Так вот, как он познает, что такое яблоко? Правильно. Он постепенно прогрыза-

ет в ходы и в результате от яблока не остается ничего. Но он смог узнать что-то лишь о его отдельных частях. Яблоко целиком червяк так и не познал. А человек берет яблоко, кладет на руку и говорит: «Что тут понимать — это же яблоко. Так вот мы и познаем мир, как червячок яблоко...»

Вот такая философия. А напоследок расскажу еще об одной ситуации. Однажды нам пришлось учиться в холодной аудитории. Мы-то хоть в пальто сидели. А Аتمانских беспрестанно «перемещался» из одного угла в другой, чтобы хоть немного согреться. Тут мы начали ныть. (И его жалели, да и себя, конечно):

— Может, мы пойдем в другую-ую аудиторию? Вам же хо-о-олодно?

А Андрей Сергеевич подышал на замерзшие руки... и не согласился. После недолгого молчания, во время которого он смотрел в окно и, казалось, вглядывался куда-то за горизонт, сказал:

— А вы знаете? — он оглядел нас из-за очков беглым взглядом. — Я буду читать вам лекции в любых условиях. (Пауза. Задумался.) Даже если останется два человека. (Опять пауза.) Включая меня...

И еще. Как-то Борис Николаевич (Лозовский, конечно), попросил у Аتمانский «лекцию», чтобы провести в это время встречу пятого курса с редактором «Вечерних ведомостей». Андрей Сергеевич согласился. И это был единственный, если мне не изменяет память, случай, когда мы уговаривали преподавателя «лучше прочитайте нам лекцию по истории философии»...

Светлана НЕФЁДОВА

«Ну, с тобой, Светка, все ясно! Ты про Ковалеву напишешь», — констатировали мои одногруппники, как только мы начали обсуждение книжки о курсе. Но все же я долго не решалась написать про М.М.. Из-за того, что очень сложно (отчего-то?) писать о человеке, которого знаешь и уважаешь, пожалуй, больше многих других преподавателей. И все же не удержалась. Потому что «прокручивая» события на пять лет назад, я вновь осознала, насколько важной была для меня та, первая встреча с Маргаритой Михайловной...»

«МЕНЯ ЗОВУТ МАРГАРИТА МИХАЙЛОВНА...»

...Однажды на юшки вместо Марии Федоровны пришла невысокая женщина. Она вошла медленно. Положила сумку на первую парту. Поправила очки. Улыбнулась своей лукаво-доброй улыбкой:

— Здравствуйте, меня зовут Маргарита Михайловна Ковалева. Я профессор, заведующая кафедрой истории печати на нашем факультете. Сегодня мы немного поговорим об истории журналистики...

Я увидела тогда в М.М. те качества, какими (естественно, в моем понимании) должен обладать настоящий учитель, педагог, преподаватель: ум, спокойствие, чувство собственного достоинства, огромный багаж знаний и

умение подать материал. И еще та интеллигентность, которая не просто редко дается, а, наверное, еще и с рождения. Честно говоря, я думала, что такие люди существуют лишь в фильмах. Мне повезло.

Эта встреча оказалась (не люблю громких слов, но в данном случае все, пожалуй, так и было) «поворотным моментом» в моей жизни. Тогда я не только окончательно приняла решение поступать на журфак. Но и (странно самой!) знала, что ни в коем случае не упущу возможности учиться именно у этого человека. Возможность представилась не очень скоро — только на третьем курсе. А до этого, помню, частенько «просвещала» однокурсников по поводу того, что «вот идет та самая Маргарита Михайловна». Обидно, что не все верили. «А кто это такая? Ну откуда ты знаешь? Ты, наверное, путаешь!» — говорили они.

...И вот, наконец, третий курс. В аудиторию своей неторопливой походкой вошла М.М. Она была абсолютно той же, какой я увидела ее еще на абитурире. И я опять, отключившись от всего, слушала ее лекцию.

А через несколько дней я, да еще Севка Доможиров, Лешка Кашпуров и Максим Киров, набравшись храбрости, явились на кафедру печати. Причем парни, недолго думая, распахнули передо мной двери и предупредительно пропустили вперед... Так вот мы пришли выбирать темы, а точнее, руководителей дипломных работ.

Помню, в кабинете было ужасно жарко от яркого солнца. Дымно от сигарет Маргариты Михайловны. И жутко смешно, потому что М.М. и Любовь Петровна Макашина начали обсуждать не что иное, как личные отношения между журналистами и их женами в начале века. От нас четверых требовалось кивать головами и выбирать себе одну из миллиона тем, которые не уставали «лепить» на ходу эти две совершенно не похожих, но безумно влюбленных в свой предмет женщины. И мы, наконец, преодолев дрожь в коленях, выбрали. Правда, попасть под «пресс интеллекта» (а о Маргарите Михайловне на нашем курсе говорили с восхищением: «Да-а, интеллектом давит!») решились только мы с Лешкой. Да так вдвоем и «доплыли» до диплома.

...Экзамен по истории русской журналистики, который принимала Маргарита Михайловна, стал для меня своеобразным «часом пик». Не хотелось «ударить в грязь лицом» перед М.М.. Подготовилась к сдаче я, по-моему, неплохо. Но только села готовить вопросы на экзамене, как все выбило из головы. В результате отвечать вышла неготовой:

— Ну, а вы, Света, что волнуетесь? — спросила меня М.М. и пустила сигаретный дым в потолок. При этом ее глаза приняли хитрое выражение. — Вы, вообще, что здесь делаете? Тексты читали. Курсовую вы у нас пишете. Ну, ладно, скажите, как отзывался Полевой о журналистике?

Сама же в это время уже писала «отлично» в моей зачетке. А мне было стыдно. Потому что на этот-то вопрос ответа я не знала.

...Со временем общаться с М.М. стало легче, но от этого не менее интересно. И, конечно, я надеюсь, что и после универа буду иногда приходить к

Маргарите Михайловне. Хотя бы просто для того, чтобы поговорить «за жизнь». Иначе мне будет очень не хватать чаепитий у нее дома, на которые мы с Лешкой неоднократно «хитро напрашивались», под предлогом обсуждения курсовой или темы диплома (об этом можно было поговорить и в университете). Не будет хватать мягкого голоса М.М.: «Хотите кофе? У меня есть замечательный кофе!» И ее возмущенного, а порой, очень категоричного тона, когда разговор заходил о журналистике, о системе образования, о ситуации в стране. Ее очень ярких рассказов о различных поездках. Ее восхищенных отзывов о Франции... И еще того, как ласково и непривычно по-домашнему называет «королеву Марго» ее муж: «Риточка»...

Эдуард НИКУЛЬНИКОВ

ЖУРФАК — ЭТО СВОБОДА!

Вспоминая всех преподавателей журфака, невольно ловишь себя на мысли, что очень трудно выделить кого-нибудь и рассказать только о нем одном. Все дороги по-своему. Удивительно, но даже Маркин с филологического факультета, поставивший мне на четвертом курсе первый «хвост» за все время учебы на журфаке, сейчас воспринимается с легкой грустью, если не ностальгией. Тоже ведь был какой-никакой опыт. Да и, в конце концов, розгами за тот «хвост» меня не пороли.

И все же особенно дороги журфаковские «наставники», ставшие теперь уже чуть ли не родными. В связи с этим, вырисовывается предстоящая проблема — после окончания учебы уходить с журфака будет нелегко, очень нелегко.

Борис Лозовский — образец остроумия и мудрости. По правде говоря, без него журфак УрГУ представить вообще невозможно. Именно на одной из его лекций узнал как-то мысль, являющуюся, по сути, концентратом всех полученных здесь знаний: «Журналистика — это все, что скрыто от глаз, остальное — реклама». Думаю, комментарии излишни.

Геннадий Шеваров. Философское отношение как к профессии, так и вообще к жизни получило свое развитие от его лекций. Именно он пытался донести до нас мысль о том, что к радио нужно относиться как к искусству. И делать такие программы, о которых бы люди не забыли и через 10, и через 20 лет. Как раз эти мысли приходят на ум при прослушивании современных тошнотворных радиопрограмм по заявкам, которые сам Геннадий Николаевич однажды очень точно определил в одну группу под названием «Чего изволите?»

У *Владимира Зыкова* запомнились, прежде всего, четкость и ясность мыслей, умение ставить цели и достигать их. «Хотите перепрыгнуть планку высотой один метр — рассчитывайте силу будто прыгаете на два. На два метра нужно прыгнуть? Ну, тогда меньше, чем о четырех не смейте и думать!» Сильная аналитика — это тоже он. Очень часто лекции превращались в длительные беседы, то есть вопросы можно было задавать абсолют-

но свободно, за что я Владимиру Федровичу благодарен особенно.

О яркой же личности *Марины Мясниковой* на факультете ходят легенды. Где еще вам расскажут об эффekte Кулешова? Только здесь! Совсем забыл, вы смотрели «Три цвета» Кшиштофа Кислевского? Очень рекомендую. Не будь Марины Александровны — в жизни бы не посмотрел. Вообще, этот человек для меня, в отличие от многих моих более «продвинутых» одноклассников, до сих пор остается загадкой. Держу пари, что после окончания журфака многие будут скучать по ней. У некоторых первые такие симптомы уже появились. Так, одна моя одноклассница (думаю, она себя здесь узнает) однажды призналась, что ей приснился сон, в котором она сидела на лекции... Мясниковой.

Дмитрий Стровский. Авторитетный бас этого маститого пиарщика заставляет трепетать кого угодно. Хотя некоторых может и смущать его некоторый пафосный и назидательный тон. Впрочем, нельзя не отметить, что эта строгость и даже некоторая авторитарность, довольно часто резко контрастировала со «стопудовой демократией». Помню, в начале одной лекции по истории отечественной журналистики он спокойно сел на парту, поставил ноги на сиденье и невозмутимо начал говорить о постановке советской пропаганды в постреволюционный период. Тогда я сразу подумал, что вряд ли такое возможно на физическом или на философском факультете. Вот за что я люблю журфак! Радовало и то, что любую лекцию Стровского можно было всегда перевести в дискуссию на особенно волнующие аудиторию вопросы, которых тогда, после выборов губернатора, накопилось особенно много.

А вот лекции *Игоря Бродского* и *Леонида Кропотова* вспоминаются сейчас почему-то с особенной ностальгией. Возможно потому, что тогда, на первом и втором курсе, вся группа была еще в сборе. Еще никто никуда не переводился, не переехал и не прогуливал безбожно лекции. Все было необычно: столько новых друзей, столько новых знаний... Было то общение, те эмоции, которых сейчас, увы, не хватает.

Элина Владимировна Чепкина без всяких оговорок является настоящей жемчужиной кафедры стилистики. Думаю, с этим согласятся все мои однокурсники. Очень сомневаюсь, что без нее смогла бы нормально учить русский язык наша группа. Удивительного обаяния и мудрости женщина. О ее личностных качествах можно вообще говорить бесконечно. А можно просто вспомнить, как мы тепло отмечали первую защиту курсовых работ на кафедре русского языка. Не могу не сказать и о последней паре стилистики в конце 1997 года, на которую она принесла целый мешок конфет, чтобы просто поздравить нас с Новым годом...

Ирина Ильинична Грибушина, несмотря на некоторую свою строгость, тоже мгновенно завоевала наши симпатии. Ее изложения и диктанты вызывали у многих настоящий восторг. Было особенно приятно то, что тексты ко всем этим работам она отбирала какие-то особенные. Они были интересны сами по себе, по содержанию, даже без привязки к грамматике и орфографии. В них всегда была какая-то интрига, что выгодно отличало эти занятия

от того, что все мы привыкли делать в школе. Помню, наблюдал за сценой, когда Ирина Шимова признавалась Ирине Ильинишне, что ходит на ее изложения даже не столько из-за русского языка, сколько для того, чтобы «вообще знать, что же в мире-то делается, как же люди-то другие живут».

Пропуск «рекламны» лекции *Галины Щепиловой* тоже считался настоящим преступлением. Лично меня тогда, в середине третьего курса, ее магнетизм просто свел с ума. Было такое ощущение, что этот человек знает о рекламе абсолютно все. Что, наверное, не далеко от истины. Поэтому, помню, постоянно боялся пропустить что-то важное, ценное. Трудная задачка была, так как казалось, что важным и ценным является абсолютно все! И пары были слишком короткими...

Объединяло же всех этих людей в общем-то одно, но очень уникальное качество: на их лекциях никогда не было скучно. И самое главное — никогда не было душевного дискомфорта и страха перед преподавателем. После школы это как-то особенно чувствовалось. Ведь как нас учили в школе? Там нужно было выучить то, что «нужно» и рассказать в ответе именно так, как написано в учебнике. При этом, как правило, малейшие отступления от этих догм мгновенно пресекались. Подозреваю, что эти методы были составной частью нашей «образовательной программы». Мыслительный процесс не поощрялся. На журфаке все было как раз наоборот. Была свобода! Здесь был выбор, и изучали мы как раз то, что хотели. То есть формирование личности было не насильственным, а вполне естественным. Лично у меня такой переворот вылился в постоянную привычку мыслить именно свободно и так же свободно эти мысли высказывать, ни на кого не оглядываясь. Интересно, где-нибудь, кроме как на журфаке, этому еще учат?

Анна ПЛОТНИКОВА

ГДЕ ЭТА ЩЕПИЛОВА? И КАК ОНА ЖИВЁТ?

Одним из моих любимых преподавателей была Галина Германовна Щепилова. Ее лекции почти невозможно было записывать, да, собственно, и не нужно, они запоминались сами собой, поскольку содержали множеством забавнейших примеров и случаев из жизни. Лекции она читала, сидя на парте и закинув ногу на ногу. Она говорила на понятном для нас языке, не загружая несчастные студенческие головы чересчур умными словами и выражениями. Может быть, поэтому я до сих пор помню, кто такие Сиберт, Питерсон и Шрамм, а также Маршалл Макклуюн. А ведь очень многое из того, что рассказывали другие преподаватели, давно уже выветрилось из моей памяти. Лекции Галины Германовны были «живыми», поскольку в них была не только сухая теория из умных книг, но и ее собственная практика, и опыт работы в рекламной сфере, и красочные рассказы о поездках зарубеж. Она показывала нам рекламные ролики, признанные лучшими на международных фестивалях. И вместе с нами смеялась и восхищалась ими. Она люби-

ла, когда ей задавали вопросы, всегда с удовольствием отвечала на них.

Сдавать Щепиловой зачеты и экзамены было одно удовольствие. Ее никто никогда не боялся. Однажды на зачете по рекламе она обратилась ко мне и трем моим подругам, готовящимся к ответу: «Вы все знаете?» Конечно, мы сказали, что знаем. «Ну, тогда давайте зачетки!»

Она курила на экзамене, она рассказывала анекдоты, она пила пиво со студентами, она запросто могла поставить зачет просто так, за день рождения. Она могла спрашивать строго, но не могла «заваливать», не могла быть несправедливой. Зная все это, мы старательно готовились к зачетам и экзаменам, к ее предметам не относились как к чему-то несерьезному.

Она уехала в Москву. На последнем Дне Первокурсника наш курс посвятил ей песню: «Где эта Щепилова и как она живет, кому теперь рекламу и PR преподает...» Жаль, что она этого не слышала. Факультет журналистики потерял одного из лучших преподавателей. Я искренне сочувствую грядущим поколениям студентов-журналистов, они не узнают, как трудно курильщикам в Америке, каково русскому общаться с немцами... Где-то там, в Москве, она рассказывает это другим студентам...

Анастасия РОВНУШКИНА

САМЫЙ ПРАКТИЧНЫЙ ПРЕПОД

«Галя? А кто такая Галя?..»
из песенного творчества
сокурсников

О ней, наверное, будут писать многие. Не мудрено. По словам самой Галины Германовны, наша к ней любовь была взаимной. Преподаватель всегда нежно и трепетно относилась к нам, и вообще признавала, что такого дружного и талантливого курса в стенах журфака давно уже не было. Да к тому же — после нас о Щепиловой уже вряд ли кто напишет.

Воистину, поток наш, по несколько неприличному, но очень точному выражению Лиды Митюшкиной, «кончало всех кончал». В колхозы после нас посылать не стали, пьяницу-фотографа уволили, неумно жесткого философа Бурцева после нас с нашей же помощью сняли, но это ладно, может, даже и хорошо. А вот насчет Щепиловой — это, конечно, плохо.

Пожалуй, главная причина ее популярности среди студентов — умение относиться к ним, то бишь к нам, как коллегам. Многие преподаватели называют нас «коллегами», но просто назвать — это еще ничего не значит. Галина Германовна по праву считала нас «соучастниками» того, что происходит в журналистике. Поэтому именно с ней можно было вступить во вполне полноценный диалог, где каждая из сторон с интересом выслушивает мнение другой, а не пытается подавить собеседника интеллектом и содержанием собственного тезауруса.

Причем, в интеллекте и объемистом тезаурусе Галины Германовны Щепиловой никто не сомневался. И, что наиболее ценно, ее теоретические знания замечательным образом были подкреплены практическим наработками. Я вообще считаю ее самым «практичным» преподавателем журфака. И этот самый практический опыт был у нее не устарелый, а самый что ни на есть свежий и новый. Поэтому ее советы и мысли (особенно по поводу рекламы), расценивались нами как руководство к действию.

Ее лекции и семинары были чрезвычайно интересны. Об этом говорит хотя бы тот факт, что на спецкурсы к Галине Германовне записывалось много народу. И вовсе не из-за того, что она слывет своей демократичностью и мягкостью в периоды зачетной недели. Просто то, что она рассказывала, мы себе представляли очень живо, благодаря многочисленным примерам из ее (см. предыдущий абзац) практики. В итоге ее рассказ получался очень личностным. И, думаю, многие мои сокурсники помнят, как усевшись на переднюю парту, она жаловалась нам на собственную доброту и безотказность, на то, что стареет и это чувствует. Даже сама манера ее речи, нарочито простоватая, приближала нас, глупых, к ней, умной.

Впрочем, чего нам расстраиваться? Наверное, радоваться надо за нашего преподавателя, которая, видимо, вышла на иной уровень. У Галины Германовны, быть может, жизнь в очередной раз только начинается. Правда, жаль, что уже без нас.

Анна САПЕГИНА

ДЕВИЧЬЯ РАДОСТЬ

Уже курсе на втором мы, студенты-журналисты, поняли, что с других факультетов к нам обычно присылают сплошных чудиков. Например, трудно представить себе, что чудачка-Слесарева, преподающая основы экономики, будет развлекать каких-нибудь математиков так, как развлекает нас. И разве серьезные студентки-культурологи когда-нибудь смогут увлечься господином Зашихиным? Каких только странных личностей нам не засылали! И когда на третьем курсе преподавать зарубежную литературу пришел странный, небритый и слегка растрепанный мужчина в мешковатом пиджаке, все дружно подумали: «Ну, вот, еще один...»

А потом началось что-то невероятное. Он закрыл за собой дверь и больше никого не пустил. Все попытки разговаривать на своей лекции он решительно пресек раз и навсегда. Так началась Великая Любовь, местами переходящая в обожание. Правда, в основном, со стороны студенток второй группы. Потому что непунктуальные, невежливые юноши на его взаимность рассчитывать не могли.

Не очень это корректно, говорить о физических недостатках человека. Но хочется. Алексей Вячеславович Маркин немного косит на один глаз. Что придает его взгляду пронизательность. И кажется, что он смотрит именно

на тебя. В этом и есть отчасти секрет его успеха у женской части аудитории. А его лекции! О, Боже! Какое красноречие! А оригинальность! Но самое главное — он замечательно принимал экзамен. Спокойно, корректно, даже помогал иногда (тем, кто ходил на лекции). Целый год мы с обожанием глядели на «душку» Алексея Вячеславовича. А по окончании курса зарубежной литературы записались к нему же на спецкурс.

Анастасия СИЛАНТЬЕВА

ТЕ, КТО МЕНЯ УЧИЛ...

Все преподаватели ко мне сразу почему-то относились очень хорошо (видимо, физиономия у меня такая, к которой иначе просто невозможно относиться). Особенно было приятно, когда, например, Владимир Федорович Зыков что-то спрашивал у меня про радио. А я так терялась. Неудобно как-то знать больше своего учителя. Больше его я, конечно, не знала (и вряд ли в ближайшее время узнаю), но все равно, жутко приятно.

На лекциях некоторых преподавателей я получала не только полезную информацию, но заряд бодрости и хорошего настроения на всю неделю вперед. Как не подзарядиться от высказывания Л.А. Кротова: «Я вас изнасилую в кавычках». А господин Дмитрий Стровский в этом отношении был вообще моим самым любимым преподавателем. Его «афоризмы» можно записывать (чем я, собственно говоря, регулярно на лекциях и занималась), затем выпустить сборник и продавать. (Дарю идею последующим поколениям). Например: «Журналистика в то время выходила миллионными тиражами», «Я не против плюрализма, я тремя, семью руками «за», «Я по себе ловлю эти изменения», «В наш адрес ведь телефонные трубки бросают», «Посмотрите закон о рекламе 1993 года. Что вы там увидите? Тыр-пыр, восемь дыр в десяти строчках!», «Отношения после себя надо оставлять чистыми» (первая заповедь PR)... Ой, меня понесло... Зато, как Дмитрий Леонидович играл на пианино! А как он при этом пел! Это что-то!!! Стоило ему объявить, что следующая лекция будет с музыкальным сопровождением, на нее приходили почти все.

Бром Бромович (он же Латуний Аргонович, Хризолит Аметистович и вся таблица Менделеева) — на самом деле Вольфрам Александрович Панпурин своим супер-спокойствием в голосе способствовал здоровому сну, во всяком случае, на 1 час 20 минут. А те, кто не мог заснуть, до сих пор высоко оценивают способность этого человека приводить длинный-предлинный ряд синонимичных прилагательных. А вот на парах Зашихина заснуть было совершенно невозможно. Во-первых (чего уж греха таить), уроки были интересные. Во-вторых, глаз постоянно раздражался огненно-рыжей шевелюрой и любовался длинными ногами в кожаных штанах.

Галина Германовна Щепилова — тоже из разряда тех, кто мертвого из могилы поднимет своими историями: «Я не могу сказать «нет», вплоть до

того, что каждый раз, когда зовут замуж, всегда отвечаю «да». Жалко, что она сейчас в Москве. В общем, я эти пять лет не скучала, прошла лабораторию здорового сна и нездоровой гордости. Если честно, то поучилась бы еще. Только не с первого курса. Наверное, пора обдумывать планы поступления в аспирантуру.

Елена СИРИНА

ВЫ НЕИСПРАВИМЫ!!!

За пять лет мне несколько раз хотелось уйти. Обычно это случалось после разговора с Ириной Ильиничной. В школе по русскому я имела твердую четверку. У Ирины Ильиничны стабильный «неуд». Это сейчас понимаю, что судьба просто предоставила мне возможность почаще общаться с этой милой женщиной, а тогда мне казалось, что это наваждение. Сначала Ирина Ильинична писала целые письма красной пастой (порой гневные!!!). Потом просто: «Вы неисправимы! Оценка после объяснения...» Больше всего я боялась текстов Гайто Газданова. Узнав об этом, Ирина Ильинична поменяла его на другого автора, к сожалению, я не присутствовала на паре. Дошло до того, что я засомневалась в написании отчества Ирины Ильиничны. Решила проверить и потом дописать. Когда получила работу обратно, было написано «Ирина Ил», остальное было дописано красной пастой «ьинична». Однажды, я получила «отлично», правда, за работу над ошибками. И все же эти минуты искреннего счастья не забуду. Я не верила своим глазам, это был нонсенс. Никогда я так не радовалась хорошей оценке (первой и последней). Да, никто не мог так заслуженно похвалить и так интеллигентно отругать, как Ирина Ильинична. Спасибо вам за все! И простите, пожалуйста, Ирина Ильинична, мою ужасную безграмотность.

Ирина СМОЛЯНАЯ

ДВА «ЛЮБЛЮ» И ОДНО «ЖАЛЕЮ»...

На журфаке есть два преподавателя, с которыми мне было интересно работать — Леонид Алексеевич Кропотов и Роза Михайловна Буркутбаева. Первый был руководителем моей практики с 1-го по 4-й курс, вторая — на пятом курсе. И Кропотов, и Буркутбаева традиционно славятся своей строгостью. Но именно с этими преподавателями мне бы не хотелось терять контакт.

Леонид Алексеевич, как известно, любит журналистские эксперименты и расследования. Каждый раз он придумывал нам такие темы, что мы, как в песне у Высоцкого, «плакали навзрыд». Впрочем, лично я всегда любила трудности.

Я люблю Кропотова за прямоту и принципиальность (хотя для студента эти качества не очень удобны), за энергичность, упрямство и душевную мо-

лодость. Наверное, он в чем-то романтик, и за это обаяние романтичности студенты прощают ему многое.

Задушевные беседы с непременными сладостями и чаем — это защита курсовой у Розы Михайловны. Буркутбаева — очень деликатная и утонченная. Любого рода «желтуха» ей претит. Она всегда умеет повернуть тему так, что ты открываешь для себя что-то неожиданное, новое. Мне кажется, самая большая мечта Розы Михайловны — видеть вокруг себя только воспитанных, интеллигентных студентов. Ей очень обидно, когда это оказывается не так.

И Кропотов, и Буркутбаева похожи своим равнодушием к студентам. А это не забывается.

Обычно не вспоминают о скучных преподавателях, но мне один запал в душу. Это преподаватель философии Бурцев. Он «строил» нас, как солдат. К тому же читал скучно. Мы и написали на него «телегу» в деканат — мол, просим снять за непрофессионализм. Его уволили.

А на экзамене, кстати, он специально никого не заваливал.

Алексей СУРОВ

ЧЕЛОВЕК–НЕВИДИМКА

Смело могу сказать, что без Шеварова обучение на факультете журналистики было бы неполноценным. Университет изобилует прекрасными преподавателями, обладающими массой знаний, но лишь Шеваров учит как эти знания применять. Среди огромного количества Колдунов Теории, он едва ли не единственный Маг Практики. Причем, техника его искусства зачастую непонятна даже коллегам по факультету. Тем не менее, результативность его деятельности очевидна для всех.

Помню, как однажды он заявился на лекцию с книжкой какого-то поэта в руках. Дело было восьмого марта.

— Только что купил! — похвастался он нам.

Затем стал спрашивать у девушек номера страниц и с выражением зачитывать им стихотворные прогнозы и пожелания по своей магической книге...

Шеваров — личность неординарная. Как-то после пары, он сагитировал меня и Евгению Сторожеву-Ашбель пойти на премьеру спектакля в Учебный Театр. Добравшись до перекрестка Либкнехта-Первомайская, мы с Женей привычно рванули на красный свет.

— Что это такое? — возмутился Геннадий Николаевич, — что за дурной пример! Мы же интеллигенция!

Ладно, минуту стоим, две, три — машин нет. Шеваров плюнул и показал «дурной пример»...

Как-то Антоша Ложкин побрился налысо и пришел в Университет.

— Что это? Смена имиджа? — заинтересовался Геннадий Николаевич.

— «Кошу» под любимого преподавателя! — не растерялся Ложкин.

Шеваров остался очень доволен...

Хитрость Геннадия Николаевича тоже общеизвестна. Однажды я очень сильно «запутался» в сроках сдачи практики. Разобрался только тогда, когда должно было состояться заседание кафедры. Я нашел Шеварова и стал доказывать, что практика моя готова, и сдать я могу её в любое время и т. д.

— Ничего не могу сделать, — говорит Шеваров, — впрочем, ты какой курс?

— Пятый, — говорю.

— Практика пятого курса будет рассматриваться только через неделю. Так как насчет завтра, в девять утра?

Пришлось всю ночь писать отчет...

Таких случаев было немало. Еще Шеваров славится тем, что его очень трудно найти. А в период сессий он вообще становится прозрачным. Зная за собой эту слабость, Геннадий Николаевич всем студентам дает свой номер телефона и, таким образом, большую массу работы берет на дом.

Словом, творческий метод Геннадия Николаевича еще слабо изучен, но эффективность его высока и общепризнана.



Ольга ТЁТКИНА

МОЙ ДУХОВНЫЙ НАСТАВНИК

Я хочу написать о заведующем «Маркетинг, менеджмент и реклама в СМИ» Владимире Федоровиче Олешко, а также о его заместителе — неподражаемой Людмиле Семеновне.

Что мне всегда нравилось во Владимире Федоровиче — это его коммуникабельность. С ним всегда было очень легко общаться. Даже, скажем, сидя на лекции по предмету «Социожурналистика», который очень интересно и увлекательно преподавал наш заведующий, я слушала его не отрываясь. И мне все казалось понятным и ясным. Но стоило лекции закончиться, как я ловила себя на мысли: так о чем же говорил Владимир Федорович? И это случалось не единожды. «Может, это я такая тупая и плохообучаемая», — выдвинула предположение сама для себя. Но, пообщавшись со своими высокоразвитыми однокурсниками, я успокоилась — у них все было так же, как и у меня.

Владимир Федорович Олешко — человек обаятельный и доброжелательный. Приходя к нему в кабинет отделения «ММР», я всегда была встречае-

ма улыбкой. Скажет напоследок что-нибудь ободряющее, от чего сразу захочется жить и учиться дальше.

Людмила Семеновна тоже очень внимательный к другим человек. Как приятно, встречаясь с ней каждое утро, на свое: «Здравствуйте, Людмила Семеновна!» — услышать неизменное, бодрое: «С добрым утром, ребята». Ей простительна некоторая рассеянность, и когда она часто спрашивает: «Ребята, а когда у вас кончается пара?» — ничуть уже не удивляясь, отвечаешь на этот вопрос.

Вообще, эта пара администраторов коммерческого отделения очень органична, они оба дополняют друг друга. Такими я их и запомню: интересными и жизнелюбивыми людьми.

Екатерина ТИМОШЕНКО

НА РАССТОЯНИИ КРЫЛА

Я расскажу вам о преподавателе. Вряд ли его помнят мои однокурсники. Семестре, кажется, в третьем, он вел семинары по литературе. В ведомости значилось: Зырянов О.В.

Его торопливая походка, сутулость и вечносъезжающие на кончик носа очки рисовали прямо-таки карикатурного учителя. Знаете, этаким типичный вневременной лектор, будущий кандидат своих обожаемых наук, будущий профессор, так далее, тому подобное... В общем, он был почти невидимка.

Чудеса начинались за закрытой дверью аудитории. О.В. говорил о Пушкине. Спина его становилась прямой, руки взлетали, и... он будто бы даже отрывался от пола. Он становился похож на Александра Сергеевича, юного, пылкого, похож на творца, на птицу. О.В. читал стихи, студенты таили дыхание. А мне было жаль расставаться с волшебством этих чтений через пять утвержденных семинаров.

И после я слушала лекции вместе с филологами, потом с культурологами, постигала новую для себя литературу. Действительно новую, ведь Его Пушкин — это несравненно больше, чем школьный Пушкин, состоящий из навязанных шаблонов. Навязанных до той степени, что близкой моему сердцу тогда успела стать исключительно внепрограммная и исключительно европейская литература.

Я слушала О.В. год. Здоровалась в коридорах, мельком замечала в театральной толпе. Я так и не общалась с ним — О.В. остался мифом.

Я представляла его жизнь: талантливый человек среди иных ценителей стройных строк, людей, коим в полной мере доступно очарование текста. Не могу считать себя одной из них, даже близкой к ним. Я была и остаюсь созерцателем, случайно коснувшимся чудного мира, для которого я слишком непостоянна.

В ДЕБРЯХ ИНТЕГРАЛОВ

Чего уж греха таить, преподаватели у нас были всякие: дотошные и всепрощающие, нудные и веселые. Те, от которых хотелось бежать, завидя в конце коридора, и такие, с которыми мы с удовольствием оставались поболтать после лекции. Но в целом нельзя сказать, что нам не повезло с учителями журналистики. Однако, был у нас один преподаватель, которому уж точно и без всякого сомнения крупно не повезло с факультетом. К нам его отправили читать абсолютно чуждый журналистской натуре курс. Вы уже догадались, что речь идет о Горшкове с матмеха.

Если кто-то помнит, на первом курсе он учил нас работать на компьютере. За весь семестр мы должны были выучить несколько простых операций с файлами. Не сложно представить, в каком состоянии находился математик, все объяснения которого натывались на десятки непонимающих глаз.

Однако, если это испытание он прошел более — менее успешно, то преподавание нам на четвертом курсе высшей математики обернулось в настоящую трагикомедию. Я уверена, он никогда еще не видел таких безнадежно тупых студентов. Мы были непрошибаемо, непролазно дремучи, вслепую плутая по непроходимому бурелому интегралов и логарифмов.

Горшков носился вдоль доски, размахивая руками, которые всякий раз опускались при виде той отрешенной безысходности, читавшейся в глазах каждого из нас. Наверное, мы напоминали ему ягнят, осознающих, что их ведут на заклание. И заклание не заставило себя ждать. Даже обложившись учебниками по математике, открыв конспекты и заучив тригонометрические тождества, мы были не в состоянии решить пример в одно действие. Нам вспоминались кошмары из школьных уроков по алгебре, а ему, наверное, светлые дни, прошедшие в неведении, что есть на свете факультет журналистики.

В конце концов, мы отлучались в «туалет» и неслись на матмех, где нам за пару секунд, тараща на нас глаза и спрашивая: «Откуда вы такие?» — обалдевшие математики решали примеры. И я думаю, что некоторые из них, став преподавателями, ни за что не пойдут преподавать математику на факультет журналистики.

Максим ШИШКИН

«КРЁСТНЫЙ ОТЕЦ»

*«Издание некоторых газет, журналов
и даже книг может приносить выгоду».*

К. Прутков «Плоды раздумья».

Тот, о ком я пишу, все эти пять лет неустанно следил за моими потугами в области журналистики и газетного дизайна, и своим постоянным присутствием заслуживает не только сих скромных строк, но и моего глубокого уважения и признательности.



Главным героем моего повествования, как вы уже догадались, является преподаватель Леонид Михайлович Макушин. В университете он значит очень много для очень многих людей (в основном — студентов, и это вполне оправданно), а для своих многочисленных абитуриентов — братия же у нас немалая — был, в сущности, всем на свете. Для нас же — тех, кто, начиная со второго курса журфака работал под его руководством над дипломом, — он и советчик, и штурман, и наша портативная совесть, и — главное — учитель, а так как молчаливостью Леонид Михайлович никогда не отличался, то научить он за эти годы смог нас многому. И его увлекательные рассказы, его лекции нравились, во всяком случае, большинству из нас, с первого до последнего слова...

К сожалению, я мало знаю Леонида Михайловича с житейской точки зрения, поэтому могу говорить лишь о преподавательской — той, с которой мы все его знаем, ибо встречаемся с ним на четвертом этаже главного учебного корпуса УрГУ очень часто. Леонид Михайлович долго и плодотворно работает в среде студентов-журналистов, и это не кабинетный теоретик, а практик, бывший ответственный секретарь и редактор 11 газет, со своим собственным грузом нажитого опыта (а начал Леонид Михайлович работать в газете, когда ему еще не было 18 лет). *«Надо пропитаться журналистикой сверху до низу»*, — говорит он. Результатом этой работы необходимо зачесть замечательный и полезный курс «техника газеты» (после которого, кстати, половина нашей группы «печатников» ударилась в газетный дизайн). Параллельно Леонид Михайлович ведет собственные исследования в области истории отечественной журналистики, логическим результатом которых явилась кандидатская диссертация на тему «Власть и пресса: политика российского правительства в области печати в период реформ 60-х годов XIX века», защиту которой мы все ждали с нетерпением. Теперь он работает над докторской.

Будучи специалистом в издательском деле, он организует редакцию и выпуск учебников для студентов, а кроме того — журнала уральских журналистов «Факс», тщательно подобранные материалы которого также считаются учебными пособиями и используются не только при поступлении и во время учебы, но и на выпускном экзамене.

В Леониде Михайловиче ярко проявляется отсутствующая ранее у кого-либо из преподавателей на журфаке коммерческая жилка. Вместе с деканом Борисом Николаевичем Лозовским он создал Межрегиональный общественный фонд «Выпускники и друзья журфака УрГУ». Как директор фонда

он усиленно поддерживает контакты с редакциями и выпускниками журфака, что позволяет выпускать на привлекаемые таким образом средства новые учебники для факультета. Леонид Михайлович явился инициатором и организатором платных подготовительных курсов для абитуриентов.

Все это — те факты, которые совместно с добротой, пониманием и отзывчивостью Леонида Михайловича делают его не только замечательным педагогом, многогранной личностью, но и «крестным отцом» факультета журналистики УрГУ.

Николай ЯБЛОНСКИЙ

ПРЕКРАСНЫЕ БОРОДАЧИ

Евгений Степанович Зашихин начал преподавать у нас русскую литературу на 3 курсе. Он запомнился мне шикарнейшей рыжей бородой, исполинским ростом и громким зычным голосом. Почти на каждом занятии Евгений Степанович пропагандировал роман Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота». Ударение в слове «пустота» непременно ставилось им на второй слог, что придавало роману особую концептуальную ценность. До сих пор я употреблял это слово исключительно с ударением на последний слог. Зашихин часто рассказывал нам случаи из собственной жизни, хвастался коллекцией книг о Павлике Морозове. Прощаясь с нами, он, бывало, говаривал: «Сейчас пойду на охоту и кого-нибудь убью». Когда он просвещал наш курс историями о русских писателях, возникало подозрение, что со всеми ними он, вероятно, был очень близко знаком. И с большинством из них держался на равных. Исключения составляли писатели монументального масштаба (Горький, Бажов). О них Зашихин говорил подобострастно. Сейчас мне очень приятно встречать в университете этого большого человека и жать его огромную ладонь.

Дмитрий Леонидович Стровский начал преподавать нам историю отечественной журналистики ровно через год после появления Зашихина. От Евгения Степановича его отличало то, что цвет волос и бороды был не рыжим, а черным. Рост и голос были подобны. На меня и моих товарищей огромное впечатление произвели педагогические новаторства Дмитрия Леонидовича. Иногда он устраивал особые занятия в актовом зале, где, аккомпанируя себе на пианино, пел советские песни — чтобы мы прочувствовали эпоху. Я, боясь пропустить особое занятие, ходил на все лекции отечественной журналистики. Когда этот предмет был сдан, я долго не мог смириться с мыслью, что больше к нему не прикоснусь. С горя приобрел книгу Дмитрия Стровского «История отечественной журналистики новейшего периода». Теперь она лежит у меня на столе на видном месте. Когда мне грустно, я открываю ее и забываюсь. Ведь не даром ее писал магистр искусств Уэльского университета.

Глава III

С ПРОЧИХ СТОРОН

*«Друзья мои!
Идите твердыми шагами по
стезе, ведущей в храм согласия, а
встречаемые на пути препоны
преодолевайте с мужественною
кротостью льва».*

**К. Прутков «Плоды
раздумья», не включавшиеся
в собрание сочинений
Козьмы Пруткова.**



САМАЯ ГЛАВНАЯ АВАНТЮРА

Милая девочка Тоня Лямцева. Вечный ребенок в фиолетовых штанишках. Если спросить у однокурсников, чем Тоня запомнилась им, все, как один, ответят: «Фразой: «А давайте поиграем!» Я всегда поражалась ее неунывающему при любых обстоятельствах оптимизму. Она всегда была готова на эксперимент. Тексты, написанные ею на Дни первокурсника, заставляли загибаться от хохота не один десяток студентов и преподавателей. Ей было свойственно стремление к авантюрам, причем в авантюрах этих она находила непонятную мне, закоренелому цинику, романтику. Как-то она звала меня поехать вожатой в лагерь отдыха вместо прохождения практики, убеждая, что это гораздо важнее, полезнее и веселее, чем работа. Она заражала своей жизнерадостностью. Она была...

Почему, собственно, была? Она и сейчас, скорее всего, как прежде радуется жизни, как прежде превращает в праздник каждый будний день, который проживает. Просто Тоня совершила, пожалуй, самую отчаянную и, возможно, самую романтическую авантюру в своей жизни.

На первой лекции при оглашении списка присутствующих и причин отсутствия кто-то объяснил: «Лямцевой нет. Она в академе. Ушла в декретный отпуск». Немой сцене, последовавшей за этим, позавидовал бы любой режиссер «Ревизора». Лекция уже никого не интересовала. Полкурса ждала еремены, чтобы выяснить подробности неожиданной новости. Подробностей было немного, но они вызвали еще более глубокий шок: Тоня рожает же через пару месяцев.

Теперь мне смешно: мы почему-то могли ожидать это от кого угодно, только не от Тони.

У нее родилась дочка. Я думаю, что все будет замечательно, и лет через восемнадцать уже эта девочка будет заражать окружающих своим весельем и жизнерадостностью, будет писать стихи и позовет какую-то их своих одруг в лагерь отдыха вместо практики.

Оксана АРТЕМЬЕВА

ПОДРУГА МОЕЙ МОЛОДОСТИ

На журфаке мне удалось найти лишь одну подругу. Наверное, кто-то меня судит или не поймет. Я же безумно счастлива, что встретила с этой девушкой. Мы познакомились на первом курсе. Шли на физкультуру и обе забудились. Стали открывать подряд все двери: она в одном конце коридора, — в другом. Наконец, точка пересечения в виде очередной двери оказалась найдена. Знакомства в молодости совершаются очень быстро. С годами, как это ни банально звучит, я начинаю понимать, что мне уже не хочется

знакомиться с человеком настолько близко, чтобы допустить его в свою жизнь. Меня больше устраивает дистанция. Пять лет назад подобные мысли были абсурдны. С Женькой мы быстро нашли общий язык. Потом сдружились.

Сейчас Женя — один из очень немногих людей, которые понимают меня с полуслова, человек, с которым я могу поделиться не только проблемами, но и радостью. Она никогда не станет давать советов. Просто выслушает.

Женька училась в третьей, коммерческой, группе. Университет она закончила на год раньше меня, поскольку училась не 5 лет, а 4 года. В нынешнем году, в конце февраля у нее свадьба. Я приглашена. Естественно, как подруга невесты.

Пожалуй, вот собственно и все о друзьях-товарищах. В группе уже со второго курса мы стали коллегами. Безусловно, так называемое студенческое братство и взаимовыручка случались. По мере необходимости. Когда возникала потребность. Потребность, как правило, возникала в период сессии — узнать, когда экзамен, какие книги читать, наконец, как называется сдаваемый предмет. Время меняется. Мы живем уже в новом тысячелетии. Потребительское отношение распространилось на все сферы жизни, в том числе и на человеческие взаимоотношения. От этого никуда не деться. Университет стал для нас той же работой — заходим только по необходимости. Живем в постоянном цейтноте.

Но несмотря ни на что, где бы я ни оказалась, куда бы ни забросила меня судьба, я всегда буду с теплотой вспоминать наш курс. Курс 2000. «Легендарный курс», — так называли нас многие преподаватели. Пусть мы не очень дружили, всех нас роднит Университет. Уверена, пройдут годы и, если встречу однокурсника, мы непременно отпразднуем встречу. Нам всегда будет что вспомнить.



Алла БЕЛОБОРОВА

ПОДРУГА ДНЕЙ МОИХ СУРОВЫХ

Вспоминая, как мы познакомились с Ольгой Лялиной, мне кажется, что это было очень-очень давно. С той поры мы прошли с ней длинный путь, совершая похожие ошибки, радуясь одинаковым ве-

щам. И это естественно, ведь тем, кто приехал учиться в Екатеринбург изда- лека, близкие подруги заменяют семью. И я не зря пишу «длинный путь», потому что мы приехали учиться в университет беззаботными девчонками, только что окончившими школу, а заканчиваем, как принято говорить, дипломированными специалистами, уже семейными людьми.

Познакомились мы на подготовительных курсах при университете. Мы обе поступили и дружим вот уже шесть лет (шесть, потому что Ольга также, как и я, уходила в академический отпуск). За эти годы мы стали очень похожи внешне, совсем недавно одна преподавательница, посмотрев на нас, сказала: «Вы не сестренки? Я вас раньше все время путала...»

Когда мы начали учиться на первом курсе, у нас сложилась дружная компания: я, Ольга Лялина, Лариса Дунаева, Наташа Григорьева, Наташа Ляхова. Так получилось, что до конца пятого курса успешно доучилась лишь Наташа Григорьева. Лариса сейчас учится на 5 курсе заочного отделения, Наташа Ляхова бросила университет. Ольга Лялина тоже оставила нашу дружную компанию, ушла в академический отпуск, во время него успела один месяц проучиться в Пермском университете на только что созданном факультете журналистики. В итоге она вернулась к нам, только стала учиться в группе курсом младше, а через год в этой же группе оказалась и я. Вот поэтому я и пишу это эссе про нее, среди наших нынешних однокурсников она — наиболее близкий мне человек.

Поражаюсь Ольгиному умению сдавать все экзамены и зачеты без основательной подготовки. У нее это получается настолько легко и просто, что иногда ей даже завидуешь. Она, наверное, единственная студентка, которая за все пять лет ни разу не посетила читальный зал нашей библиотеки. Но еще не все потеряно! Быть может, диплом усадит Ольгу за стол в читальном зале? Хотя, сомневаюсь...

От своих подруг и друзей мы всегда перенимаем какие-то черты характера, привычки. У Ольги есть такая особенность — она как-то по-философски просто относится к жизни, воспринимает все трудности и неудачи с юмором. Вообще, у нее исключительное чувство юмора, с этим человеком не загрустишь! Пообщавшись с ней, и на свои неудачи и проблемы смотришь по-иному. Сейчас Ольга живет в общежитии Академии путей сообщения, в ее маленькой комнатке постоянно толпится народ: один зашел поговорить, другой — попросить соли, да так и остался, увлекшись общим разговором. Во время праздников, застолий (а они бывают у студентов довольно-таки часто) Ольга всегда душа компании, с ней не заскучаешь.

За шесть лет нашего знакомства многое менялось, но Ольгу я всегда помню веселой, немного бесшабашной девчонкой. Надежной подругой ее можно назвать без всяких оговорок, это качество не раз было испытано шестилетней дружбой. Если бы меня попросили вспомнить самый яркий запоминающийся эпизод, связанный с Ольгой, то я бы задумалась, потому что все общение с ней — это фейерверк эмоций и неожиданностей: наши прогулки по ночному Екатеринбургу, впечатления после первых свиданий, сумасшедшие вечеринки. Сейчас все стало намного спокойнее. Мы дружим семьями. Близится окончание университета, скоро нам придется расстаться, потому что Ольга с мужем уедут в родной город, но я думаю, что настоящей дружбе расстояние не помеха.



Людмила БЕЛОУСОВА

«НЕ ЗОВИТЕ МЕНЯ КСЮШЕЙ...

...Терпеть не могу это имя!» — были ее первые слова, когда мы курсом знакомились друг с другом. Тогда, в начале сентября 95-го, в одной аудитории собралась не просто абитура, а люди, которым предстояло пройти вместе весь этот сложный и длинный путь — обучение на факультете журналистики. Все мы — победители, награжденные одним ценным призом — котом в мешке (кто знает, что там впереди?).

Мы уже, вроде бы, все вместе, но каждый еще немного по отдельности. Нам предстоит процедура знакомства: надо назвать себя и коротко поведать, что ты такое есть. Вроде бы все просто, однако, первым сделать это никто не решается. И вдруг на середину аудитории выпархивает Ксюха (хотя тогда она еще не была для нас Ксюхой), и говорит... А! Вот ее первые слова: «Ну, давайте знакомиться!» Кажется так или что-то в этом роде. В общем, начало было положено. Дальше все пошло как по маслу: «я Катя», «я Леша», «я Оксана. Можно Ксюша», «я Настя», «я Оксана, но люблю, когда меня называют Ксюшей», «я Саша», «Я Оксана-Ксюша». От невероятного обилия Оксан-Ксюш у меня стало тихонько троиться в глазах. Ксюха Избышева нанесла последний удар. «Я Оксана, — сказала она, — и терпеть не могу, когда меня называют Ксюшей».

Вот эту-то Оксану я запомнила сразу и надолго. Потом она стала для меня Ксюхой. А для нашего курса — главной заводилой. А для журфака, да и доброй половины всего универа, исполнительницей самых хитовых наших песен. А для декана — объектом явного обожания (одни «подсолнухи» чего стоят!). И субъектом постоянного вымогательства пива. А для нынешних первокурсников — прекрасным примером для подражания, коим, как я скромно надеюсь, мы все в какой-то мере являемся. А для журналистики — если пока не ГРОМКИМ ИМЕНЕМ, то ИМЕНЕМ точно (что также смело отнотушу ко многим из нас).

Так что, Ксюха, держай! Мы с тобой! Давай и дальше действовать по принципу «если все не съем, то понакусываю», ведь должно же когда-нибудь среди кислых и червивых попасться спелое, сочное яблоко!

УФОЛОГИЧЕСКИЙ ЛОВЕЛАС

Время бежит, а он остается все таким же!



С Максимом Шишкиным я познакомился в первые же дни нашей самой большой курсовой тусовки. Он заметно выделялся среди всех своим здоровым оптимизмом. Пиджак в серую клеточку, большой черный дипломат и теперь уже, наверное, надолго оставшаяся в памяти всех улыбка. Как!? Вы забыли ее!? ☺ А его смех, который мог разбудить спящего на лекции?

Он всегда мог ответ на любой вопрос, всегда знал, что нужно делать, и принимал решения без колебаний. Еще до поступления

на журфак Максим работал в газете «На смену!» в качестве внештатного корреспондента. После поступления в университет я не слышал о его сотрудничестве с этой газетой, но Максим точно работал в журнале «Уральский следопыт» редактором отдела фантастики. И даже имел свой собственный кабинет, где днем корпел над уфологическими трудами, а по вечерам принимал гостей из числа своих сокурсников. Там же создавалась наша первая газета «Голос народа», а в быту просто ГоН, редактором которой был все тот же Шишкин. Я думаю, что эту газету так же, как и саму редакцию журнала «Уральский следопыт» многие запомнили надолго. 10-20 листочков (таков был тираж ГоНа) шли на факультете буквально нарасхват.

А куда было деваться первокурсникам в праздники или, например, после официальной части Дня первокурсника? Конечно же, в редакцию к Шишкину! Где еще могла разместиться такая масса народа в приподнятом состоянии, да еще и на всю ночь? Где после «школы» можно было попить пивка с бутербродами, приготовленными заботливой мамой Максима? Отдувался потом за всех, конечно же, все тот же самый Шишкин.

Все тот же самый Шишкин больше всех на факультете любил, когда на него обращали внимание девушки (а они, уж поверьте, его вниманием не обделяли — на первом курсе Максим по опросам общественного мнения стал самым сексуальным мальчиком в группе). Он не только любил, когда девушки уделяли ему внимание, но и был самым большим... ловеласом на нашем курсе, по женской части поспорить с ним мог лишь Архипов, которому вследствие этого и некоторых других причин не повезло с учебой (сейчас он по-прежнему на 1 курсе). Кстати, есть в нашей группе очаровательная

девушка, по которой Максим до сих пор любит вздыхать часами, не теряя надежды на то, что когда-нибудь она ответит ему взаимностью!

В первые годы учебы в летнее время Максим ездил знакомиться с различными «черными дырами» нашей реальности, загадочными треугольниками и неопознанными летающими, ползающими и водоплавающими объектами, которые, однако, он мог наблюдать и во время учебного процесса, не отъезжая далеко, после очередной бутылочки пива. Не чурался Макс и пришельцев, и колдунов, и другой всякой разной нечистой силы. Но способности, к сожалению, у них так и не перенял.

На втором курсе (1996 год) Шишкину все же пришлось опуститься на землю — «черные дыры» в карманах и неопознанные летающие объекты дома заставили его это сделать. Максим нашел себе место в «Диалог-дизайне», а уже через несколько месяцев после начала учебного процесса 97-го года Шишкин не без гордости протягивал мне свою визитку, где черным по белому было написано: «Студия «Уральский институт дизайна» — Максим Юрьевич Шишкин — коммерческий директор». Бессменный и бесценный директор вот уже более двух лет на своем посту. Но с коммерцией у него, на мой взгляд, не совсем ладится.

Эх, Максим, не туда ты обратил стопы своих ног, не там раскинул своими мозгами. Но в любом случае, я надеюсь, что у тебя все будет отлично, все будет так, как ты строишь в своих планах! Не пропускай фортуны мимо!

Анна БОРЩЕВА

NETWORK NEIGHBORHOOD

В группе — легко. Добрые люди. Знаю, что случайно встретившись на улице, будем хохотать и обниматься. Благодаря девчонкам, работающим на соседних каналах, научилась уважать и ценить конкурентов. Слава богу, никто из одноклассников не пошел в теледизайн. 😊

Наташа Мошкина — (Обл Тв) занимается программой «Уральское времячко». Программа недавно в эфире, но уже нашла своего зрителя. Не без усилий репортеров, в том числе и Наташи. Мы познакомились на третьем курсе. Вместе сдавали сессии. Вместе праздновали их успешное окончание. Наташа — человек незлой и веселый. И еще у нее живет чудесный пес.

Саша Мартиросов — таинственная личность, «с массой скрытых достоинств». Он живет, как мне кажется, «насыщенной духовной жизнью», слушает странную музыку, Ободзинского, например...

Луи де Фюнес, Андрей Миронов — любимые актеры. Эльдар Рязанов — объект тихого поклонения.

Большой неожиданностью для меня стал его выбор героя для своей пилотной программы о кино — Лео ди Каприо. Тогда все его тетради были обклеены мордашками Лео. А на рабочем столе лежала целая кипа фотографий.

Саша приехал из Нижнего Тагила. Педант и умница, добавьте к этому приятный голос и, как однажды пошутила милая Ирина Ильинична Грибушина, «мохнатые глаза». Мне нравится, как он держится в кадре.

Единственное, что меня удивило: его новая программа называется «Прогулки по Тагилу»...

Таня Канахина — тоже из Тагила, деловая и трудолюбивая... почти как я.

Что мне в ней нравится, так это ее целеустремленность. Мы работаем вместе. Она на «Русском радио» «каждый час делает новости». Каждый день, два года подряд. Более влюбленного в свою работу человека не видела. Ей доставляет удовольствие готовить выпуски, она обожает работать в прямом эфире, вот... сидит и светится. И главное все это не превращается для нее в рутину. Молодец.

Катерина БРЫЛЁВА

ЭД

Я долго, года два, не могла запомнить его фамилию. Почему-то всегда называла его «Никульский». Меня поправляли «Никульников». На третьем курсе проблема исчезла — он стал просто «Эдом». У него странная походка: ходит большими шагами, пружиня ноги, и чуть наклонившись вперед, будто идет на таран. Он вообще странный человек.

Если пара смертельно скучная Эд редко досиживает до конца. Собирается и выходит посреди пары. Отправляется в библиотеку почитать Гете. И абсолютно непонятно зачем ему сейчас Гете.

Перед экзаменом вечно оказывается, что у него вообще нет конспектов. Он ходит на пары, но никогда ничего не записывает. Я предусмотрительно звоню ему:

— Ну, как ты?

— Никак.

— Так приходи ко мне.

Он всегда приносит крекеры к чаю. Эд — единственный из моих друзей, кто прячет в моем доме подарок ко Дню рождения: за любимой книгой, за «Идиотом» Достоевского. А перед зачетом по эстетике, в день рождения, небрежно так бросает:

— А ты вчера «Идиота» не листала?

Эд безумно любит красивых женщин. И при этом он хочет, чтоб они были еще и умными. Странный человек.

Эд — настоящий фанат Александра Новикова. Он не пропускает ни одного концерта, все песни знает наизусть. Часами может рассказывать о подвигах «Метра».

Помимо красивых женщин и Александра Новикова, у Эда есть еще одна страсть — Интернет. Он может бежать на работу к восьми утра только для того, чтобы «покопаться» в Интернете. Думаю, если бы однажды Интернета

не стало, Эд бы умер.

Эд — самый иррациональный человек из всех, кого я знаю. Его действия невозможно ни просчитать, ни предугадать. Наверное, этим он и интересен.



Ольга ГАУМАН

ТОРМОЗА ПРИДУМАЛИ ТРУСЫ!

Если поискать в нашей группе самого шепутного и непоседливого человека, то, пожалуй, это будет Лида Митюшкина, Лидушка, как часто называют ее на работе.

Есть, по крайней мере, два образа Лиды, которые я знаю. Один выглядит примерно так: жесткий взгляд из под бровей, хлесткие фразы, категоричный тон. Это когда обсуждаются профессиональные темы, или просто идет спор о чем-то серьезном. Такой я вижу ее редко, потому как встречаемся мы с однокурсниками чаще в неформальной обстановке, а к серьезным темам это не особенно располагает.

Другая Лида — совершенно обаятельное, чуть хулиганистое создание. Сохранилась в ней этакая детская непосредственность. Когда она в компании, с ней всегда весело, потому как это просто кладезь всяких шуток, приколов, анекдотов, да и просто человек с большим чувством юмора.

Мне нравится в ней жажда к жизни. Чрезвычайная легкость на подъем. На первом курсе, помнится, она занималась каратэ. На физкультуре все любовались разбитыми Лидиными коленками, а также мастерскими приемами, которые отрабатывались на худосочных однокурсниках. Это было столь разительно, что все пытались повторять отточенные движения, но выходило, конечно, коряво. Теперь она обладательница синего пояса.

Не так давно Митюшкина обзавелась фортепиано, загоревшись желанием научиться играть. Причем в качестве учителей выбрала соседок сверху. Разговор (с ее слов) был кратким: «Вы мне столько лет нервы мотали, пока играть научились нормально». Дескать, отрабатывайте. В данный момент ее розовая мечта — получить права и купить «Ниву». Обучение проходит под лозунгом: «тормоза придумали трусы!». Так что кататься Лида будет с большим ветерком и тормозить исключительно о соседние авто (тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо).

Ужасная любительница острых ощущений. Одна из первых, кто рискнул прыгнуть с парашютом. Катается на горных лыжах, занимается скалолаза-

нием. Короче, любит всякий экстрим. С этим, видимо, связана и ее любовь к триллерам. Как ведущая рубрики «видеообзор», Лида совершенно шикарно разбирается в фильмах и пересмотрела их немыслимое количество. Как-то она делилась впечатлениями после просмотра «Куда приводят мечты». Там проходит совершенно четкая идея, что рай или ад будет таким, каким его человек представляет при жизни. Так вот у Митюшкиной ад выглядит так: совершенно темное замкнутое пространство, сплошь начиненное клоунами-злыднями с ножами и... кошки, чьи глаза зловеще светятся в темноте.

Книги — одна из слабостей Митюшкиной. Дом у нее ими просто завален. По-моему, очень равнодушна к мифологии. Зато как интересно общаться! Порой проскальзывают просто энциклопедические знания. В сессию опять же можно обходиться домашней библиотечкой.

Кстати, о сессии. При всех плюсах Митюшкиной, как студент — неблагодарна. Как, в общем-то, многие из нас. Ужасно любит отращивать хвосты и обрубать их в последний момент. Виджимо, есть в этом своеобразная прелесть. Зато чувство юмора ей не изменяет никогда, даже перед всемогущим экзаменатором. Последний инцидент: Преподаватель по философии А.С. Атманских, жаждущий поставить оценку, быстро листает Лидину зачетку. Нужная страница девственно чиста, хотя уже конец сессии. Атманских в замешательстве — куда ставить?

(Л) — Сюда-сюда пожалуйста... (смущенно) Вы у меня первый...

(А.) — А вы у меня нет... (Занавес.)

А сколько вечеринок вынесла Митюшкинская дача. За что Лиде хочется сказать огромное спасибо. Шашлычки, песни под гитару и все такое. Эх, есть что вспомнить...

Анастасия ГОРЧАКОВА

ПЕРВЫЙ СВОЙ ЗАЧЕТ Я СДАЛА БЛАГОДАРЯ ИНТУИЦИИ

Самое яркое воспоминание осталось у меня от первого экзамена в самую первую сессию.

Это был зачет по древнерусской литературе, который принимал Валентин Владимирович Блажес. Тогдашние пятикурсники, жившие в общежитии, уже предупредили нас с подругой Олей Дьяченко (в народе Леля), что обычно с журфака отчисляют либо за русский язык и стилистику, либо за физкультуру.

Знаниями по «древняге» мы с Лелей не блистали. Поэтому в ночь перед зачетом обложились учебниками и конспектами, сели в общежитии на кухне и принялись за учебу. Но как только мы начинали что-либо понимать, обязательно кто-нибудь приходил и мешал. Мы постоянно отвлекались, пили чай, а когда время было уже около 3-х часов ночи мы устали учиться и определенно ничего не могли запомнить из прочитанного.



Мимо проходил пятикурсник Леша Рагутский, посмотрел на наши учебники и тетрадки, рассказал, как долго его мучил Блажес, спрашивая тексты, как скрепя сердце поставил ему зачет. Тут нам с Лелей стало дурно, ведь текстов мы не читали и уже не успеем прочитать. Мы спросили Лешу, а из-за «древняги» нас могут отчислить? Добрый Леша Рагутский, посмотрев на нас поверх очков, твердо сказал «ДА».

На другой день, стоя перед аудиторией, я была в панике. Однруппники хоть и говорили, что ничего не знают, но это они так — скромничали. А мы с Лелей не знали по-честному. Но решили, что перед смертью не надышишься и лучше уж не лезть из кожи вон. Леля предложила открыть учебник на-

угад, и на какой теме откроется учебник, ту и выучить. Так и сделали. Я открыла страницу, где говорилось про «Слово о полку Игореве». Пока я читала, наступила моя очередь заходить в аудиторию. Когда я взяла билет, то чуть до потолка не подпрыгнула: мне досталось «Слово о полку Игореве», а второй вопрос «Школьный театр». Что делать? Про то, что существовал еще какой-то школьный театр я узнала только на зачете.

Села готовиться. Написала все про «Слово», а что же с театром. Мои соседи вокруг тоже не знали про такой театр. Ну, думаю, все — завалит. И тут, радостно помахивая зачеткой, от стола преподавателя отходит Вероника Дубровкина, а она тогда не относилась к студентам, которых принято называть отличниками. Я ей шепчу:

- Ты все знала?
- Вообще ничего не знала!
- А как сдала?
- Все списала с учебника.

Я пристроила учебник на спине Степы Борисова, который сидел передо мной. И начала списывать. Учебник мой был весь изодранный — такой выдали в библиотеке — и я долго искала школьный театр, потом все-таки нашла какой-то театр, но первое слово было ободрано. И всего в учебнике было два маленьких абзаца про него.

Подошла моя очередь отвечать. На первый вопрос я ответила «хорошо», как сказал хмуривший все время брови Блажес. Когда я начала рассказывать про школьный театр, он начал удивленно поднимать бровь, а потом совсем недоуменно спросил, о чем это я ему рассказываю. Я ответила, что про школьный театр и быстро затараторила дальше. Блажес улыбнулся, покачал головой, взял мою зачетку и стал в ней чего-то писать. Те два

абзаца, что удалось списать, заканчивались, и я разбавляла их собственными предположениями, выдавая их за знания. После очередного предположения Блажес написал «зачет», и сказал: «Хорошо, первый вопрос вы ответили, со вторым сначала путались, рассказывали мне про придворный театр, но потом видимо вспомнили их различия и рассказали про школьный».

Когда я вышла из аудитории, у меня был шок. Какой еще придворный театр? Взяла чей-то учебник, где не было выданных страниц, и поняла, что те два абзаца, которые я списала были про придворный театр, а все, что я «сбирала на ходу» — оказалось действительно про школьный театр.

Так вот получилось, что первый свой зачет я сдала благодаря интуиции.

Ирина ГРАДОБОВА

НЕИСПРАВИМЫЙ ОПТИМИСТ

Когда 1 сентября 1995 года декан вручил нам студенческие билеты и поздравил с приобщением к славной журфаковской семье, наша, тогда ещё 102 группа, отправилась знакомиться в 406 аудиторию. Каждый представлялся: кто, откуда, что умеет делать. Оказалось, что у нас много музыкантов (тех, кто играет на каком-нибудь инструменте), и вообще — мы интересные и талантливые люди. И только наша староста Тоня Лямцева ничего о себе не сказала: «Я считаю, что человека лучше узнаешь постепенно, в процессе общения».

Тоня оказалась одной из самых интересных личностей на курсе. Подкупали её искренность, открытость, весёлый нрав, масса новых идей. Тоня никогда не пребывала в мрачном настроении, никогда не говорила о чем-то или о ком-то в черном цвете. Фраза, по которой Тоня была безошибочно опознана: «Давайте поиграем». Она постоянно находилась в творческом поиске, что-то придумывала. Как-то она вместе с другом прогуливалась по Площади 1905 года и ела конфетки с ментолом. Если вы пробовали это произведение фабрики «Конфи», то наверняка поминаете создателей сего продукта нелитературными выражениями. Тоне они тоже не слишком понравились, но не выкидывать же пакет конфет! Эврика! Тоня и ее друг решились на беспрецедентную акцию. Называясь представителями «Конфи», они подходили к мирно спешащим куда-то гражданам, предлагали попробовать конфетку и сказать, с чем ассоциируется ее вкус (все делалось якобы для того, чтобы найти подходящее название для нового сорта конфет). Варианты были достаточно интересные: «Сюрприз от тещи», «Выври глаз». Но большинство, не желая видеть «представителей», говорили нейтрально — «Свежесть» или «Раннее утро». В общем, Тоня, проявив тогда изобретательность, вспоминает сегодня про ментоловые конфеты без ужаса.

Она всегда была оригинальна. Например, на семинарах по зарубежной

истории доклады готовились о каких-нибудь персонах, об устройстве городов или о сражениях. А Тоня рассказывала о школах, горшках и камнях. Правда, ее оригинальность иногда вызывала у нас улыбки. Как-то мы долго не могли сочинить к очередному капустнику песню о факультете на мотив «Под крышей дома моего». Тоня предложила вариант одного из куплетов: «Мы все мечтаем выйти замуж, понять не в силах одного, что обрести мы можем счастье под крышей дома своего» (в последних двух строчках я не уверена — память подводит). Куплет, не выдержал критической атаки. Во-первых, вовсе мы и не мечтаем выйти замуж или не все мечтаем. Во-вторых, счастье под крышей факультета обрести можно, но вряд ли в лице мужа. В-третьих... Представьте, как бы эти слова прозвучали из уст наших немногочисленных юношей!!! Зато, переделанная Тоней «Прекрасная маркиза» (песня о декане и замдекана), воспринималась на «ура» и студентами, и преподавателями:

Алло, алло,

Привет, Мария, ну, как идут у вас дела,

Что без меня студенты натворили,

Как конференция прошла?

Тоня всегда была милым, добрым человеком. И весть на пятом курсе о том, что она уходит в декрет, стала настоящей сенсацией. Но даже этот факт подтверждает мое мнение о Тоне: неисправимая оптимистка.

P.S.: Поздравляем Тоню с рождением дочки Машеньки.

Всеволод ДОМОЖИРОВ

О СТАРОСТЕ БЕДНОЙ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Староста группы, пожалуй, самая неблагодарная студенческая должность. Старосты стоят часами в очереди за стипендией, составляют для преподавателей списки «тех, кто был на лекции», получают нагоняи от факультетского начальства за неисправимых прогульщиков и так далее.

Наши мытарства по выбору старосты начались, конечно, с первого курса. Тогда неопытные, в большинстве своем незнакомые друг с другом, мы сидели в аудитории и «выбирали» старосту. Выбирать пришлось из двух: Мария Федоровна предложила назначить или Лиду Митюшкину, или Лешу Кашпурова. Выборы прошли анонимно и очень демократично: Лида сказала: «Давайте буду я». Все согласились: «Давай».

С Лидкой было весело, хотя степендию она получала не всегда. Веселая жизнь со старостой Лидкой продолжалась совсем недолго. После того, как она осталась без стипендии из-за длинных хвостов, для нее исчез весь смысл старостования.

Потом бремя старосты пало на Олю Гауман. В то время она вместе с сестрой Наташей работала лаборантом при кафедре периодической печат-

ти и по долгу службы всегда была в универе. Оля тоже любила пошутить. Помню, как они со Светкой Нефедовой получали стипендию во время пары. Мы спокойно учились русскому языку, мечтая о деньгах, которые обретем на перемене. Современный Русский Литературный Язык (СРЛЯ) летел незаметно. Но вдруг, в щель между створками дверей 433 аудитории послышался шепот Оли: «Сева! Макс! Выйдите на секунду! У нас проблемы!» Отпросившись у Машеньки Очеретиной, мы с Максом рванули наружу. Девчонки чуть не плача сообщают, что стоило им получить все стипендии нашей группы, как какие-то парни забрали деньги и убежали. Все в шоке — КАК? ЧТО ДЕЛАТЬ? ГДЕ ИХ СЕЙЧАС ИСКАТЬ?

Тут они захохотали. Оказалось, что это была всего лишь шутка.

Наступили времена «безвластия» — стипендию получали по очереди, причем оформляли доверенность сначала на Олю Гауман, потом на Макса Кирова, затем еще на кого-то. В общем, в шкуре старосты побывало несколько человек.

Не помню точно, но примерно на третьем курсе нашей старостой стала Света Нефедова. И наступили, как говорится, светлые времена. Наконец-то, путем проб и ошибок, мы нашли настоящую: заботливую, когда надо строгую и, главное, обязательную старосту. Теперь можно было не беспокоиться про стипендию — Света всегда вовремя получает деньги, или о том, что пропустишь зачет — Света всегда знает расписание и так далее.

Но что меня особенно восхищает в нашей старосте — это ежедневные поездки из Первоуральска в Екатеринбург — целый час в переполненной, а зимой, вдобавок, холодной электричке, утром и столько же вечером.

В Свете навсегда засела самая редкая способность человека — умение поддерживать и близкого, и далекого в любой ситуации, причем сделать это ненавязчиво и естественно. Хорошо, что мы нашли тебя, наша староста.

Оксана ЕВДОКИМОВА

МИСТЕР «N» ИЗ 502-Й, или НЕУГАДНАЯ ЗАГАДКА

Я его так и не узнала. За 5 лет совместного сожительства в стенах нашего доброго факультета он остался для меня самой загадочной личностью.

Он меньше всех общался с однокурсниками. Может быть, он просто не нуждался в этом? На первом курсе, правда, помню, любители посплетничать (и я в том числе), поговаривали, что он дружит с одной нашей подгруппницей. Поводом к тому послужило то обстоятельство, что оба сидели за одной партой. Никто так и не узнал, то ли миф это был, то ли истина. Да и не важно это теперь.

Мы, общажные девчонки, любительницы поболтать «о том о сём», пытались разгадать его загадку. Его закрытость и несклонность к открытым раз-



говорчикам сводили нас с ума.

Он всегда был серьезен. Даже слишком. Почти не улыбался. Он был (и есть) очень умен. Всегда добросовестно готовился к семинарам, но никогда не поднимал руки для ответа. Он не был выскочкой и ненавидел тех, кто таковыми являлся. Ему было непросто в профессии. Её рутина, будни могли бы его сломать. Он был (и есть) способен творить нечто большее, чем простой банальный сюжет на повседневную тему из жизни города. На обсуждениях практических работ, приготовленных нами за время летних каникул, он показывал свои маленькие шедевры. Было всегда заметно его стремление

идти вверх. Или ползти. Как угодно, но обязательно вверх. Никакого бестолкового стояния на месте. Он умел удивлять.

Наверно, он был изначально слишком взрослым для нас. Слишком взрослым среди нас. Однажды слышала, как он называл нас «детским садом». Я его как-то спросила, с кем он общается. Он ответил: «Со взрослыми людьми». Кто-то его называл высокомерным. Правдой являлось то, что он просто находился вне группы, вне нас. Он был всегда сам по себе и производил впечатление самодостаточной личности.

Жаль, что почти пять лет прошло, а он ни разу не был с нами на вечеринках. Мы ни разу не видели его хотя бы чуть-чуть пьяненьким, хотя бы чуть-чуть танцующим. Жаль.

ЧТО же ты есть, Сашка Мартиросов?

Анна ЁЛШИНА

МУЖСКОЕ НАЧАЛО

Как известно, по статистике на 10 девочек — 9 ребят, а журналистов и того меньше. К концу пятого курса в группе их осталось 8 на 11 журналисток. Итак, по алфавиту, чтобы не смущать никого своими пристрастиями.

Игорь Березовик. Очень радовался четверкам, а после пятёрок просто молчал. У него, наверно, случался шок. Он переваривал. Глубоко семейный уже с первого курса, Игорь дружил с Леонидом Михайловичем Макушиным. Наверное, поэтому ни разу не отрастил хвостов по курсовым. Я верю, что у Игоря все будет хорошо. Дружба — великое дело. Ее не пропьешь, не проешь.

Сева Доможиров вместе с Максом Кировым выдавали такие смехотворные перлы — закачаешься. Однажды с виду серьезный Сева заехал на 4-й этаж на велосипеде и с рюкзачком. Впечатлило. Еще Сева явно тяготел к декану: он очень похоже копировал Бориса Николаевича. А еще Сева смач-



но откупоривал винные бутылки. За пять лет он открыл их немало.

Между нами, девочками, самым притким и большим трудоголиком считался *Гена Качинский*. По-моему, женщина по имени Работа стала его любовью. А вот дама Стилистика чаще всего принципиально не хотела видеть Гену на экзаменах. Он был в долгах по самые уши. Однако, Гена вертелся и умел оказаться в нужное время в нужном месте. Ему не везло, он просто это умел.

Алексей Кашпуров — лицо нашего курса, по крайней мере, группы печатников. Наверняка девочки иссыхали по Леше. Но рассудительный молчун Алексей делился своим вниманием со всеми помаленьку. Иногда это интриговало. Скрамник Леша, вылетев из «Окна»,

работал в ЕАНе, потом редактировал приложение «КП-Урал». Все тем же ЕАНОм. Кстати, о птичках. Истинно вам говорю: Леша высоко будет летать.

Макс Киров. Кто-то не слышал еще его гитары? Под его переборы можно впасть в оцепенение. Отзывчивый Макс, кроме того, всегда соглашался пересказывать все тексты перед экзаменами по истории литературы, например, 18-го века. Говорят, земля слухами полнится, но о Максе не слышала ни одного. Хотя, нет — вру.

А этот человек всегда оставался тайной за семью печатями. Курил вальяжно, обычно один в каком-нибудь закутке, посещал все жизненно важные лекции, ответы давал четкие и размеренные, если, конечно, спрашивали. В веселых компаниях не участвовал. Характер нордический, стойкий. Детей нет. Не женат. Кажется, *Гриша Ломакин* всегда был мысленно занят. Делами. Тайными. И была у Гриши Крыша... Он все делал основательно.

Был среди печатников и свой несостоявшийся Бэтмэн. *Антон Сапогов* появлялся в разгар сессии и задавал сакраментальные, но уже неактуальные вопросы. Обычно он садился на корточки где-нибудь в коридоре факультета, дымил папироской «Беломорканал». Ему явно не хватало черного плаща и банданы. Но Антон как-то поразил филфак знанием Чехова. Тезка, как-никак. Редкая птица долетит до середины Днепра. Вот и наш якобы Бэтмэн застрял прямо на половине пятилетки.

О *Максими Шешкине* никто не сложит песни. Потому что она уже есть. Он сам себе поет дифирамбы. Это всегда отражалось в его взгляде, походке, интонациях, манере одеваться. Не помню Макса в свитере и джинсах. Исключительно строгий костюм, галстук. Бонд... Джеймс Бонд. Постоянно или не присутствующий на лекциях, или исчезающий с факультета в мгновение ока. Меняющий визитки, как перчатки. А перчатки как девушек.

Однако, *люблю я вас всех!* Но странною любовью.

ИГРЫ, В КОТОРЫЕ ИГРАЛИ МЫ, КОТОРЫЕ ИГРАЛИ В ИГРЫ

Главной и любимой игрой был «Крокодил». Делимся на две команды, каждая загадывает фразу, которую должен молча изобразить один из соперников, а его товарищи по команде — угадать. Игра очень сложная и конфликтная. Однажды на Дне рождения Севы Доможирова Филипп Чудинов хотел навсегда со всеми поссориться, хватался за нож, потому что никто не мог угадать, что он изобразил. Помирил играющих чудесный кофе, который варит Севина бабушка. За годы упорных тренировок мы все-таки научились понимать друг друга без слов. Угадывали даже математические формулы, которых никогда не знали. Абсолютным хитом в истории игры стало оригинальное в своей простоте изображение Лешей Кашпуровым «непорочного зачатия».

К играм на открытом воздухе можно отнести другую — в «царя горы». Играли в нее на даче. Решили забраться на самую высокую гору в окрестности, туда, где не ступала еще ничья нога. Утопая по пояс в сугробах, поднялись на вершину и обнаружили там беседку лесника, заваленную снегом. Пока жарили сосиски, выяснилось, что в беседке был деревянный пол. «Царем горы» признали Максима Кирова, который залез на крышу, и удержался там под шквальным обстрелом снежками. В занимательную дачную игру как-то сыграли Саша Жестков и Алексей Фаустов — «Человек дождя» называется. В ливень они ушли налаживать отношения с местными жителями. Нашли их по утру, когда они неудачно пытались преодолеть двухметровый забор. Но эта история не для книжки... Хорошо, что почти всегда рядом оказывалась Света Нефедова — человек ответственный и непьющий. Во многих играх ей отводилась роль воспитателя. Нужно сказать, что с дачных мероприятий мы никогда не уезжали без затей. Считалось особым шиком выйти из дома перед самым отправлением электрички, чтобы потом устанавливать рекорды, догоняя ее.

Совместные праздники, конечно, тоже не обходились без игр. Отметив именины Ани Зуевой, с утра мы собрались за столом. Кто-то пустил бумажный самолетик, потом другой. Началась воздушная война. По комнате летало самолетов двадцать. Победителем оказался Пинька — Анютин пес. Он уничтожил авиабазы обоих противников, с лаем разорвав летательные аппараты. Удивительная собака: на другом дне рождения он незаметно съел все до одной шоколадные конфеты и, чтобы не вызывать подозрений, аккуратно закрыл за собой коробку.

В университете играли в игры развивающие. Например, «в школу». Преподаватель Горшков изображал преподавателя, а мы как будто учили высшую математику. Спрашивали у него: «Что означает большая буква «Е» наоборот». На зачете применяли сложный алгоритм сдачи. Берешь билет — там

задача и теоретический вопрос. Математика для решения задачи нужно привести с собой или найти на математическом факультете. Это мог сделать товарищ, которому нужно передать вопрос за дверь. Математики даже не брали пиво за решение — чего с таких возьмешь.

После нескольких практик на журфаке распространилась игра «в крутого журналиста», а позже — «в церемонию награждения Тэфи», Очень азартная, между прочим, игра, на деньги.

Не обошла факультет стороной популярность компьютерных игр. Сначала люди переставали говорить на человеческом языке, выражаясь неясными терминами, вроде: «Хочешь, подарю тебе «чих»?», в конце концов, многих засосал интернет, и для универа они пропали навсегда. Да что там говорить, вы сами знаете, как выглядят эти потерянные — достаточно посмотреть в зеркало.

Помимо групповых, были, конечно, индивидуальные игры. Самой неудачной для меня оказалась игра «в молчанку». Мы с Анютой не поделили кухню в калининградской общаге. Яблоком раздора стала вермишель, поджаренная с луком и плавленным сыром. Мне казалось, что такого блюда нет, поэтому мы перестали разговаривать. Но выдержали только до ужина. Почему-то редакторский рецепт — минералка с кефиром — сомнений не вызывал.

Пожалуй, единственная, кого интересуют спортивные игры — Лена Лехова. У нее дома на полу лежат две гантели.

А самый большой выигрыш принадлежит Грише Ломакину. Он выиграл в потерю телевизор у своих же однокурсников из газеты «Теленеделя». Больше всех удивился даже не он, а организаторы.

Оксана ИЗБЫШЕВА

МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ — ЗАГАДОЧНЫЙ СЛОНОПОТАМ

Знаете, есть такие люди, о которых хочется много сказать, и одновременно не знаешь, с чего начать. Наталья Мошкина одна из таких.

Пришла она к нам слонопотамом (слонопотам — это академик, слонопотамы ни во что не вмешиваются и тусуются своими слонопотамскими кучками). Слонопотамом она была недолго, что удивительно. Сразу начала вмешиваться в прения между преподавателем и Шимовой на семинарах, на что, надо сказать, не каждый отваживался.

Что меня всегда поражало, так это как она умудрялась все успевать. Работать начала одна из первых на курсе, на лекциях, естественно, появлялась не часто. При этом, сколько я помню сессий, она их сдавала на «отлично». Работоспособна до «не могу». До моего «не могу» само собой. Работу свою любит, это я знаю точно.

Когда мы встречаемся, так сказать, «за рюмкой чая» разговор начинается о работе, хоть тысячу раз договариваемся не распространяться о ней родимой. Обычно, просто так трепаться о работе я не люблю. Но это не просто треп. Если Наталья кого-то ругает, значит, заслужил. Она умна, по-хорошему расчетлива. Это не потому, что я ей слепо верю, она действительно бывает очень и очень часто права. Пожалуй, самое яркое воспоминание — это как раз и есть наши разговоры.

А еще при всем ее здравом смысле, холодном рассудке и т.д. и т.п., она, как выяснилось, способна на авантюры. Сколько буду жить, столько буду помнить, как она резко сорвалась и уехала в Чечню. До сих пор впечатлениями делится.

И еще, я считаю тоже немаловажная деталь, знаете выражение: должна быть в женщине какая-то загадка. Так вот в Наталье она есть. Представляете, сколько всего: ум, авантюризм, еще и загадочность! Попробуйте найти второй такой экземпляр.



Татьяна КАНАХИНА

ДРУЗЕЙ НЕ НАДО ИМЕТЬ — С НИМИ НАДО ДРУЖИТЬ

Наталья Мошкина — Облестное телевидение, заговорит кого угодно.

Анютка Салегина — милый, добрый человек.

Макс Киров — не из моей группы, но это неважно — умный, затейник.

Анна Борщева — по имени Борщ, ненормальная девушка, экстримистка, но я ее люблю.

Филипп Чудинов — помешанный на компьютерах, веселый.

Ира Градобоева — учиться много не только полезно, но и вредно.

Анастасия Силантьева — хорошая девушка с большими административными возможностями.

Максим Мокеев — лучше спортивная фигура, чем спортивное лицо.

Елена Кибкало — «А мне что, разорваться? Я и умная, и красивая...»

Яблонский, Суров и Тимошенко — пять лет учились вместе, но так и не познакомились.

Тоня Лямцева — беременна по собственному желанию.

Ксюха Избышева — «Батяня, батяня, батяня-комбат...»

Вераника Князева — просто Вераника.

Эдик Никульников — я всегда с собой беру видеокамеру.

Катя Брылева — вчера я ездила в Канаду, сегодня лечу в Амстердам, и вообще, я не так глупа, как выгляжу.

Саша Мартиросов — сколько лет среди отбросов учился Саша Мартиросов.

Леша Фаюстов — молодой и перспективный.



Алексей КАШПУРОВ

ГЛАВНОЕ — ПРОСНУТЬСЯ В ОДНОЙ ПОСТЕЛИ...

«Кто не был в колхозе — тот не студент», — кричали нам коллеги по курсу, выяснившие на своих спинах и желудках нелегкое картофелезаготовительное бремя. «Кто не пил в общежитии — не изведal общажного духа», — шумели вторые, выдержавшие обильные возлияния и не сошедшие с дистанции. «Кто не поехал в первую практику в Усть-Колымск — тот не журналист», — истерили третьи. А кто не был на военных сборах?..

«Семеро их... СЕМЕРО...»

Так получилось, что со всего третьего курса факультета журналистики УрГУ в 32-ой военный городок «для прохождения боевой закалки» выбрались только семь человек. И сразу же стали первым отделением, первого взвода и, что не маловажно (первыми ходили на завтрак, обед, ужин), первой роты. Обо всем произошедшем за эти 28 дней рассказать в одном материале не получится, так как каждые наши сутки приносили что-то новое, доселе неизведанное. Ну как простого человека убедить, что за час можно начистить 50-литровый жбан картофеля на роту; сегодня построить пункт хозяйственного довольствия на болоте, а через неделю, силами двух взводов за три часа перенести его на новое место; определить единое отхожее место, обустроить его в соответствии с уставом и все равно ходить по нужде на полигон и в близлежащую лесосеку. Информации на двадцать восемь отдельных материалов и три лирических отступления. Я расскажу о трех днях и трех товарищах, «прошедших со мной «войну».

Алексей Фаюстов: Главное — проснуться в одной постели...

Мы прочили ему звание командира отделения (отличник, статный, форма как по мерке, легко входивший с камерой на перевес в офицерскую палатку — ну кто, если не он). Подвела Лешу его вхожесть. Пропадая в городе на подзарядке аккумуляторов для камеры, в офицерской палатке для вписания

фамилий в журналы, потерялся комотд. И «отцом» нашим на этот месяц стал совсем не Леша, запомнившийся на этих сборах двумя «выходками».

Предыстория: Быт наш изначально был скуден: брезентовая палатка посреди поля, одна кровать на десятерых человек и пол из сосновых хлыстов, которые мы понатащали из леса в первый день нашего пребывания. До города, если картофельные поля и ряды стареньких бревенчатых домиков можно назвать городом, километров пять. Редкая птица без спроса командира роты долетала до заставы, куда уж нам рядовым... Никуда не деться.

История первая. Представьте картину. Поле, квакают лягушки, гнусавет комары, палатка, под брезентовой крышей десять остывающих от трудового дня тел в одинаковых майках, исподнем, в голове по стандартной подушке голубого цвета и синие одеяла. И вот в один из таких вечеров, когда Леша Фаюстов так был с нами, ложась спать, он произнес следующую фразу: «Главное проснуться в одной постели...» И... Уснул! Что это было? Солдатская тоска, боязнь проснуться одному в кровати на десятерых, недостаток нашего коллектива в боевой жизни Алексея? Он объяснить не смог...

История вторая. Никому из нас не посчастливилось бросить настоящую, пускай даже учебную, но взрывающуюся гранату в симитированного врага. Леше удалось выдернуть чеку... Ливень. 274-ый мотострелковый полк (не мы) находится на стрельбах, строчит настоящими пулями, метает учебные шумовые гранаты, бьет «бронейными» под башню, наполненными песком и мешает спать по ночам. И вот в один из таких дней, когда дождь заливал окопы по колено, 274-ый повели стрелять-метать. Приближенный к телам офицерского состава, Алексей получил возможность бросить настоящую гранату. Бросил, взорвалась, клево! Правда, чеку замкомотда (Алексей) уронил, а надо было держать в руке и вернуть командиру отделения для отчетности за гранаты. Нет чеки — нет отчетности. Военная прокуратура, суд, тюрьма. Вместо того чтобы продолжать метать гранаты солдаты 274-ого МСП принялись выгребать воду из окопа и искать чеку. Нашли ее, повезло Алексею.

Всеволод Доможиров: Дрова рубит — щепки летят

Лычки младшего сержанта, а значит и обязанности комотда и «отца» получил наш Сева. Командир отделения — отец, он всегда рядом, посредине палатки. Это он не спит в наряде более суток, бьется за первые места во время обеда и халявную работу в поле. Что и говорить, проучишься на одном курсе три года с человеком, казалось бы, знаешь его, ан нет.

История первая. ПХД — по военному Пункт Хозяйственного Довольствия, по простому — кухня. Эта кухня, как домна — должна работать (гореть) всегда. А чтобы гореть, надо топливо. И вот получили мы с Севой задание — «зачистить» лес от негодных деревьев, но годных на дрова. Под руководством старшего офицера пошли в лес и валили деревья, пока не накатали, как минимум на сруб двух этажного особняка. Никогда не думал, что «древесных» можно валить с такой скоростью, так их быстро обрабатывать и перетаски-



вать до ПХД. И это делали мы с Севой на пару, с двумя топорами и пилой.

История вторая. Я не люблю чистить картофель. И уж если меня и заставляли когда-либо снимать кожуру, то только под предлогом: «Не хотите ли жареной картошки?» А я страсть как люблю жареную картошку. Будучи в наряде по ПХД, мы с нашим комотдом вдвоем сумели за час начистить 50-литровый жбан полугнилого картофеля,

вымыть его, порезать, поставить варить, вынести очистки, помыть пол в палатке и, и, и... Куда я без Севы и его чуткого командования. Комотд — не работа — это призвание.

Филипп Чудинов: Не люблю оружие, люблю компьютер

Предыстория: Скажу честно, я до сих пор не знаю, как зовут некоторых моих коллег по курсу. То ли я необщительный такой, то ли просто народу у нас на параллели много. И почему я не пересекался с Филиппом раньше?

История первая. Стрельбы — праздник для солдата. А какой это праздник для студента, приехавшего в первую очередь пострелять на сборы. Получив «арсенал» на отделение, мы первым делом пошли, нет, не стреляться, а фотографироваться. Филипп стоял в сторонке, не просил автомат, не изображал «коммандос». «А ты?», — спросил я его, протягивая новенький АКМ. «Не люблю оружие», — ответил Фил.

История вторая. Тридцатиградусная июльская жара, тупая работа и муштра расплавляет мозги, отупляет. Как можно выкосить поле десятерым тремя саперными лопатками, двумя совковыми и... без косы? Зачем вырубать молодые деревца на участке полигона, который давно уже не используется по назначению? Для чего собирать в лесу грибы и ягоды, если потом их не есть? На последний вопрос ответ дам — не для чего, а для кого — для офицеров. И вот после всех этих невнятных и никому не нужных работ, мы приходили вечером в палатки и заваливались спать. Просто не могли иначе. А Филипп не спал. Он читал толстенную книгу о компьютерном языке... Без комментариев.

Алексей Кашпуров: Надо было

В последнюю ночь перед убытием домой была гроза. Небо заволочло черными тучами, гремел гром, трещали молнии. А мы сидели в палатке и не по Уставу орали песни и брэнчали на гитаре. Орали все вместе, пока не выдохлись и не сбили пальцы в кровь. «Дембель 1998, — кричали мы друг другу, — мы супер!» Это была клевая ночь, когда за бортом гром, потоки холодной воды и темнота, а у нас любимые песни, вокруг друзья и свет, пускай от маленькой свечи, но свет. И горит он до сих пор, и будет гореть

всегда — этот огонек нашей маленькой дружбы — нашего отделения, силами которого за 28 дней было проделана масса полезной и бесполезной работы. Этот месяц должен был пройти именно так, как он пролетел, но все это должно было произойти в нашей жизни. Хотя бы ради того одного последнего вечера.

Елена КИБКАЛО

НА ТОТ БОЛЬШАК, НА ПЕРЕКРЕСТОК...

Моя абитура началась с общежития. Общежитие — с Оксаны Евдокимовой. А сама Оксана — с огромной сумки, набитой подшивками АИФ и собственными публикациями. В первый момент я не поняла: общежитие — это хорошо или плохо? Многое шокировало: Оксана, которая с порога спрашивала: «А у тебя есть друг? А ты его любишь?», моющиеся из шланга посреди белого дня девушки, обилие тараканов и безхозных кошек... С другой стороны была свобода, первые большие карманные деньги и новые друзья — все это стоило того, чтобы на некоторое время лишиться себя комфорта. На «вечное поселение» в общагу (по крайней мере тогда, 5 лет казались вечностью) я приехала в сентябре. В скандально известную комнату 209, где я собственно говоря, и пишу этот опус, попала после длительных мытарств. Уже знакомый мне по абитуре комендант Светлана Никифоровна никак не хотела верить в то, что я не нахожусь во всероссийском розыске, не собираю бутылки и не ночую на вокзале. На столь необычные выводы Светлану Никифоровну навело отсутствие в моем паспорте какой-либо прописки. Переубедить коменданта не могло ничто, даже золотые серьги, которые я наивно пыталась оставить в залог за нелегальное недельное проживание на Большакова. В итоге я неделю жила на «птичьих правах» в соседней комнате. Постепенно сбывались все ужасы общажной жизни, о которых мне столько рассказывали школьные преподаватели. Спала я на кровати под вешалкой. Конструкция, именуемая кроватью, не имела спинки и стояла на кирпичах. Где-то по соседству скреблась мышь... Почему-то хотелось есть... Помню, у девочек была немыслимых размеров кастрюля, в ней так часто что-то варилось, что примерно через месяц не дне появились первые дыры. Кастрюлю выбросили, но есть хотелось по-прежнему... Радости от переселения в свою комнату тоже было мало. О 209-й по общаге ходили легенды. Поговаривали, что все, кто в ней жил, университет так и не заканчивали: кто-то вылетал, кто-то уходил в академ, кто-то женился... Продержаться в злосчастной комнате требовалось год. А еще по легенде у нас съели собаку. В правдивости всех этих слухов, кроме собачих, сомневаться не приходилось, потому что целый год к нам ходили какие-то знакомые каких-то людей, которые когда-то жили в нашей комнате. В остальном все было спокойно. Проклятье 209-й было разрушено нами. За пять лет, пока я живу в

общежитии, она очень сильно изменилось. Мама и папа могут спокойно отпустить сюда своих недорослей. И с ними, вероятно, ничего даже и не случится: дверь в комнату не выбьют, любимый магнитофон не украдут, на дискотеке случайно не побьют. Попробуй-ка сейчас почувствуй все прелести общежитной жизни... Мне же очень запомнились общежитные дискотеки. Век их при мне был недолог —года полтора. Все действие начиналось так: в холл втаскивали магнитофон и... Иногда имелся информационный повод, например, чей-то день рождения, но чаще обходились и без всякого повода. Форма одежды, как правило, тапочки и халат. Праздник на всю ночь с участием всего этажа (уснуть при таком было невозможно). Подводя итоги пятилетнего проживания в общежитии, могу сказать, что вела себя довольно примерно: не поливала коридор кетчупом, как Люма, не так часто участвовала в пьяных выездных концертах Демона, не подвывала в два часа ночи физикам за стеной, но по всем правилам общежития меня можно выгнать из общаги по 8 пунктам из 9 возможных. Единственное, что я соблюдаю, так это не курю в комнате, все остальное нарушено давно и бесповоротно. Месяца через четыре меня и вправду выгонят из общежития... Просто я закончу университет.



Максим КИРОВ

БИЛИМБАЙ — ТЕРРИТОРИЯ ЖУРФАКА. И НЕ ТОЛЬКО ОН

О том, что мы станем выпускником двухтысячного года (что само по себе знаменательно, независимо от нас) в течение

пяти лет учебы нам напоминали с пугающей периодичностью. Напоминания эти всегда были неизбежно пафосными: «последний выпуск второго тысячелетия» или там «Почти первый выпуск третьего...». Ну, и так далее, и все сопутствующее. Как мне кажется, это сыграло свою «роковую» роль. Все горячо мной любимые однокурсники пришли на пятый курс только с одной мыслью: мы должны войти в анналы этого, самого лучшего факультета на свете. Войти и остаться без права на депортацию. То есть всерьез и надолго. По-другому ведь и быть не может. Потому что НАШ КУРС никогда больше не повторится ни при нашей жизни, ни после.

Только ОН мог:

Играть в «девятку» на раздевание в электричке, которая везла нас из Билимбая, с дачи нашей первой, но, к сожалению, не бессменной старосты

группы Лидки Митюшкиной. Люди, севшие в этот же вагон на станции «Первоуральск», несомненно, были «приятно удивлены» полуголой толпой совершенно трезвых с утра студентов, которые кричали и спорили, чей сейчас ход, и кому надо снимать с себя очередной предмет одежды.

Только НАШ КУРС мог:

Отправившись уже зимой снова к Лидке на дачу, пойти не по протоптанной дорожке для цивилизованных людей, а через деревню, по сугробам. Сугробы, естественно, были против, и мы (нагруженные, как полагается, сумками с едой и «питьем») проваливались в них минимум по пояс, максимум по шею.

Только про НАС можно было:

Сказать то, что сказала Ирина Шимова на одном из Новых годов, с шумом и треском отпразднованных в общаге на Большакова. Она произнесла: «Вы знаете, давно купила себе контактные линзы. Я стала видеть гораздо лучше, но это отвратительно: сразу увидела все недостатки всех людей, которые меня окружают. Поэтому сегодня я их не надела!»

Только МЫ могли:

Спеть на Дне первокурсника (когда посвящали первый курс) ту самую, пресловутую песню «Чё те надо?» про Леонида Алексеевича Кропотова. После выступления чуть смутившийся преподаватель подошел и спросил: «Может вы чего-то не поняли? Так вы просто спросите у меня, и я вам все объясню». Не волнуйтесь, Леонид Алексеевич. Просто мы, как обычно, поняли больше, чем надо.

Только ЭТОТ КУРС мог:

Сочинять самые-самые смешные песни про преподавателей так, чтобы они не обижались. Например: «Ночь настала на журфаке, трость Шеваров в руки взял. Ею бил он тараканов и в Лозовского попал. Хитрый Боря увернулся, Бродский за спиной стоял. После этого эксцесса с техникой на «вы» он стал!»

А потом репетировать их в маленькой 407-й аудитории с баяном и так громко, что за неделю до нашего выступления его знал почти весь факультет. В конце концов только МЫ поздравляли НАШУ М.Ф. с днем рождения посредством цыганского романса «с выходом». Само собой, с костюмированными.

И, по-моему, только ЭТОТ КУРС может:

Планировать поездку после «выпускного вечера» летом (благо, до этого еще далеко!) на речку в костюмах и вечерних платьях. Это, конечно, пока только планы. Но осуществить их может ОН и только ОН.

Именно за это я его и люблю. Люблю. Что мы все такие разные, люблю за то, что нам хорошо вместе. Люблю этот «выпуск двухтысячного года». И неважно, что в нем целых три нуля. Главной остается «двойка». МОЙ КУРС и Я..

КАК ЗА ПЯТЬ ЛЕТ ТРАНСФОРМИРОВАЛОСЬ ИМЯ «ЛЮДА»



«Люда Белоусова. Она же Людка МакЛауд из клана МакЛаудов, она же Людчишка, кудряшка Лю, Люся и, наконец, Чиполлино».

Люде Белоусовой больше подходило одно из прозвищ, которые давали ей на ра-

боте и в школе, но никак не значимое и серьезное Людмила Белоусова. Когда ей было 20 лет, окружающие давали ей не больше 16-ти. Она походила на девочку-отличницу из черно-белого кино, у которой всегда выполнено домашнее задание. Поэтому слова «Люда» и, например, «горячие новости», для многих поначалу были просто несовместимыми. Но все вышло иначе. Кудряшка Лю оказалась проворным, озорным и смышленным репортером.

Люда приехала из северного городка Верхняя Тура. Единственный ребенок в семье, она с самого детства занималась только тем, что ей было интересно. Интересно собирать баночки от пива — и ее знакомые были в курсе, что все разноцветные жестянки нужно приносить Люде. Интересно позаниматься музыкой — и она играет на аккордеоне; интересно «стать журналистом»?.. — и она получает студенческий билет. Все действительно получается легко, — потому что интересно.

Когда Люда пришла на канал АТН «устраиваться в новости», тогдашний шеф-редактор Владимир Суворов только сказал: «Сколько же вам лет, девушка?» «Двадцать», — топнул ножкой ребенок и отправился делать сюжет про конфликт местного земства. С первого раза все получилось. Позже деловую маленькую Люсю пропускали даже в закрытые заведения, потому что никто не подозревал, что эта девочка может спросить или узнать что-то серьезное. А она входила в азарт: поэтому три часа гналась за военным автомобилем, чтобы выяснить имя убитого полковника, и вводила в шок британских охранников, когда без предварительной договоренности, направлялась прямоком к принцу Майклу, чтобы взять интервью. Ей было совершенно все равно, что к принцу никого не пускают, и с прессой он общается только в исключительных случаях.

Теперь на АТНе Люда уважаемый человек, — настоящий старожил. На АТНе она работает уже третий год. Бывшие коллеги, которые уже успели уволиться с АТН, за такое постоянство прозвали ее МакЛаудом. Сейчас Люда делает жизнеутверждающую программу, и герои передач называют ее исключительно: Людмила Сергеевна.

P.S. А Чиполлино зовут ее самые близкие люди, из-за ее катастрофической нелюбви к луку.



Мария КРЫЛОСОВА

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПОТАСКУЕВО!

Честное слово, я ехала туда не из-за денег! И не по принуждению. Я спокойно могла бы отрабатывать в деканате, протирая корешки книг и столы от пыли, чем, собственно, и занималась потом, после болезни. Но это же скучно!

Мне так хотелось романтики, а главное, родители достали своим чванством: «Ты-то в колхозе не была. Вас туда не гоняли. А колхоз так сближает... Ах, эти костры, ах, эта печеная картошка... Нынче совсем другая молодежь. Да-а...»

Вот, думаю, здорово они обломаются! Одним дождливым августовским днем я сложила в сумку мамину старую куртку, большие садовые рукавицы, резиновые сапоги и другие, на мой взгляд, необходимые в колхозе вещи. Например плойку, зонт и лак для волос. По дороге от университета к вокзалу число романтиков стремительно таяло. До электрички нас дошло чуть больше десятка. Кучка отчаянных журналистов-второкурсников. Мысленно и вслух мы восхитились собственной смелостью и погрузились в вагон.

В Каменск-Уральском мы сели в заказной автобус и окончательно простились с цивилизацией. Спустя полтора часа автобус торжественно въехал в крохотное селцо с неприятно двусмысленным названием Потаскуево. Навстречу нам неторопясь направилась чета свиней, бывших белыми до принятия водных процедур в близлежащей канаве. Мы были настроены по отношению к ним не очень дружелюбно и всей толпой рванули в обход «делегации» к общежитию, над дверями которого кто-то прилепил бумажку с издевательской надписью «Добро пожаловать!».

Когда мы захватили и поделили между собой продавленные кровати, толстые подушки и застиранные одеяла, пригорюнились. В комнате стояло 20 коек, отопление включать не собирались. Баню заменяло нечто с печкой и дюжиной ржавых шаек. Позже выяснилось, что в этом помещении некогда держали хаврюшек.

В сотне метров от корпуса белели незапирающиеся и насквозь продуваемые строения с буквами «М», «Ж» и почему-то еще «К». Мы сей феномен объяснили так: «К» — это не для мужчин и женщин, а для колхозников. Они ни теми, ни другими, похоже, не являются.

Магазин в селе нашлся один-единственный, очень дрянной. Из спиртных напитков продавалась в нем только «Столичная» и убийственная «Россианка» (больше я такого никогда нигде не пробовала). Почта и телефон

в Потаскуево отсутствовали. Близлежащая остановка электрички находилась в восьми километрах, автобуса — в одиннадцати. Уехать оттуда было весьма сложно.

Начались рабочие будни. Подъем всегда производился в разное время. Это целиком и полностью зависело от того, когда проспится после ритуальной вечерней попойки политолог-третьекурсник Вова Шихов, поставленный у нас начальником. Злой и похмельный, он будил громким стуком в дверь и сипло орал: «Почему лежим? Одеваться по-рабочему и — в столовую!» Потом вставал в дверном проеме желая видеть, исполняется ли его приказ. Но именно из-за его присутствия он и не выполнялся (многие дамы по глупой домашней привычке ложились спать в неглиже). Вова сердился и психовал. В столовой кормили не то чтобы скудно (возьми, убоже, что нам негоже), но плохо. Наверное, для порчи нашего настроения, повара включали какую-нибудь гадость вроде Шуфутинского. Аппетит портился, но явно недостаточно, чтобы насытиться, допустим (бывало и такое), стаканом чая и сметаны и творожным сырком. Особенно, если учесть, что однажды несколько дней подряд в местный магазин хлеба не завозили.

После завтрака мы, печально звякая ведрами, шли в поле. Молча. Рядок — широкая черная лента с желтой мозаикой из картошки. Тянется она до горизонта, а вдень на человека таких лент приходится от шести до десяти. Когда стоим вначале, сильно смахиваем на спортсменов перед заплывом в бассейне. Рядок действительно как дорожка. Только загребать приходится не воду, а клубни. Великое счастье попасть на неурожайный рядок — идешь быстро, легко, усталости нет. А случается — что ни метр, то полное ведро. Но хуже ни придумаешь, если картошки много, и она мелкая-мелкая, как горох... Тут дантов ад ерундой покажется. Отстающих не ругают. Здесь никто не спешит. Им помогают. Без просьбы.

С урожаем нам крупно не повезло, уж очень большой оказался. Площадь убирали в два раза меньше нормы (за что очень влетало), а урожай с этой площади снимали в два раза больше ожидаемого.

Работали мы как негры. Или хуже. В конце концов, негры в теплых краях пашут, а у нас... В телогрейке и то мерзнешь.

Мы ползем по рядку и с ненавистью смотрим на агрегат, неумолимо вспахивающий новые борозды. Он, железный, может без перерыва плевать землей и картохой, а мы, к сожалению, нет, скоро пластом ляжем. На общее рассмотрение выносятся разные планы его уничтожения: спить водителя, насыпать в бензин сахар, отвинтить детальку, взорвать... Увы, на ночь машину надежно прячут в ангаре, и нашей мести она недоступна.

Всего в поле выходило 5 бригад. Мы, журналисты, были пятой. А поэтому всегда работали дольше всех, на противоположном конце. По причине удаленности нам иногда забывали разгрузить контейнер, из-за чего тормозилась работа, а мы постоянно ходили в отстающих. Но зато к нам редко приходил с проверками злобный Вова Шихов. А еще на краю поля находилось потаскуевское кладбище, куда мы ходили на экскурсии и просто отды-

хоть (особенно отличалась Лида Митюшкина, любившая умильно растянуться на могильной плите). Потом от кладбища мы перешли к сеновалам, где веселились и блаженствовали на радость другим бригадам.

Чувства, с которыми завершался последний рядок, передать невозможно. Мало с чем сравнится такое счастье. Однако обычно это происходило перед самым закатом солнца. В общагу шли с песнями. Все село слышало:

Нас извлекут из-под картошки,
Поднимут на руки друзья...
И только ро-кот гравипалы
В последний путь проводит нас...

И, должно быть, проникалось глубокой жалостью.

Одна лиричная девушка каждый раз на обратном пути вслух любовалась закатом: «Ах, какая красота! Из-за одного такого заката стоит жить! Вы посмотрите!» Мы смотрели, но жить все равно не хотелось, ибо страшно болели колени, ныли поясница, шея и лопатки, а руки рефлекторно совершали хватательные движения.

Вечером комната превращалась в госпиталь. Все горстями глотали таблетки от простуды, грели воду, чтобы испытать чудодейственную силу шипучей «упсы» и с ног до головы обмазывались йодом и «звездочкой». Однако вылечиться в колхозе было невозможно, равно как и остаться здоровым. Вредили не столько холод в поле и в неотапленной комнате, сколько пыль с поля, мелкая земляная пыль, которая постоянно набивалась в поры и не вымывалась оттуда, вдыхалась носом и ртом, отчего, извините, даже сопли

у нас были черными, словно мазут. Ледяная вода, ветер и грязь делали наши лица похожими на кирзовый сапог. Кожа с каждым днем становилась все более воспаленной, обветренной и покрытой язвочками. Ночью в комнате без конца слышались стоны и кашель.

Пили мы каждый вечер. Не для удовольствия — для «сугрева». Но спиртное быстро кончилось. И тогда мы попытались перейти на другой продукт — анашу. Возле полос порочной пятой бригады, как назло росла конопля. Ее требовалось подсушить. Чем? Утюгов не было, а так просто конопля высыхает за два дня. И тут я, не постесняюсь этого слова, гениально догадалась сушить коноплю плойкой. Как волосы. Знаток, и их оказалось немало, вынесли вердикт, что местная конопля ничуть не слабее завозной южной. Может, ими двигал патриотизм. Не знаю.



Филологини, жившие с нами в одной комнате, долго ни о чем не догадывались, только удивлялись — почему пахнет березовыми вениками: «Вы что, в баню ходили?» Вообще мы сильно шокировали их своими ежедневными пирушками и они старательно избегали общения с нашей «каюк-компанией».

Случались в колхозе и праздники: помню, на «Новый год» мы развели костер на берегу Синары и нарядили «елку» — высоченную лохматую коноплю — надутыми резиновыми перчатками и разноцветными пакетиками из-под чая.

Да, не смотря ни на что там было ужасно весело. И мы стали больше ценить и лучше понимать друг друга. Как же несправедливо, как обидно до слез, что на шестой день бурной колхозной жизни я окончательно и бесповоротно слегла. В память о колхозе, о Потаскуеве, у меня остался зверский аппетит и три картофелины в форме сердец, подаренные друзьями перед отъездом.

И потом я сидела дома и страшно переживала за них. Хватит ли им теплой одежды? В городе ведь уже ходят в куртках, шапках и сапогах. Сейчас такой холод, дождь...

Мария КРЫЛОСОВА

ДВА ОКНА В НАШЕ ПРОШЛОЕ

Когда мы были совсем маленькими и учились на первом курсе, то страшно любили время от времени отдыхать в «профилаге». В знаменитый четырехэтажный дом на Чапаева, 20, ласково и правдиво прозванный «желтым», мы селились обычно всей компанией. Так веселее.

Там были вредные вахтерши, дотошно следившие за порядком (не пить, не курить, мальчики к девочкам не ходят, девочки к мальчикам — тоже, посторонних — ни-ни, в столовую — только в тапочках). Зато они создавали зажигательную атмосферу опасности и приключений. Стоит лишь вспомнить, как мы с каменными лицами проносили мимо «мисс КГБ» бутылки, спрятанные за пазуху, как отчаянно боялись, что они предательски звякнут...

Каждый вечер, лежа на кроватях, пили вино. Особое, любимое — «Кедрянку». Странно дешевое, но необыкновенно ароматное, темно-бордового цвета, оно до сих пор ассоциируется именно с профилагой и нашим легендарным обиталищем — 401 комнатой. Потом мы нередко пили «Кедрянку» и в других местах, но нигде она не казалась такой чудесной, как здесь.

После этого вина всегда тянуло на трогательные душевные разговоры. А еще от него наутро бывал удивительно хороший цвет лица (что ценилось особо), и бодрое настроение.

Помню, как однажды Нютик взобралась на подоконник, подложив под себя трехцветный российский флаг, чтобы не запачкаться (дело было пер-

вого мая, и мы смеха ради приволокли кучу всякой символики), и выдала экспромт:

Я сижу на российском флаге,
Свесив ноги из окна «профилаги»...

Ночью мы вышли через чердачный ход на крышу. Нютик с энтузиазмом полезла вешать флаг на антенну. Мы испугались — крыша то крутая, а человек выпил. Помню, как Иришка кричала что-то вроде: «Нютик! Если ты упадешь, нас выгонят из профилаги! Слезай!» Я хотела помочь Нютике и тоже рванула наверх, но ловкая (несмотря на воздействие изрядной порции алкоголя), Иришка умудрилась стянуть с моих ног тапки. А без тапок карабаться по пыльной и грязной крыше я не рискнула.

Мы сидели на карнизе, закутавшись в одеяла, жгли дешевые свечи, и под расстроенную гитару Иришки пели что-то из Цоя, Янки, БГ — очень подходящее и душевное. С особым надрывом вопили «кремовскую» «Клубнику со льдом»:

Но она не любит мужчин...

Какой-то пижамно-одетый тип, куривший на балконе соседнего дома, зычно гаркнул: «Эй, девчонки! Вас кто на крышу пустил?!»

Наш ответ был понятен, должно быть, лишь нам, нетрезвым: «А мы — воробы! Нам все можно!»

Когда мы собрались спать, продрогшие и немного пьяные, раздался робкий стук в дверь. На пороге стоял деликатнейший, скромнейший наш однокурсник Саша Сапожников, который был, несмотря на позднее время — половину первого — причесан, в брюках и с галстуком. Немного смущаясь, покашливая и поправляя очки на носу, он спросил: «Вот я все думаю, в домашнем задании по русскому языку, в четвертом предложении — там синекдоха или метонимия?»

Как у Пушкина: «Долго ждал он у моря ответа, не дождался...»

Когда мы немного подросли, то поняли, что счастье вовсе не в хорошем вине, а в хорошей компании. А потом мы совсем выросли...

Наши «феньки» давно потеряны. Нютик вышла замуж, Иришка сделала короткую модную стрижку, вместо хайратника носит шапку из норки, и никто теперь не заподозрит в ней неформалку и «толкинистку». Со мной тоже много чего приключилось. Вот так в общих чертах.

К чему я все это говорю? Да к тому, что в который раз, проходя мимо «желтого» дома, я по привычке бросаю взгляд на окна 401-й. Иногда там темно, а иногда горит свет. К тому, что у каждого человека, если хорошенько подумать, есть окна, взглянув на которые, он делается счастливее.

О ТОМ, КАК НАШ КУРС ХОДИЛ КАТАТЬСЯ «НА ЛЫЖАХ»



Вообще, курс у нас замечательный! Народ интересный и разный, каждый уникален в своем роде. А главное, дружный. Так уж на курсе повелось, что все праздники мы вместе справляем. Даже на Днях рождениях 95% своих, с журфака. Да и просто так, без повода, частенько собираемся и устраиваем какие-нибудь культурные мероприятия. Вот об одном из таких мероприятий, а точнее, об акции «Нефиг дома сидеть, пора и воздухом подышать!» я и хотела бы поведать. А потрясла меня эта наша акция своей нелепостью и, одновременно, типичностью от начала и до конца.

Итак. Первоначальная идея вылазки за авторством Филиппа (Чудинова) была следующей: поехать кататься на лыжах. Как-то само собой решилось, что кататься мы будем у Лехи (Кашпунова) на даче в Палкино. Наверное, потому, что Леша обмолвился о том, что у него есть лыжи. Конечно, на всех не хватит, но это уже не важно.

Решили встретиться на вокзале в 11.00. Электричка — в 11.15. Наташа Жердева как всегда опоздала. На полчаса. (Обычно она опаздывает на час и больше, но в этот раз ей сказали, что встречаемся в 10.30. Ну, не рассчитали малость. Бывает.) Мы уже было решили ехать на следующей электричке — через полчаса после первой, но не тут-то было. В смысле, не было Кашпунова. Когда объявили о том, что вторая электричка отправляется, Наташа резонно заметила: «Ну, вот, зря торопилась, еще машину взяла...»

В общем-то, с философской точки зрения, нам неплохо тусовалось и на вокзале... И все бы ничего, но Аня Зуева, которая ехала из Первоуральска и совершенно не представляла, где находится Лешина дача, должна была в оговоренное время встретиться с нами на станции Палкино. Чего в сложившейся ситуации, конечно, произойти не могло. И тогда было решено разделиться: Н. Жердева, Л. Белоусова, М. Киров и я остались ждать Кашпунова на вокзале, а Ф. Чудинов как командир взвода отправился встречать А. Зуеву. В случае неявки Кашпунова в течение следующего часа Кирову было поручено доставить женщин, т.е. нас, по назначению, т.е. в Палкино.

Однако Кашпуров явился. Правда, в самый последний момент перед отправкой электрички. И мы, наконец, отправились дышать воздухом. Было что-то около двух дня.

Что удивительно, на ст. Палкино мы почти сразу заметили две точки на горизонте, вернее точку и палочку, в коих опознали Аню и Филиппа. Когда мы добрались до Лехиной хаты, всем как-то неожиданно захотелось есть.

Чай разливал Киров. Прихватив правой рукой горячий чайник, левой он протягивал чашки с чаем, причем справа от себя и из-за спины. Когда у всех уже был чай, никто не прореагировал на очередную чашку. Макс не знал, что эта чашка предназначается ему. К тому же ему было горячо ее держать. Видимо поэтому он начал кричать: «Уру-ру! Возьмите кто-нибудь чашку!» На что Леша резонно отметил: «Ха, он забыл наши имена!»

Напившись лехино чаю, мы вдруг вспомнили о лыжах. Выяснилось, что у Леши всего две пары, да и те без палок.

Еще выяснилось, что Н. Жердева только сейчас узнала, что мы, оказывается, приехали сюда кататься, а не чаю распивать.

Впрочем, Аня Зуева тоже ничего не слышала.

Поэтому было решено идти в лес — жарить сосиски... Если кто еще не понял: декабрь месяц, лес, сугробы выше головы... Смешно?

Но нам было не до смеха, потому как Чудинов взял руководство на себя и повел нас в лес по «тропинке».

О «тропинке» нужно сказать особо. «Тропинка» это явно не удалась ее создателю. Ноги проваливались примерно по колено. К тому же она вела в гору. Но самое интересное ожидало нас наверху: тропинка кончилась.

Как известно, танки грязи не боятся, впрочем, сугробов тоже. Дальше мы шли по пояс в снегу. Впереди мы заметили «беседку» — деревянный каркас крыши на столбах. (Видимо, приспособление местных жителей для хранения дров.) Там и решили разжечь костер.

Для начала, мы стали распихивать снег ногами. Так мы расчищали место минут двадцать. Затем решили поискать дрова. Затем — начали разжигать костер...

Говорят, чудес не бывает, но он все же начал гореть! И мы все-таки пожарили сосиски. (У А. Зуевой постоянно ломались палочки для сосисок, поэтому ей досталось меньше всех.)

Зато Макс времени даром не терял... Наевшись вдоволь, Киров решил

совершить акт вандализма. Нет, вы не о том подумали. Костер погас сам. Зима все-таки. Макс залез на «крышу» сего сооружения. Зачем он это сделал, он и сам вряд ли знает. Но залезши, он начал стряхивать снег вниз, и очень радовался нашим возмущенным крикам. Леша, было, уже решил лезть стаскивать Макса на землю, но тот, видно, испугавшись Лехино гнева и



неминуемой расплаты, сказал: «Я сам». Он решил прыгнуть в сугроб. Выбрав самый большой, он скомандовал: «Леха, посмотри, нет ли там под снегом сучка?!» На что Леха только хмыкнул. Киров сел на корточки, расправил руки и прыгнул. Наверно, он думал, что похож на птицу в полете. На самом деле он был похож на нечто совсем другое.

Как не повезло нам, как повезло Кирову: сучка там, к сожалению, не оказалось. Было уже поздно и мы пошли к электричке. Наша акция «Повалялись в снегу и будет!» закончилась. Зато сейчас мы часто вспоминаем этот знаменательный поход «в лес на лыжах». Было весело и прикольно, и, конечно, я не рассказала всех веселостей того дня, а что-то, может и сама приплела. Потому как, подобных походов за пять курсов было немало, но всегда было классно.

Максим МОКЕЕВ

ЭТО Я, ЭДИЧКА

С Эдуардом Никульниковым мы познакомились еще в 10 классе школы, где вместе учились. Объединило нас взаимное увлечение компьютерами, автомобилями и фильмом «Терминатор-2. Судный день». Единственные споры, которые возникали у нас тогда и сегодня, это вопрос: а какой автомобиль, собственно, круче — Mercedes или BMW? Споря об этом, мы с отличием закончили школу, поступили на журфак (ох, лучше бы мы этого не делали!) и благополучно доучились вот уже до пятого курса.

Эдуард замечательный друг. Умный, справедливый, честный, ответственный, любознательный и все такое. Он удивительным образом притягивает к себе людей. Сегодня он работает в программе «Новости бизнеса» корреспондентом. Надеюсь, что наша дружба не угаснет никогда.

И все же Mercedes круче...

Александр МАРТИРОСОВ

С РАЗБИВАНИЕМ НА СЛОГИ

Погодите, хочу обнять на прощание Фаюстова...

Мы прожили вместе три года. Наверное, слишком мало, чтобы судить о человеке, но достаточно, чтобы полюбить его. Не знаю, удалось ли мне проникнуть в тайники его мыслей, страданий, волнений. Не знаю, бывал ли я рядом, когда он нуждался в том. Знаю только, что я не встречал более отзывчивого и более порядочного человека.

Не забуду случая, когда девушки с психологического факультета, пообщавшись с нами минут пять, объявили Лешу логиком-рационалистом, а меня логиком интуитивным. Действительно, мы похожи лишь на половину. Наверное, это и позволило нам на втором курсе сблизиться. Рядом с таким



человеком, как я, должен быть такой, как он. Сколько пинков я получил от него под столом, сколько раз он сдерживал мои безрассудные порывы! Леша может объяснить каждый свой поступок, он обдумает все мелочи, прежде чем на что-то решится. Он берется за несколько дел одновременно — и все выполняет. И все в срок. Он не будет спать ночами, но сделает, потому что обещал, или даже не обещал, но просто кто-то на него понадеялся.

Благодаря его стараниям на факультете родилась церемония вручения премий за лучшие материалы летней практики. Два года он готовил ее в одиночку, несмотря на ехидные усмешки завистников — тех, кого потом в газетах называли «идейными вдохновителями», и тех, кто с бранью рвался на сцену первым, а когда их выпускали, запарывали праздник на корню. Подозреваю, что откажись сейчас Алексей от подготовки следующей церемонии, и ее не будет, а завистники не преминут обвинить его в уничтожении факультетской традиции.

Да, как у всякого удачливого человека, у Алексея Фаустова много завистников. Они возводят напраслину, лицемерят, расписываясь тем самым в своем ничтожестве перед достоинством. Они искренни в своей самовлюбленной жадности, ибо просто не в силах понять, что Фаустову удастся любое дело потому, что он владеет секретом лучшей политики. Этот секрет называется прямодушие. Но ему этого мало: он достигает пика виртуозности, умудряясь сочетать прямодушие с тактичностью. Я не помню случая, когда бы Алексей вспылал, сорвался, повысил голос, даже когда собеседник был явно не прав. Он отстаивает правоту уверенно и спокойно.

Однажды, когда он только появился в эфире новостей на АСВ, его тут же стали звать другие каналы. Сулили златые горы... Предложения были лестные, много лучше, чем АСВ. Не прошло. С другим бы прошло, но не с ним. Он остался в телекомпании, где было много проблем, но где в него поверили и впервые выпустили в эфир. Тогда он не мог их оставить. И не потому что они сочли бы это предательством, — так прежде всего считал он сам. Более того, он даже не сказал им о тех предложениях.

Я не собираюсь объявлять Алексея Фаустова верхом совершенства. Нет, в нем, как в сложном коктейле, много разных компонентов. Но единственное слово, которое я хочу сказать о нем — интеллигентность. Интеллигентность. Именно так, с разбиванием на слоги.

У ВЕРБЛЮДА ДВА ГОРБА, ПОТОМУ ЧТО ЖИЗНЬ — БОРЬБА!

Не умею и не люблю разводить сопли и вести душещипательные разговоры. «Титаник» бы мне не удался. Гораздо больше нравятся фильмы-катастрофы, где все рушится, падает и взрывается, а в конце потный и грязный, но счастливый и справедливый победитель празднует очередную победу над форс-мажорными обстоятельствами. Именно таким победителем (иногда и потно-грязным) представляется мне наша 101-501 группа. Мы побеждали всегда и везде.

Везде, где бы мы ни появлялись, мы оставляли за собой дымящиеся развалины. Мы — типичные «хорошие ребята». Суровые, но справедливые. Один за всех, и все за одного. Потому нам все и удавалось, что на любую неприятность мы наваливались толпой. А такая толпа способна на все, что угодно. Мы не дрогнули даже перед самой злобной в мире теткой, которая преподавала что-то вроде экономики. Дружным хором мы подтвердили ей нашу поголовную тупость, глупость и неспособность мыслить, после чего она только проскрежетала зубами и чемпионским броском отправила пачку наших работ в мусорное ведро.

Вообще любой экзамен или зачет для всей группы представлялся чем-то совершенно ужасным. Перед каждым таким испытанием мы призывали все силы небесные. Правда, просили мы их не помочь НАМ, а помешать ИМ (извините, нас, пожалуйста, если получалось). Даже сейчас, на 5 курсе нас очень тяжело загнать в аудиторию к преподавателю. «Перед смертью не надышишься» — это не про нас. Еще как! Все, кто более-менее чего-то знал (а были и такие) сдавал первым и рассказывал все что знал остальным. Таким образом «надышавшись» перед дверью у нас сдавали все. Даже приметы появились. «Воробыи» (Смоляная-Ровнушкина-Белугина) всегда ходили вместе, а мне и Севке Доможирову просто ни в коем случае нельзя было находиться рядом. А если, даже не смотря на все наши старания, не получалось, то мы смертельно обижались и грозили кровной мстостью. Благодаря нашей группе Университет никогда больше не увидит философа-солдафона Бурцева, который заставлял конспектировать «Государство» Платона (300 страниц!) А на вопрос: «Зачем?» выдавал совершенно идиотский ответ: «Как зачем? У меня журналисты всегда конспектируют Платона!» Не надо нас сердить! Вопль души, оформленный в виде заявления на имя ректора, спас все последующие курсы.

А колхоз? После того как прошла картошка, судебное заседание, «День колхозника» и выдача зарплаты романтика улетучилась, но остался один вопрос и чисто журналистский интерес: «А правда ли, что начальник Толя Сухов с каждого колхоза по новой машине имеет?»

Поинтересовались, предъявили факты продажи нашей честно собранной картохи на сторону и посчитали цифирки. Что-то там подтвердилось, и Толю мы больше не видели. Справедливость в очередной раз восторжествовала! Если со стороны это кажется просто черной неблагодарностью за лучшие моменты студенческой жизни, то смею вас уверить, так кажется только со стороны. Не мыться по три недели, ползать по борозде под дождем и градом... Это на самом деле был героический труд. Конечно, мы помним и все хорошее и веселое, что там было.

Но это самое хорошее мы там тоже создавали себе сами. Самодостаточные мы очень. И наживаться на нас никому не позволим. Где сядешь, там и слезешь. Что уж говорить про силы природы, на которые нам просто начать! Зимняя поездка на мою дачу наверняка запомнилась многим (особенно тем, кто потом стирал свою одежду). Уральский мороз был только на пользу. Закалка. Тел и душ. «Гвозди бы делать из этих людей!» Это точно. Гвозди из нас получились бы прочные. Только вредные. Бывают такие — по ним бьешь-бьешь, а они извиваются, погибаются и ни в какую не забиваются. Вот мы точно такие же. Абсолютно.

Григорий ЛОМАКИН

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

За годы учебы на журфаке закадычных друзей (в прямом и переносном смысле) у меня не появилось. В общежитии не жил. И даже ни разу там не был. Все общение начиналось и заканчивалось в «альма-матеровских» стенах. И ограничивалось обсуждением связанных с учебой вопросов.

Но получилось так, что у нас с Наташей Хрущевой оказалось одно место работы. Это дало возможность присмотреться к ней повнимательнее. И тут я понял, что, кажется, не умею разбираться в людях. Когда газете «Трасса» понадобился корреспондент и она предложила свою кандидатуру, я, честно говоря, сильно засомневался, стоит ли это предложение принять. Но решил попробовать... И был приятно удивлен — Наташа преобразилась. Не отличавшаяся «особейшим» мнением на семинарах и лекциях, она в своих материалах очень неординарно взглянула на стандартные ситуации и обычных людей. Новые идеи всколыхнули коллектив. Удивительное дело, незаметная «серая мышка» с задней парты обрела вдруг уверенность и оригинальность мыслей и как будто даже внешне изменилась, стала вроде бы выше и стройнее. Кажется, человек нашел в жизни что-то свое...



Наталья МОШКИНА

КСЮХА — КИПИШ

Ксюху Избышеву я увидела первый раз в курилке (где она еще могла быть?). Ксюха на весь этаж рассказывала очередную историю то ли своего похищения, то ли возвращения... В общем, история роли не играет. Главное — Ксюха. Вот где талант журналиста! Ее слушали все. Не важно, на какой раз и с какого места. История все равно была

захватывающая. Как и сама Ксюха, которая без стеснения прихватывала проходящих за локотки.

Потом была сессия. (А что сближает студентов лучше, чем сессия?) Ксюха дрожала, сдавала, ее замечали со шпаргалками — не сдавала, опять дрожала, забывала тексты по русской литературе, не сдавала, не приносила из дома контрольные по русскому, опять не сдавала. И каждую нашу встречу начиналось: «Не, ты прикинь...» Дальше шло все, что Ксюха думала о себе (ненормальная, психованная и так далее, и тому подобное), о преподавателе (...), о необходимости высшего образования, о жизни, о мировой цивилизации... Наконец-то все выдохнули — сессия кончилась.

Ксюха стала устраиваться на работу. Перепробовала практически все: от сотрудника информационного агентства до редактора аналитического отдела. И, наконец, нашла. Нашла, надеюсь, то, что ей надо. Сейчас Ксюха — репортер «Новостей «Студии-41». Видеться мы стали меньше: Ксюха работает допоздна, я тоже. Но Ксюха остается такой же, как и была. И мне кажется, останется такой на всю жизнь. Каждый раз, когда встречаемся, все начинается с того же, что и несколько лет назад: «Не, ты прикинь...» Удачи тебе, Ксюха.

Светлана НЕФЕДОВА

ПЕРВАЯ. ЕДИНСТВЕННАЯ. НЕПОВТОРИМАЯ

Думаю, мало, кто будет оспаривать то, что наш курс — один из самых ярких за всю историю журфака.

А лично для меня и моя первая группа была лучшей из всех. Хочу объяснить, почему так считаю. Наш факультет — факультет «непризнанных гениев», а, следовательно, одиночек. И моя группа — не исключение. Может, конечно, «гениями» мы себя не мним. Но уж «талантами» — точно. Хотя бы в глубине души. В этом мы такие же, как все. Но в чем же тогда разница? Главное, на мой взгляд, то, что мы, первая группа, каким-то непонятным образом смогли найти «золотую середину»: мирное сосуществование лич-

ных и общественных интересов. То есть, оставаясь самостоятельными, интересными, независимыми личностями одновременно смогли стать достаточно дружным коллективом. А это бо-ольшая редкость на журфаке. Видимо, это как в мозаике: частички отдельные, непохожи друг на друга. Но при определенных обстоятельствах они складываются в одну общую картинку. И ты видишь, что связи между ними все же существуют. И без каждой из частичек не могло бы получиться общее целое.

Но вот что это за обстоятельства? Почему у нас они так сложились, а у кого-то нет? Я до сих пор не могу найти для себя ответ на этот вопрос.

Но, так или иначе, а наша группа очень отличалась от второй. И легче будет описать свою группу, поставив ее в сравнение с телерадийщиками. Вот, например,

...Как мы учились

Училась, вообще-то, вторая группа. А мы, как бы это сказать, скорее, «получали образование». Нет, мы тоже время от времени заглядывали в книжки. И даже в читалке. Но в ней сидели чаще только по причине того, что делали все в последний момент. Тогда как умные люди из второй группы за-а-долго до нас «сметали» все книги с полок научного и учебного абонементов.

Наверное, какой-то особый, свойственный нашей группе «пофигизм» мешал нам «блистать» на экзаменах. Многим было безразлично то, сколько пятерок будет стоять в их зачетке. (Да, оговорюсь сразу, что я сейчас говорю о группах, как о чем-то отвлеченном, среднем, не касаясь отдельных людей. Потому что, конечно, люди были разные. И у нас, и у телевизионщиков).

У нас, газетчиков, редко кто стремился особо выделяться. А если кто-то это делал, ему не мешали, потому что каждый имеет право на самовыражение. Правда, когда, курсу к третьему, некоторые особо ушлые люди из второй группы поняли это, то стали приходить на наши семинары и занятия по стилистике. Ведь у них каждый так стремился что-то сказать преподавателю, что времени не хватало. А у нас... Да хоть всю пару говори! (Что, кстати и проделывала Инка Домрачева на семинарах по философии у Бурцева). Правда недавно, на зачете по истории России XX века, когда сидели вместе обе группы, и состоялось что-то вроде коллоквиума, «солная партия» перешла в руки первой группы. Почему так получилось? Точно ответить не могу, а врать не буду.

Из всего вышесказанного вытекает то,

...Как мы сдавали сессию

Понятно, что по-разному. Первая группа сдавала все по принципу «как Бог на душу положит», вторая группа — строго по очереди. Помню, как на зачете по русской литературе (принимал Подчиненов) в аудитории сидели два человека и с умным видом тянули время. А терпение Евгения Степановича Зашихина мы испытывали аж дважды (на зачете и на экзамене). Он за

один день трижды (!) приходил, чтобы продолжить принимать зачет у очередной кучки «решившихся». Апофеозом, считаю, был у нас зачет по маркетингу. (Его вела тетенька — однофамилица М. Ф., но она отличалась дикой нелюбовью к журналистам). Ей мы сдавали зачет тестом. Минимальное количество баллов, которое нужно было набрать — 11. Приходит Попова с результатами теста:

— Странно. Вроде бы я лекции для всего потока читала. Но в то время как у второй группы по 16-17 баллов, у вас, кроме двух человек, все прошли по грани — 11 баллов! Вы что, самая тупая группа, что ли? — возмутилась она.

— Ага! — так радостно и, главное, дружно согласились мы, что преподаватель впала в шок. Состояние.

Кто-то может сказать: ну и что тут хорошего? Чему ты это так радуешься? А радуюсь я тому, что даже во время сессии (а может, в этот период даже в большей степени), в нашей группе проявлялась черта, которой, как мне кажется, очень не хватало во второй группе — взаимовыручка. А ведь, порой, вовремя сказанное ободряющее слово помогает человеку больше, чем кипы прочитанных книг.

Ну, вот так мы и учились, а теперь о том,

...Как мы отдыхали

Даже в этом газетчики отличались от телевизионщиков. Мы как-то умудрялись, при всей своей занятости, находить время для общих дел: выпуска газет, «отметания» праздников. (Правда, справедливости ради, надо сказать, что были у нас и «курсовые» праздники. Но редко. И, оказалось, что целиком смешивать две, по-своему хороших, но все же разных группы... Лучше не надо. Хотя кто-то (имен называть не буду), думает иначе. А вот в определенных «дозах» смешение все же получалось очень неплохим. Но это были исключения, подтверждающие правило.)

Справляли мы не только Новый год, 8 марта, 23 февраля, но и Дни рождения, 7 ноября, окончание сессии... Да мало ли поводов, чтобы собраться вместе!

Мне особенно помнятся вот какие праздники.

Первый — это тогда, когда Наташка Хрущева вышла замуж. Мы подарили ей небольшой, но, надеюсь, нужный подарок — сковородку и всей группой ушли с какой-то пары в столовку «отметать». Правда, после «банкета» вернулись на занятия. А народ из второй группы ходил и злобничал: «Опять газетчики что-то праздновали!» И с подозрением заглядывали в заметно повеселевшие глаза людей из первой группы.

Вторым, наиболее дорогим праздником стал для меня мой собственный день рождения. Было это на втором курсе. Денег у меня не хватало даже на чай с тортом. Поэтому я тихо-мирно сидела на задней парте и дулась на весь мир за то, что не родилась дочерью, по меньшей мере, владельца кондитерской фабрики. Настроение было настолько низким, что я даже не слу-

шала лекцию Розы Михайловны. И вот сижу, помираю с горя. С начала пары прошло минут десять. Тут открывается дверь, входит Анька Елшина, а в руке у нее три разноцветных воздушных шарика. Так вот эти шарики буквально «вернули меня к жизни». Но шариками дело не закончилось. Потом, после пары, от группы мне подарили бейсболку (чем руководствовались при выборе — до сих пор не пойму), и орхидею. Вот тут я, честно говоря, чуть не прослезилась. Это был самый лучший день рождения в моей жизни.

И еще мне помнится один из 23 февраля, потому что именно в этот день меня выбрали старостой. Это надо было видеть! Бегу я со штопором из деканата. Захожу в аудиторию, щас, думаю, подарки подарим, тортики съедим.... Захожу, а мне с порога говорят: «Света, мы тут посоветовались и решили, что ты будешь у нас старостой». Я только рот открыла... Вот тебе и 23 февраля, мужской праздник... И согласилась. (Кто-то в этом сомневался?)

А до меня в группе сменилось уже три старосты... Стоп! Это уже рассказ о том...

...Как мы жили

Первой старостой была Лидка. Она вообще на 1-2 курсах была у нас бесспорным лидером. Но потом «Теленеделя» окончательно «призвала» ее в свои ряды. Лидка — человек, который любит «напустить дыму» вокруг собственной персоны, любит «мелко попокастись», прекрасно умеет поставить человека в тупик, она может «придуриваться», «издеваться» над тобой, но если что-то серьезное... В таких случаях она будет вести себя соответствующе. Например, работа — это серьезно. Поэтому Лидке, наверное, несколько раз и грозили отчислением. Но... Одним словом — это же Лидка.

Особенно вредной она была на занятиях по русскому языку, к которому большой любви не питала. До сих пор помню некоторые случаи. Например, как-то Мария Александровна Очеретина заметила, что я и Лидка, сидя на своей любимой задней парте, усиленно обсуждаем что-то, к русскому языку явно не относящееся. И это в то время, когда остальные, как «умные», пытаются разобрать по составу предложение!

— Лидка! — сказала Машенька (так мы ее называли). Лидка в ответ подняла на преподавателя взгляд. И сделала сосредоточенно-умное выражение лица.

— Лидка! Что такое «вставший»?

— Определение.

— Определение чего?

— Как чего? Коня, конечно!

И еще один из случаев, который показал Марии Александровне, что мы не такие уж маленькие дети, какими мы ей казались.

Разбираем по составу слово «писать». К доске вызывают Лидку.

Она, было, подняла руку с мелом, чтобы выделить корень (слово уже было написано на доске). И вдруг начинает хихикать:

— Мария Александровна, — говорит Лидка, — тут, извините, слово неприличное получается... (Дружный хохот в аудитории. Машенька краснеет.)

— Да... — наконец произносит она. — Предупреждали меня на кафедре, что с журналистами этот номер не пройдет...

Еще иногда мы иногда «наезжали» к Лидке на дачу отмечать окончание сессий. А однажды даже помогли докопать картошку. (Дело было на втором курсе. Девчонки еще «скачали по колхозу»). С этой картошкой тоже связано хорошее воспоминание.

Копали мы парами. Я копала с Настей Ровнушкиной. Вернее, копала-то она, а я картоху в ведро собирала. Все бы хорошо (мы обогнали всех!), но Настя постоянно попадала вилами между клубней. Сначала я думала, что так и надо. Ну, копает человек ряд целиком: между клубней — клубень и т.д. А потом, немного погодя, все же спросила, что это за особенный способ.

Настя посмотрела на меня грустными глазами, шмыгнула носом и сказала:

— Да ничего особенного. Просто я очки не надела. И не вижу, где есть куст, а где нет.

...Вторым старостой был у нас Сашка Сапожников, который куда-то внезапно пропал, кажется, после второго курса. Избран он был достаточно смешно. Выдвинул свою кандидатуру сам. Ну, кто-то его возьми, да спроси:

— А какой будет твоя предвыборная программа?

— Я буду следить за посещаемостью... — начал Сашка.

— Ну, нет! — тут же зашумели все.

Да уж, чего-чего, а контроль в нашей группе никогда не любили. Но, после небольших уступок с Сашкиной стороны его единогласно выбрали старостой. Потому что... кому оно надо? Быть старостой — не слишком большая радость. Профессия нервная и вредная для здоровья. Поверьте мне.

Ольга Гауман была третьей старостой. Время ее «самоуправства» помнится мне большим количеством «шуточек». (А сколько их еще бродит в ее голове!) Об одной расскажу. Как-то, после получения очередной стипендии, Ольга решила малость «отыграться» за свои «труды тяжкие». И написано было объявление, примерно такого содержания: «Люди! Мы ушли в ресторан «Астория». Кто хочет получить стипендию, торопитесь!» Честно говоря, мы думали (а на свое счастье, рядом с Олей в это время оказались я и Сева), что такой глупости никто не поверит. Так ведь нет! Поверили! Даже Лидка, (которая редко чему и кому верит и доверяет), когда увидела объявление, завозмущалась:

— Вот ведь куда пошли! Да им же денег не хватит!

Но самое интересное, как потом нам рассказали те, кто не поленился и дошел до «Астории» — у ресторана был выходной день.

Времена моего «чуткого руководства», если говорить без ложной скромности, действительно, этой чуткостью и отличались. Правда, никто не знает, сколько раз я клялась себе, что: «Это последний раз. Да чтоб я когда-нибудь еще кому-то помогла! Да никогда! Да нужна мне эта ответственность!» И... в

очередной раз бегала, беспокоилась. А потом снова ругала себя за бесхарактерность.

...Такой вот была моря первая группа: дружная, пофигичная, веселая... разная. То есть такая,



...Какими были люди, составляющие ее

Мне очень сложно рассказывать о ком-то одном. Как-то получилось, что мимо меня не прошел «бесследно» ни один человек. О каждом могла бы написать по отдельной статье. Но, кажется, я и без того «переписала». И все же не могу же я не рассказать о тех, кого люблю и уважаю чуть больше, чем других.

Про ЛИДУ МИТЮШКИНУ я уже писала. Так что постараюсь коротко и без повторений. Мы очень разные. Можно сказать, полные противоположности. И как мы еще ни разу не подрались?

АНЮ ЗУЕВУ я знаю класса с восьмого, так как мы были с ней в одном пресс-центре. Про Аньку, курсу этак к третьему, все давно уже поняли, что она — «законченная» отличница. В это, пожалуй, не может поверить только она сама. Но уж если дан ум человеку, то этого никуда не денешь и не спрячешь. Анька, порой, бывает безумно доверчива. Может иногда поверить в самую глупую «придумку», которую не единожды, «любя», выдумывали для нее на ходу Сева с Максом. Они понимали, что так нельзя, но не могли, видимо, устоять перед соблазном: увидеть Анькины широко раскрытые глаза и обреченный взглас: «Что, это правда?»

Еще одной отличницей в группе была МАША КРЫЛОСОВА. С ней я сдружилась на второй практике, когда мы отправились в город Артемовский. До сих пор вспоминаем, как прожили больше месяца на раскладушках в актовом зале редакции. И как я почти ежедневно мучила Машу своим излюбленным блюдом — жареной картошкой. Меня всегда поражала одна ее способность — быстро схватывать суть прочитанных книг. Да и работоспособности у Маши — бескрайнее море. А помните, как она, получившая автоматы, приходила на экзамен и в коридоре буквально десятками раз пересказывала тексты по литературе, давала ответы на нужные билеты. И как она держала все это в голове? Не понимаю.

СЕВУ ДОМОЖИРОВА я тоже знаю давно. И до сих пор не видела лучше-го джентльмена, чем он. Можно было всегда быть уверенной в том, что именно он уступит тебе место в переполненной аудитории, общественном транс-

порте, предложит понести тяжелую сумку, придержит перед тобой дверь, извинится за то, что вовремя не вернул конспекты или книгу. Конечно, делали все это и другие. Но была одна небольшая, но существенная разница — у Севки такое джентльменское поведение к женской половине не ограничивается отношением к любимой девушке или узким кругом однокурсниц. И не зависит от погоды, настроения, недостатка времени, еще каких-то причин.

ЛЕШКА КАШПУРОВ, когда я его впервые увидела, поразил меня своим невозмутимым спокойствием и неулыбчивостью. Правда, потом оказалось, что он умеет не только улыбаться и смеяться, а даже обладает достаточно хорошим чувством юмора. Да и свойство характера — быть «спокойным как танк» тоже может ему изменить. Правда, о-о-очень редко. Зато лично на меня, как на человека, который за все и всегда слишком переживает, его спокойное: «Успеем. Не волнуйся», — действовало безотказно. И еще, говорят, «у дураков мысли сходятся». Так, это, пожалуй, к нам отчасти тоже можно отнести. Ну, как иначе можно объяснить тот факт, что все пять лет мы (не сговариваясь!) писали курсовые, а потом и дипломы у одних и тех же преподавателей. Причем, первые три года на практически идентичные темы (одно, что названия отличались).

...Может, когда-нибудь я (или кто-то из нас), напишет книжку о группе, о курсе, где будет и НАТАШКА ЖЕРДЕВА, с ее безумной привычкой опаздывать всегда и везде часа на два. И НАСТЯ РОВНУШКИНА, АНЯ ЕЛШИНА, которых лично я считаю одними из наиболее талантливых моих однокурсниц. И АНЯ БЕЛУГИНА. На мой взгляд, одна из немногих, кто сумел найти ту работу, которую и хотел бы найти. И МАКС КИРОВ с его гитарой и упорным нежеланием не орать громко в микрофон. И НАТАША ХРУЩЕВА. Очень душевный и добрый человек, с которым всегда приятно поговорить «за жизнь». И ГЕНА КАЧИНСКИЙ, который из «трудоголиков учебы» превратился в самого заядлого ее «лодыря». И МНОГИЕ, МНОГИЕ другие. Без каждого из которых, мне кажется, не могла сложиться моя ПЕРВАЯ, ЕДИНСТВЕННАЯ, НЕПОВТОРИМАЯ группа.

Эдуард НИКУЛЬНИКОВ

ОПТИМИЗМ И ФАНАТИЗМ САШИ ЖЕСТКОВА

С Александром Жестковым я познакомился в самом начале первого курса. Он был моим одноклассником на протяжении двух лет. Затем трудовые подвиги на ниве журналистики вынудили его перевестись на заочку. Тем не менее, наша дружба, несмотря на то, что видеться мы стали гораздо реже, все же не прервалась.

Описывать личность Саши дело непростое и легкое одновременно. Хотя, скорее всего, больше непростое, ведь очевидные вещи порой воспринимаются как раз-таки с большим трудом. Лично я до сих пор не могу понять, почему же мы так сильно друг к другу «прикипели». Практически все наши с



ним общие знакомые отмечают, что мы с ним слишком разные люди, абсолютно разные. Он — вечно веселый, я же, напротив, больше серьезен и задумчив. Но это, что называется, на виду. На самом же деле, внутренне, душевно мы потрясюще близки.

Не буду оригиналом, если скажу, что взаимопонимание — ключ к дружбе. Понимания людям сейчас катастрофически не хватает. И в этом я разделяю характеристику нашего времени, которую дал Андрей Макаревич: «Эпоха большой нелюбви». Эгоизм и цинизм стали символом, если не стилем времени. И попробуй в этом кого-нибудь упрекнуть! Сочтут слабым или добрым (не удивляйтесь — слово «добрый» уже превращается в ругательное). Так вот на удивление у нас с Сашей это взаимопонимание

наступило довольно быстро. Просто стали дружить. Наверное, потому, что каждый видел друг в друге частичку себя.

Вообще, настоящих друзей у меня в жизни можно пересчитать... хотел сказать по пальцам рук, но хватит и нескольких пальцев — настоящих друзей, наверное, не больше двух-трех. Почему так мало? Видимо, слишком я к людям требователен. Впрочем, судите сами. Ведь что такое в моем понимании настоящий друг? Прежде всего, это человек, за которого хочется радоваться в тот момент, когда у него успех, и переживать в случае неудач. Когда же ты видишь то же самое с другой стороны — ну разве это не здорово! Откуда это идет у нас с Сашей? Дело в том, что есть у Саши такая черта, без которой наши отношения вообще не сложились бы. Он не умеет хвастаться. Многие согласятся с тем, что бывает довольно трудно общаться с людьми, чего-то добившимися в жизни. Часто среди этих людей встречаются такие, которые начинают давить на тебя своими успехами и авторитетом. Одни делают это сознательно (ужас!), другие совершенно неосознанно (вот это особенно «тяжелый случай»). После общения с таким «другом» его не хочется видеть лет 10, не меньше, если конечно, не ставить своей целью заискивание. Но это без меня. В «Подростке» Достоевского главный герой довольно четко описал эту проблему: возвеличивая кого-то, потакая его хвастовству, люди неизбежно принижают тем самым себя. А какая из этого может быть дружба? Правильно — никакая. Отрадно, что мы с Сашей этого избежали.

А еще Саша любит, нет, обожает Москву. И журналистику: он фанатично, неизлечимо ей болен. Откуда у него эта страсть, лично для меня до сих пор остается какой-то загадкой, хотя загадкой больше условной, ведь все лежит на поверхности. Помнится, однажды он рассказал мне, когда у него нача-

лось такое «помешательство». После просмотра у себя в Березовском первого выпуска программы «Вести» он сказал себе: «Я хочу работать в «Вестях». Сказано — сделано. Сейчас он там и работает. В «Вестях», в Москве.

И в этом отношении многим из нас, безусловно, есть чему у него поучиться, правда, если научиться фанатично любить вообще возможно. По-моему, это врожденное. Без страсти же начинать любое дело совершенно бесперспективно. Почему? Да просто в этом деле обязательно найдутся те самые «страстные», которые именно в силу своей страстности и упорности наверняка будут более успешными. Так уж получилось, что лично я этих казалось бы простых вещей очень долгое время не понимал. Потом, конечно же, понял (не без помощи Саши), то есть пришел к этому выводу логически, путем раздумий. А вот у Саши почему-то не было всех этих раздумий и выводов. Было просто страстное, возможно, неосознанное желание.

После довольно продолжительного общения с ним у меня сложилось довольно твердое убеждение в том, что чего бы он не захотел, это неизбежно сбывается. Когда после окончания первого курса мы с ним оказались в Москве, ему пришла в голову идея «съездить на денек в Петербург, просто так, прогуляться». Чуть ли не на следующий день мы уже гуляли по Невскому проспекту, попивая пиво, насквозь мокрые от дождя. Вот такой он — Саша Жестков. «Многие боятся мечтать», — часто говорил он. — «Боятся потерять то, что уже имеют, даже почти ничего не имея. А ведь возможно все, все, что угодно». Такой вот оптимистичный у меня друг — Александр Жестков.



Анна ПЛОТНИКОВА

«ПЕРВОГАЗЕТЫ» ПЕРВОГО КУРСА

Всех своих друзей-однокурсников я нашла во время учебы на первом курсе. С Ириной Смоляной, Инной Домрачевой, Машей Крылосовой и присоединившейся к нам впоследствии Настей Ровнушкиной мы сначала просто общались, пели вме-

сте песни под гитару, вместе прогуливали пары. А потом на факультете появилась газета «Голос народа», издаваемая Максимом Шишкиным и К°. Это издание как бы представляло нашу группу и даже весь курс, но нас это несколько не устраивало. И тогда мы решили делать свою газету. Так появилась «Воробей». Название его, по большому счету, взято с потолка. Это уж мы потом придумали, что он, дескать, маленький, но живучий, везде летает и

все знает, а тогда мы просто открыли большой орфографический словарь на первой попавшейся странице, и нашли это слово.

«Воробей» прожил полтора курса (10 номеров). Это было чудное время, когда каждую неделю мы собирали всякие новости и смешные случаи и, сидя на лекциях, писали заметки, а потом в компьютерном классе журфака вместе с Олей Гауман, которая разбиралась во всех тонкостях компьютерных программ куда лучше нас, набирали, сканировали, верстали... Потом множили на ксероксе, иногда за деньги, а иногда на журфакофском ксероксе не без участия опять же Оли Гауман.

О чем писали «Голос Народа» и «Воробей»? Обо всем, что происходило и не происходило тогда на журфаке и за его пределами: о совместно проведенных праздниках, о событиях типа потери медной пуговицы и сдачи сессии, писали анекдоты, байки, стихи, забавные высказывания однокурсников и преподавателей. Например: «Дверь открывается, заглядывает преподаватель из соседнего кабинета и спрашивает:

— Ирина Борисовна, у вас есть дизентерия и брюшной тиф? Дайте, пожалуйста, на три минуты».

Или еще: «Меня, как нормального человека, послали на Агафуры...» (Социолог).

Все это время у нас не прекращалась вражда с газетой «Голос Народа». Они писали о нас, мы о них, но более деликатно, чем они (так нам тогда казалось). Они посылали нам проклятья, и мы им в ответ тоже. Однажды наши проклятья, посылаемые в сторону «ГоНа», сбылись. Я уж не помню, как они нам в очередной раз насолили, но мы на них тогда шибко злые были. Мы купили какую-то сомнительную выпивку под названием «Букет Кавказа» и при свете свечи в квартире Инны Домрачевой стали пить за то, чтобы вся оргтехника, к которой бы прикасались «их мерзкие руки» ломалась, чтобы они не смогли выпускать свою «мерзкую газетку» (надо заметить, что газета «Голос Народа» создавалась в редакции журнала «Уральский следопыт»). И каково же было наше удивление, когда очередной номер «ГоНа» запоздал и вышел в несколько непривычном виде, потому что компьютер в «Уральском следопыте» действительно сломался. Но радость была преждевременной, поскольку Максим Шишкин нашел выход из положения и стал выпускать газету на университетском компьютере. Заклятье сработало и в этот раз — журфаковский компьютер тоже сломался! В результате долгое время на факультете не появлялась ни та, ни другая газета.

Информационная война на курсе шла приблизительно в таком тоне: «Прогноз недели: По нашим систематизированным предположениям, оппозиционная пресса факультета вскоре после выхода «Воробья» напечатает статью, убивающую наповал безвредную птичку. Если мы не правы, что ж, значит, оппозиция оказалась умнее, чем предполагается». Оппозиция выбрала средний вариант: «Редакция «ГоНа» поздравляет младших сестер — ежемесячную газету «Воробей» с выходом первого номера и выражает надежду на послесессионное появление последующих номеров. Удачи вам, де-

вушки: как говорится, «первый блин комом»! В дальнейшем «Голос Народа» почти в каждом номере ожидал от «Воробья» какой-нибудь «разносной» статьи: «Очень скоро редакция «Воробья» с участием Александра Сапожникова выпустит статью о том, что «Голос Народа» — это «туфта» и филькина грамота, а «Воробей» — это не только агитатор и пропагандист, но и коллективный организатор. Читайте в ближайших выпусках статью Александра Сапожникова!» Мы действительно на них страшно злились и хотели написать что-нибудь такое, но природная скромность и тактичность не позволила нам этого сделать. Тем не менее, мы нашли «свежее решение», интеллигентное, как нам казалось, и остроумное: «Мы над «ГоНом» не издевались, не жгли его, не обзывали, редколлегия не терроризировали. Но обманывать надежды мы не можем. Как-то совесть не позволяет. Поэтому мы и решили извратиться иным образом. Нагло и цинично. Взяли мы «ГоН» и... затранскрибировали! [ГОЛЪС Н&РОДЪ]. Редакция».

Сейчас я перелистываю номера «Воробья» и «ГоНа», смотрю на эти наши «первогазеты», вспоминаю, как это все было. И мне почему-то сразу хочется позвонить людям, с которыми я так давно не общалась, и говорить с ними о чем-нибудь хорошем. А еще я думаю, что эти же самые номера лежат где-то дома у моих друзей и однокурсников, и когда они случайно наткнутся на них, перебирая старые бумаги, то непременно улыбнутся.

Анастасия РОВНУШКИНА

ЖЕНСКАЯ ДРУЖБА: МИФ ИЛИ «ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ»?

Неудивительно, что я пишу об Ирине Смоляной. Она, пожалуй, самая близкая моя подруга. Есть еще Нютик, но та вышла замуж. А замужем уже не до девичников.

С Иришкой мы дружим с первого курса. Сами понимаете, основу девичьей дружбы составляют посиделки, во время которых можно поговорить о мужиках, поплакаться друг другу в жилетку, обсудить все детали, попытаться найти выход, а под конец затянуть слезную бабскую: «Белым снегом, белым снегом...» Надо сказать, поем мы с Иришкой хорошо. По крайней мере, нам нравится. Причем каждая в отдельности поет тоже ничего, но вместе получается значительно лучше. За пять лет мы так спелись! Правда, к несчастью, поем в последнее время все реже — романтика с годами выветривается, да и свободного времени для бабских посиделок все меньше становится.

Мы с Иришкой очень разные, но бесспорно схожи в одном — любим за жизнь поговорить, пофилософствовать. А еще путешествовать любим, причем вместе. Пробовала я как-то путешествовать без Иришки — все как-то не так! Врать не буду, тоже весело было, но по-другому. Одиноко как-то.

Когда мы в первый раз в Питер ездили, то в конце концов чуть не поругались. Представьте себе: день и ночь видеть перед собой одно и то же лицо. А уж с учетом того, что мы все-таки очень разные... Сижу я как-то, детектив читаю, а Иришка перед зеркалом прихорашивается. Причем просто прихорашиваться она не может, она еще и болтать при этом хочет: «Ну поговори со мной, ну убери книжку...»

Замучаешься, ей-богу! Ну, очень активный человек. Вылезли мы как-то темной ночью во двор моей дачи после дружеской попойки. «Настюха! Ну смотри, какие звезды!» «Иришка, ну пойдем спать, ну я спать хочу!...»

Есть люди, которые хотя бы примерно знают, чего они в жизни хотят. И кого. А есть такие, которые вечно терзаются сомнениями и ищут, ищут, находят и не знают — то ли это. Иринка и я — из последних. И если у меня очередное разочарование — бегу к подруге. При всей своей активности и болтливости (в хорошем смысле этого слова) выслушать она умеет. Причем не просто слушать, ожидая, пока человек выговорится, а стараясь вникнуть, понять, помочь. Качество, между прочим, очень хорошее. У меня его нет. Я в подобных случаях могу лишь чайку заварить и пролепетать: «Ну успокойся». На большее меня не хватает, не знаю даже, что и сказать. А Иринка умеет всякий раз внушить мысль, что на самом-то деле жизнь удивительна, и все последующее будет лучше предыдущего. Она не говорит: «Забудь!». Понимает, что забыть не всегда уместно. Лучше вынести для себя какой-то урок, потому что ясно, что как бы ни хотелось учиться на чужих ошибках, все равно приходится на своих.

Моя мама в женскую дружбу не верит. Все ей мерещится разлучница, которая парня отобьет. А я вот верю. И в женской компании совершенно не скучно. Мы, к примеру, женским составом группы к Лиде Митюшкиной любим на дачу ездить. Аргумент очень весомый: и за собой особенно следить не надо, и вообще расслабиться, и откровенно поговорить. Интересно, закончим мы учебу, замуж повыходим, деток нарожаем, будем ли также встречаться? Хотелось бы...

Анна САПЕГИНА

ПОТЕРЯННАЯ ЮЛКА

Само собой разумеется, что начинали мы учиться в более многочисленном составе, чем заканчиваем. Нет больше с нами Антоши Ложкина, Геши Герасимчука. Нет и Юльки Насртдиновой. Помнят только, что даже невооруженным взглядом можно было заметить ее нерусскую национальность. Но я-то хорошо знаю — она наполовину татарка, наполовину башкирка. И даже благодаря ей неплохо разбираюсь во всей этой тюркской мешанине. Даже на первом курсе она легко сходилась с людьми. Помню, она подошла ко мне первая и лучезарно улыбнулась. Пушистые совершенно рыжие волосы, узкие светлые глаза и веснушки, веснушки. Ее страсть — всякие побрякушки:

браслетики, колечки, висюльки. Все это она одевала разом, а потом раздари-вала. И закупала новые. Оптом.

Первый семестр мы сидели вместе на первой парте в четвертом ряду. Две длинноволосые румяные хохотушки. Люди иных национальностей для меня всегда были загадкой. У Юли национальных особенностей масса. Например, она большая транжирка. Сколько бы не присылали ей денег родители, она все спускала в первые три-четыре дня. Занимала друзьям, действительным и мнимым. Накупала безделушек и просто теряла. Конечно, скажете вы, так делает любая молоденькая легкомысленная девушка. Но не в такой же степени!

Потом, Юлька водила знакомства преимущественно с людьми своей и родственных ей национальностей (таджики, азербайджанцы, казахи и т.п.) Нет, конечно же, это совсем неплохо. Вот только отец ее ребенка, таджик, так и не сделал ее счастливой.

Живет она в поселке Тарко-Сале, Тюменской области, Ямало-Ненецкого округа. Сейчас там, наверное, сорок градусов ниже нуля, а может быть и пятьдесят. Тогда все сидят дома и смотрят телевизор. Но Юля все равно ездит на работу, потому что работает она на телестудии. А летом у них бывает очень жарко, но недолго, недели три-четыре. И тогда все выходят на улицы и веселятся день и ночь, а ночи в это время белые. Люди знают — им предстоит еще один год зимней спячки, надо успевать жить.

Приехав в Екатеринбург, Юля продолжала жить в этом ритме — успевала, пока не холодно. А так как в этом городе настолько холодно не бывает, то праздник был каждый день. Учеба, естественно, начала мешать. На учебу Юля «задвинула».

Особенно мне запомнилось, как мы отмечали ее день рождения в мечети. Представляете, в настоящей мечети. И туда пускали женщин, даже туда, где молятся. Мы ели настоящий плов, с бараниной. Потом Юлька пропала надолго, даже я, ее лучшая подруга, не могла ее отыскать. Вторую сессию она даже не пришла сдавать. Ее исключили.

Родители забрали ее, беременную, в Тарко-Сале. Сейчас у нее прелестная девчушка. Два года спустя после исключения Юля Насртдинова снова поступила на заочное отделение журфака. Работает в молодежной редакции, занимается любимым делом. А я сравниваю ее с растением, которое не смогло прижиться на чужой почве. Как ель, которая никак не хочет расти южнее.

Анастасия СИЛАНТЬЕВА

ЗА МОЮ ГРУППУ

Мою группу все преподаватели называют самой лучшей (нисколечки не вру, спросите у ребят и у преподавателей). В течение какого времени они не встречали таких хороших студентов, не уточняется. Видимо, давно, отчего моя гордость еще больше растет. Первая группа после нас боялась сдавать

экзамены. Говорят, что сложно. Видимо, мы правда такие хорошие и умные. За все пять лет из группы никого не отсеяли за неуспеваемость: либо сами ушли (как Оксана Магарас), либо перевелись на заочное отделение, либо родили по ребенку (Оксана Кузнецова с Тоней Лямцевой), или женились (рыжий и спокойный Дима... ну вот, уже не помню, как его фамилия!).

Мой, к сожалению, бывший сокурсник (бывший, потому что сейчас он учится на заочном отделении) Саша Жестков был любимцем не только обучающего персонала, но и всех девочек без исключения. Несмотря на то, что красавцем его не назовешь. Но ведь главное не внешность, а беспросветное обаяние. Это Саша понял давно, и всегда им — обаянием — пользовался. Помню, он провожал меня и еще несколько сокурсников со своего дня рождения (а жил он в Березовском). Тогда мы с ним поспорили. Он говорил, что в нашем городе в плане журналистики делать особо нечего, только себя губить и нужно срочно уезжать в Москву, а я — что не место красит человека, а человек место; у нас, мол, тоже можно кое-чего добиться. В конечном итоге, Сашенька попал в «Вести», сначала работал в провинциальном Саратове, а теперь уже в самой столице. Приезжал недавно. Такой толстый стал. Я не потолстела. Из города не уехала. Зато в 21 год стала главным редактором очень интересной и пока новой в нашей городе структуры — радиосиндиката (такое есть пока только в Москве и в Питере). Вот и не знаю, кто из нас прав.

Иринка Шимова всегда была жуткой хохотушкой и умницей. Тоже решила, что здесь ей делать нечего. Она пошла дальше Саши (во всех отношениях): журналистику бросила и из страны уехала. Недавно вернулась и не могла уехать обратно — не давали визу. У нее в Америке есть работа и жених. Поэтому, вряд ли она сюда вернется. Эх, обидно такую дивчину «янкам» отдавать. Куда же вы, русские парни, смотрите???

Оксанка Кузнецова вышла замуж и родила совершенно замечательную голубоглазую девочку. Похорошела и расцвела. А вот Тоня Лямцева после рождения Маши совсем не изменилась. Все такая же веселушка и придумщица. А мужа себе нашла — само спокойствие.

...Всем остальным мы сразу понравились после дня первокурсника. Меня — мелкую карлоту — тогда заставили петь не басом, конечно, но очень низко. Весь зал смеялся, когда такой «пигмей» (так меня назвала Лидка Митюшкина) запел, мягко сказано, не свойственным ему голосом...

Сейчас вот вспоминаю, и жалость гложет до кончиков ушей: осталось видеть физиономии сокурсников всего ничего — несколько месяцев. Потом все пойдут работать. Ладно, если журналистами — увидимся на прессухах.

А если нет — через год имени друг друга не вспомним.

P.S. Эврика! Рыжий Дима носил фамилию Карманов.

ЧТО — ЛЮБИЛИ? ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ ПОМНИЛИ!

Говорят, что самые лучшие друзья — это те, с кем познакомился в студенческие годы. Наверно. Хотя на курсе есть ребята, с которыми за пять лет я не перемолвилась и десятью словами. Самые близкие — те, с кем жила в общестии. На первом курсе я не сразу заселилась в «общагу». Некоторое время жила на квартире. Когда познакомилась с моими будущими соседками и объявила, что переезжаю к ним, то встретила некоторый отпор. Они были не в восторге и решили, что быстренько выживут меня (это они мне позднее рассказали). Но в первый же вечер я их задобрива (кажется, сметаной), и меня оставили жить. С тех пор 209 комната стала моим домом, а они стали моей семьей: Юля Абрамова и Лена Кибкало.

Многие думают, что общежитие — это свобода, никакого контроля. Ничего подобного! Попробуй задержись на два часа или не приходи ночевать, девчонки будут волноваться не меньше родителей. Ни одна твоя проблема не ускользнет, все на виду.

Правда, от этого часто происходят ссоры. Мы сердились на Ленку за то, что она не умеет варить суп (сейчас научилась), нормально подметать пол и закрывать за собой скрипучую дверь. Она нервничала из-за того, что мы — копуши и постоянно опаздывали на пары (надо сказать, на первом году совместного проживания Ленчик имела очень мягкий характер и обладала ангельским терпением, сейчас это далеко не так). Но как бы там ни было, разъезжаясь на лето, мы писали друг другу: «Вернись, я все прощу!»

Часто на нашу комнату налетал «ураган» — Оксана Евдокимова. Я больше не встречала людей с такой неумейной энергией. На втором курсе мы поехали на турбазу на шесть дней. С утра мы ползали по лесным заснеженным горам, затем обедали и шли кататься на лыжах, затем тренажерный зал, затем коньки или санки, а вечером — дискотека. И так каждый день. К концу четвертого дня сил не было никаких, мечтали об одном — поспать. А неумейной Ксюше все было мало, обычно она и выступала инициатором очередного похода. Мы не прочь спортивно-развлекательных мероприятий, но не в таком же объеме! Поэтому когда Ксюша уехала на день раньше, мы облегченно вздохнули и отправились в библиотеку.

Такой же она была и в общении. Она хотела знать все: от твоей личной жизни до международной политики. Но часто создавалось впечатление, что она задает вопрос только для того, чтобы его задать. Начинаешь ей отвечать — перебивает и рассказывает сама. Но самое интересное, она и впрямь была в курсе всех дел. До сих пор не могу понять, как ей это удавалось. Еще меня всегда поражала ее непредсказуемость. Этот человек, который, рассказывая свежие новости кино и культуры, объясняя последнюю политическую реформу или обучая тебя немецкому, вдруг мог спросить: «Что, правда, в этом году будет зима?» Когда мы первый раз сдавали зарубежную литера-

туру Чернышову, Ксюше достался билет, которого она совершенно не знала. Первая ее эмоция, когда она села за парту, была: «Какой он молоденький!» А бывали такие случаи: она могла полчаса серьезно о чем-то тебе рассказывать, а на тридцать первой минуте, повторив свои же слова, Ксюша искренне удивлялась: «Это я так сказала?! Что, правда?!»

К пятому курсу у нас сложился анекдот: кто может учиться бесплатно одновременно в трех университетах (уральском, московском и австрийском). При этом успевать сдавать все три сессии и получать стипендию во всех трех университетах? Конечно же, Ксюша Евдокимова. Я не удивлюсь, если однажды узнаю, что она стала космонавтом, потому что на Земле ей явно места мало.

Хочу рассказать еще об одной девушке с нашего курса, менее сумасшедшей, но не менее феноменальной. Она начала учиться с нами только со второго курса. Сначала мы не общались, хотя она тоже жила в общежитии. Я вообще считала ее, извините за выражение, дурочкой. Однажды, придя домой, увидела, как она крутится перед большим зеркалом. Когда она ушла, Юля объяснила, что человек собирается в театр, и попросила оценить наряд. С тех пор эта гостья стала частым посетителем нашей комнаты.

Именно она может довести тебя до белого каления в первую минуту, а во вторую обернуть разговор так, что ты готова простить ей все смертные грехи. Я часто ворчала на нее за ее несобранность, за это она прозвала меня «маленькими злыми ушками». Учила жить, хотя мне ли ее учить?! Этот человек обладает таким жизненным опытом (это я поняла и оценила намного позже). Многие ссоры она запросто обращала в шутку, с юмором подходила к обидам, но если обижалась, то человек явно понимал, что не прав.

У тебя море проблем, ты сомневаешься, как поступить в той или иной ситуации или вообще не знаешь что делать, после того как ты просто поделишься с ней, удивляешься, как все можно просто разрешить. Она разбирается в людях, в их натурах и характерах. Вы хотите знать, кого я так расхваливаю? Это Настя Горчакова. Просто и ясно. С ней бы я пошла в разведку и не только.

Я сказала много хорошего, но так наверно и должно быть, потому что вспоминать плохое совсем не хочется. Все эти люди по своему дороги мне. Я хочу, чтобы у них все получилось. Чтобы Ленчик стала телезвездой и познакомилась с мужчиной своей мечты, Юленька продвинула «Кинокомпанию», Ксюша покорила космос или хотя бы стала известным международным журналистом, Настюша открыла свое дело, тем более, рождественские гадания ей это пророчат. Но самое главное, чтобы вспоминали иногда «маленькие злые ушки».



Ирина СМОЛЯНАЯ

«ВОРОБЬИ» — FOREVER!

С самого начала нас было трое. Я, Инна Домрачева (которую, судя по посещаемости, смело можно назвать призраком журфака), и Нютик (то бишь Анна Белугина-Плотникова). Инна вскоре ушла в академ, а к нам присоеди-

нилась Настя Ровнушкина.

Впрочем, летопись нашей дружбы писать еще рано. Она, дружба, не кончится вместе с журфаком, я думаю.

Мы были похожи тем, что многое делали впервые. Впервые получали деньги только за то, что учимся. Впервые заваливали сессию и этих денег не получали. Впервые, отплеываясь, пили водку. И впервые, отлеживаясь с похмелья, клялись больше этого не делать.

На первом курсе мы выпускали газету «Воробей». Чтобы не спорить из-за места редактора, мы решили, что руководить созданием газеты будем по очереди. А читатели нас не понимали, все донимали: «Кто же у вас главный?»

Тем не менее, ярко выраженного лидера у нас не было. Наши роли распределялись так: Нютик, добрая и всепонимающая, была душой компании. Инка, несомненно, — мозги компании. Настя, с этим ее угнетающим: «Мы будем, наконец, сегодня учиться?!», — совесть компании. А я, по словам всех перечисленных, — горячее сердце компании. Наверное, потому, что всегда громче всех кричу.

Когда «Воробей» скончался, на курсе нас по привычке продолжали называть «воробьями». Но самым удивительным было то, что и в газете «Екатеринбургская неделя», куда мы втроем пришли на практику, нас тоже окрестили «воробьями». «Ну, что уселись втроем на одном стуле, как воробьи на жердочке?», «Ну, что расчирикались вместо того, чтоб работать?»

Поначалу мы везде были вместе. Потом каждый начал искать свой путь. Нютик ушла в газету о животных и до сих пор ненавидит писать об острых социальных проблемах. Настюха крутится в «Екатеринбургской неделе» на двух, а то и трех должностях. Иногда мы встречаемся и выговариваем друг другу: «Куда ты пропала? Тебя с твоей работой вечно не поймать! Давай, наконец, встречаться!» Обещаем встречаться. И снова расходимся на какое-то время.

Но, несмотря на то, что мы редко видимся, наша дружба не стала мельче. Это точно.

Помню, как мы с Настюхой уезжали осенью 1998-го в Питер «дикарями». Провожающие посылали воздушные поцелуи, рисовали в воздухе сердечки. А мы смотрели, смотрели и вдруг решили: вот бы хорошо лет через 20 так же уезжать вместе куда-нибудь, и чтоб за окном махали, махали... Я думаю, так и будет.

Алексей СУРОВ

СПИСОК ШИНДЛЕРА

Как-то так получилось, что друзьям не удалось учиться со мной на пятом курсе, поэтому начнем о них в порядке убывания...

Антон Ложкин. В высшей степени творческая личность, мама — фито-дизайнер, за плечами школа с немецким уклоном, год учебы в театральном институте, три курса журфака... Ярый поклонник нейро-лингвистического программирования, он использовал его к месту и не к месту, нещадно манипулируя умственной деятельностью преподавателей.

Припоминается его стишок, написанный на лекции г-на Бродского «Журналист в экстремальной ситуации»:

«Земля грохочет обвалами —
Убегаю сырыми подвалами!
А сенсации? Что сенсации?
Так ли важны они при эвакуации?!»

Отчислен с третьего курса.

Евгений Герасимчук. Радужный хозяин комнаты № 300 в общежитии на Большакова. Комнатушка эта размером полтора квадратных метра была настолько гостеприимной, что в прежние времена хозяин умудрялся принимать там по десять человек. Как в лучших салонах Франции. Помню, как-то сдавали русскую литературу. Не очень разбирающийся в тонкостях творчества Лермонтова Евгений тщетно пытался что-то найти в объемном gros-сбухе под названием хрестоматия. Заметив его дискомфорт, преподавательница Приказчикова любезно поинтересовалась:

— Удобно ли вам списывать, Евгений Игоревич?

— Вообще-то, не очень, — честно признался Женя...

Летом 1998 года он ушел в академический отпуск, а затем был отчислен.

Антон Сапогов. Большой любитель Зигмунда Фрейда, соционики, студент журфака с 1994 года. Антон всегда был своеобразным оракулом общежития. Он предсказывал всё: от итогов выборов до Армагеддона и метеоритных дождей. Толпы юных дев обращались к нему за советом по поводу своих любовных проблем. И Антон не ленился — определял психотипы, давал прогнозы, выводил сопоставимости характеров. Отчислен с четвертого курса.

Со **Станиславом Огигениным** мне довелось отдыхать в трудовом санатории под названием «Военные лагеря». Лето девяносто восьмого было

достаточно жарким, то есть никак не подвигающим на подвиги и затрату энергетических ресурсов. На этой почве мы и сошлись. Обнаружив в ближайшем лесу старый муляж танка, мы предпочитали злостно уклоняться от всяческих работ, загорая и коротая время за картами. Иногда, когда военная диета давала о себе знать, отправлялись сложными лесными маршрутами на поиски земляничных делянок.

Как-то Станиславу выпало вести урок в «Школе юных». Рассказывая о том, как зарабатывать деньги, он блистал, отвечал на самые каверзные вопросы. Тут кто-то из аудитории попросил рассказать анекдот. И... непревзойденный мастер хохм и анекдотов растерялся и сбился с мысли. В 1999 году Стас закончил факультет журналистики по специальности «Менеджмент, маркетинг». В настоящее время он учится на заочном отделении.



Ольга ТЁТКИНА

МОЯ ЛЮБОВЬ

В своей 501 группе некоторые люди до самого выпуска остались для меня загадкой. Хотя это, конечно, печально. Поэтому я решила рассказать о том, как встретила своего единственного и самого главного для меня человека. Его зовут Павел Курчанов.

Наше знакомство произошло на первом уроке физкультуры. На скамеечке в парке. И потом он долгое время оставался для меня просто «молодым человеком из 103 группы».

Совершенно случайно мы с ним как-то разговорились, и он проводил меня до дома. Он стал часто бывать вечерами. Мы разговаривали, пили чай. Несмотря на яркое внешнее различие и абсолютно несхожие характеры, привычки, мне всегда было интересно с ним. К тому же, мы оказались людьми одних взглядов. Любая тема ему по уму. Я всегда была уверена, что мне может понравиться только умный мужчина. И от этого Паша показался мне еще красивее. Я влюбилась, закружилась голова, вспомнила и «Театр» Мозма и Пугачеву с «Зайкой». Сердце мое билось так, что казалось, стук слышен всем.

Наши отношения были очень сложными и своеобразными. Помню, как однажды мы поссорились, и я уехала. Уехала одна. Надолго. Стояло жаркое лето, раскаленное, как мои нервы. Я ходила, и слезы текли по моим щекам. Я поняла, что любовь — это самое важное в жизни, и всем нужна любовь. Она была нужна и мне...

Мы остались вместе. И вместе уже два с половиной года.



Екатерина ТИМОШЕНКО

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Он родился и вырос в замечательной семье безумных интеллигентов. В семь лет он одел очки и с тех пор с ними не расстается. Этот важнейший атрибут заставил его в детстве много читать исключительно для поддержания имиджа. Имидж и начитанность

привели его прямехонько в университет. Там-то мы и познакомились.

Его зовут Николай. Наши отношения удивительно гармонично балансируют на грани дружбы и привязанности, но никто не верит, что это так.

Его фамилия — Яблонский. Впервые я ее услышала в редакции газеты «Честное слово». Она (то есть, фамилия) принадлежит мелкому белобрысому очкарику, завсегдатаю редакции. Коле тогда было лет четырнадцать, а я, шестнадцатилетняя, заканчивала школу.

Когда мы с Колей встретились на первом курсе факультета журналистики, он был рок-звездой, а я скромной, интеллигентной девушкой. Через год я тоже стала рок-звездой, а через два мы с Колей поехали в город Санкт-Петербург автостопом. На третьем курсе Коля увлекся политикой, а я искусством. В результате мы полюбили классическую музыку и стали исправно посещать всевозможные выборы.

Когда Коля закончит университет, он станет известным режиссером документального кино. Кроме того, он будет преподавать в университете какой-нибудь веселый предмет. Студенты станут звать его Николаем Николаевичем и любить всей душой.

А я надеюсь остаться его другом. Потому что, если случайно мы с Колей когда-нибудь поженимся, этому не удивится никто, кроме нас самих.

Алексей ФАЮСТОВ

САМЫЙ ДРУЖНЫЙ

Пять лет я учился с людьми, которых безумно уважаю и люблю. Многие остались для меня такими, какими запомнил их с первого нашего знакомства на собрании в 1995-ом году. В тот день каждый должен был рассказать немного о себе. «Я просто классный парень», — эта фраза Филиппа Чудинова запомнилась мне почему-то лучше всего. «Ну и самомнение же у человека», — подумал я тогда. Но прошло полгода, и мы стали близкими друзьями. Вообще-то я не люблю говорить о сугубо личном, но в то время Филипп очень помог мне обрести душевное равновесие и понять, что такое челове-

ческая душа. Это необыкновенно сильный человек, которого я безгранично уважаю и люблю. И те вечера, те праздники, проведенные дружной компанией с Филиппом, Леной Леховой и Настей Ровнушкиной будут с ностальгией вспоминаться как беззаботное, веселое студенческое время. И жаль, что его не вернуть...

Еще я обожаю, как заразительно смеется Ксюха Избышева. Ее я тоже хорошо помню с первой встречи. По-моему, веселее человека на земле мне не встретить. Ни один факультетский праздник не обходился без ее шуток, песен, приколов. Любая вечеринка без Ксюхи, без ее задора — не вечеринка. Нам без нее было бы очень скучно.

Многих однокурсников с первой встречи я помню смутно. Поэтому на протяжении всех пяти лет приходилось делать открытия, не исключено, что их еще много впереди. Александр Мартиросов был и остается загадкой для многих. Не уверен, что я открыл для себя этого человека до конца. Хотя тесно общаюсь с Сашей больше двух лет. Он очень близок мне духовно, и я дорожу нашей с ним дружбой. Люди, сочетающие в себе одновременно редкий ум и богатейшую душевную натуру, встречаются в жизни не каждый день.

А вообще, я считаю, наш курс самый дружный. Многие, узнавая о том, что мы справляем Новый год вместе, вместе празднуем именины, частенько выезжаем отдыхать, очень удивлялись этому, завидовали. Студенты-журналисты — народ специфический, творческий, каждый претендует на какую-то самобытность, индивидуальность. У нас этого практически не чувствовалось никогда, разве что в последнее время, когда уже многие стали серьезно работать и редко бывать на родном факультете. Но мы по-прежнему встречаемся, празднуем, общаемся... Ведь без этого жизнь была бы ой какой скучной!

Наталья ХРУЩЁВА

СОЗЕРЦАТЕЛЬ ПО ЖИЗНИ



Была у нас на курсе такая примета: если Антон Сапогов появлялся в университете, значит, скоро сессия. Антон проучился с нами всего два года, но мы познакомились с ним еще на абитуре. Именно тогда я поняла, что Антон — человек не совсем обычный. Однажды он рассказал мне, что после школы поступал в Волгоградское летное училище. Конкурс туда был большой — 10 человек на место, но он поступил туда практически без подготовки. Проучившись полгода, понял, что армейская дисциплина училища ему не совсем по душе и забрал документы.

На журфак Антон тоже поступил случайно. Даже не имея публикаций, неплохо сдал вступи-

тельные экзамены.

На первом курсе, когда сидеть за книгой приходилось особенно часто, он пренебрегал угрозой вылета и активно поддавался влиянию «зеленого змия». Однако, когда подходил срок сдачи, на удивление всем Антон сдавал экзамены довольно успешно. Антон всегда был немного созерцателем, который, лежа на диване, любил философствовать о смысле жизни, оценивать поступки окружающих. Другой интересной особенностью Антона было увлечение психологией. В оценке своих друзей и знакомых любил применять психологические термины, более того, причисляя каждого из них к определенному соционическому типу. Наделяя друзей всевозможными психологическими характеристиками, у одних он снискал недоверие, у других — уважение. И все-таки мы любили его такого, немного ворчливого, бездеятельного, но всегда очень интересного.



Филипп ЧУДИНОВ

КАК МЫ С ОДНОКУРСНИКАМИ ЕЗДИЛИ ОТДЫХАТЬ

Курс наш всем полезен, всем хорош. В смысле, всем мы делаем что-то полезное или хорошее. Вот, недавно Лозовскому рыбку подарили. Правда она умерла скоро, но это уже другая история. Однажды пришла мне в голову идея (кстати, идеи приходят в голову именно мне, остальные утруждают себя размышлениями крайне редко) — отдохнуть от трудов праведных и достойным образом встретить наступление зимнего сезона. Случилось это, кажется, на четвертом курсе.

Поскольку своих однокурсников я знаю более-менее хорошо, то Наталье Жердевой было приказано явиться к месту сбора на полчаса раньше, чем надо было. Это совершенно необходимая мера, к которой мы прибегаем в случае, когда едем куда-нибудь с Жердевой и, с тех самых пор, о которых я говорю, с Кашпуровым. Жердева в результате этих нехитрых манипуляций почти не опоздала, а вот Кашпунова все не было. Леха Кашпуров — это уникал. Столбовой дворянин. Наследный принц. Цветок моей души. Кроме того, о том, что мы едем именно кататься на лыжах, знали только двое — я и он. Остальным мы решили сказать это прямо на месте, дабы избежать лишнего нервных потрясений. Своим опозданием товарищ Кашпуров ставил под срыв всю операцию. Во-первых, перевалочным пунктом должна была

являться так называемая «дача Кашпурова», широко известная в нашем узком кругу ограниченных людей. Во-вторых, нам надлежало встретить Аню Зайцеву (она же Зуева) на остановочном пункте «Северка», Свердловской ж. д. Дело в том, что Аня выехала нам навстречу из Первоуральска.

Мне, как ответственному за проведение операции (обычно таковым является Всеволод Доможиров — потомственный военный, адмирал военно-воздушного сводного мотострелкового батальона лыжников морской пехоты) предстояло принять нелегкое решение — приказать товарищу Кирову доставить женщин на станцию «Перегон» на следующей электричке, а до тех пор дожидаться товарища Кашпурова. Я же выдвинулся на станцию «Северка», чтобы перехватить Анну Зайцеву и доставить ее по назначению. Сомнения мои заключались, конечно, в Максе Кирове, о котором стоит рассказать подробнее. Макс Киров — это ярко-зеленый представитель загнивающего Запада. Он находится в процессе разложения с самого своего появления на свет, и это, типа, круто. Я серьезно подозреваю, что лет через тридцать он разложится на отдельные атомы, и общаться с ним станет крайне сложно. Гитараст Киров (по меткому замечанию товарища Кашпурова) — натура крайне любопытная. Во-первых, когда мы с ним решаем сделать что-нибудь серьезное (например, радиопрограмму) — ничего не получается, причем не из-за нас. Однажды мы, например, долго выясняли на вокзале города Екатеринбурга, с какого пути какая электричка куда идет. Причем водитель электрички говорил одно, а справочное — другое.

Таким образом, я отправился встречать Зайцеву, оставив остальных на Кирова. Я искренне надеялся, чтобы электричка, в которую они сядут, не поехала в другую сторону. Добравшись до оп. «Северка», я отправился прямо в здание станции, надеясь обнаружить Зайцеву именно там (напомню, была зима). К моему удивлению, ее там не было. Я уже давно подозревал, что тому, кто согласится иметь дело с нашим курсом, лучше бы вообще не родиться на свет — незачем так мучиться человеку. Я вышел из здания станции и направился обратно, надеясь к условленному сроку прибыть на станцию «Перегон», где, не смотря ни на что, предполагал встретить товарища Кирова и компанию. Вдруг со стороны виадукса ко мне что-то кинулось. Немного погодя я узнал в этом предмете Аню Зайцеву. Все это время она торчала на мосту, высматривая нас, поэтому я перестал удивляться столь теплой встрече, которую мне устроили, и спросил, может ли она идти. Пусть это не покажется вам странным, но идти она могла.

Аня Зайцева (Зуева) — человек загадочный. Я серьезно подозреваю, что она — агент Израильской разведки. Комсомолка. Спортсменка. Турист. Она способна выжить в самых экстремальных условиях, например, в условиях крайнего севера. Она может ловить рыбу руками и копытить ягель в тундре. И вообще, Аня Зуева — наш человек. Все это я выяснил по дороге на станцию «Перегон».

На станцию мы пришли одновременно с электричкой, на которой прибыл отряд Кирова с приданным Кашпуровым в валенках. Тут во мне забрезжила

надежда, что все, может быть, пройдет, как надо. Всего нас собралось 7 человек — Е. Лехова, Н. Жердева, А. Зуева, Л. Белоусова, А. Кашпуров, М. Киров и я. Тут то мы с Лехой и спросили, по какой причине они все приперлись без лыж?!

Откачав Кирова, все двинулись по направлению к легендарной «даче Кашпунова». Я испытывал законную гордость, глядя на раскрасневшиеся щеки Людки Белоусовой и Ленки Леховой, ведь это благодаря мне они вышли на свежий воздух. Ленка Лехова — та вообще чахнет перед монитором, а Людка чахнет перед камерами (вот, скажу я вам, настоящий журналист — ведет программу «Всхрюк бобра»). Тут же я пожалел, что с нами нет адмирала Доможирова Всеволода Моисеевича, который своим веселым видом способен довести мертвого до апоплексического удара (чего стоило наблюдать его «лицо» в шесть утра на военных сборах).

На даче решили устроить привал и выпить чаю, после чего я посчитал, что личный состав способен адекватно воспринять идею пойти жарить сосиски в лес. Высказав в мой адрес несколько неостроумных замечаний, отряд журналистов отправился в лес. Хитрый Киров шел сзади. Я впереди. Дойдя до границы обитаемой зоны, мы выяснили, что в лес так просто не пройти, и поэтому нашли тропинку, ведущую прямо на горку. Добравшись с превеликими трудностями до вершины, рискуя ежеминутно потерять Людку Белоусову (вот настоящий журналист, ведет программу «Всхлип с утра», поэтому очень слабо держится на ногах) — ее постоянно заваливало то направо, то налево, в результате она падала в соответствующие стороны, увлекая за собой остальных. Добравшись до вершины, мы с Лехой разожгли, несмотря на препоны со стороны остальных участников похода, костер и даже пожарили сосиски. Поев (еще раз), все испытали друг к другу необычайный прилив теплых чувств, характерных, я думаю, именно для нашего курса. Такие же чувства испытываешь каждый раз после того, как на дне Первокурсника Киров с компанией провалят очередную песню — их одновременно и жалко, и наступать по голове охота.

Получив массу положительных эмоций, мы спустились с горки и пошли на станцию. Последний до станции километр необходимо было преодолеть как можно быстрее, потому что мы опаздывали. На этот раз я замыкал колонну, чтобы нести раненых. Вскоре все, кроме Наташки Жердевой и меня, умчались вперед, боясь опоздать на электричку. Тут то и выяснился пробыл в физическом воспитании Жердевой — бежать быстрее она не могла. Вообще-то, Наташка — это человек-ракета. Она умеет перемещаться в пространстве с такой скоростью, что сразу и не поймешь, находится ли она в начальной точке путешествия, или же в его конечной точке. Я думаю, это связано с тем, что Наталья Жердева владеет редким даром притягивать странные события и вещи. Взять, к примеру, ее коллекционную рыбку. Во-первых, эта свирепая гуппи съела своего друга (по крайней мере, так стало известно Наталье из достоверных источников). Во-вторых, эта рыба страдает редким для рыб вообще заболеванием (не буду называть). В-третьих, у ее знакомой

есть попугай, умеющий летать только по прямой. Думаю, все это пагубным образом сказалось на способности Натальи быстро бегать. Впрочем, мы все-таки вбежали на перрон одновременно с приходом электрички. Кое-как забравшись внутрь вагона, я понял, что день был прожит не зря. Усталые, но довольные мы поехали домой.



Максим ШИШКИН

МОРСКОЙ ВОЛК ЖУРНАЛИСТИКИ

Бывают шибко грамотные дети, которые приходят в первый класс, уже умея читать, писать и считать. Бывает, таких вундеркиндов сразу переводят во второй класс. В вузах это не принято. Поэтому свою учебу на факультете журналистики УрГУ Игорь Березовик начал, как и все новоявленные студенты, с первого курса.

С первых дней посещения занятий Игорь активно влился в общественную жизнь курса. Это возлияние было скорее закулисным, нежели показным. Знаете, как это бывает: студент активно пляшет и поет на днях первокурсника либо просто избегает всех проявлений подобной активности. В нашем же случае Игорь не придумывал песен, зато писал изумительные заметки в скандальную студенческую газету; он не плясал на сцене, зато был заправилкой на массовых гуляньях студентов, на всех вечеринках, посвященных профессиональным праздникам и т.п.; он не сидел в сторонке, когда близилась очередная сессия, наоборот, он первым организовал грамотную подготовку шпаргалок на домашнем компьютере с последующим их тиражированием. Ну разве не крут?..

О журналистской деятельности Игоря известно довольно много. Еще будучи школьником, Игорь развивал свои творческие способности и делал неплохие публикации... на туалетной бумаге, повествуя об общественной жизни г. Березовского, подростковой проблематике, и уже тогда начал показывать свой дар. Затем — служба в армии, опыт написания писем, и хлебнувший соли морской разведчик смог реализовать себя на творческом конкурсе и заслуженно поступить на журфак.

...Прошли годы. Испытав себя на поприще частной предпринимательской деятельности, научившись (по компьютерным играм) ловко орудовать мышкой, параллельно осваивая издательские программы, и разгадав сотни кроссвордов во время лекций, Игорь организовал издание газеты «Супер-Строй». Это сейчас он привлекает себе помощников и организует конкурсы, ибо газета расширяется, но тогда пришлось ему «хлебнуть соли» еще раз:

Игорь не только сам писал все материалы, составлял кроссворды, собирая информацию по всему предприятию, но и также сам издавал газету, начиная с компьютерной верстки и заканчивая ее тиражированием на ризографе.

В настоящее же время Игорь Березовик — прилежный семьянин, отец своей дочери Кати и главный редактор корпоративного издания «Треста СКМ» «Наши Новости».



Максим ШИШКИН

ВОСПОМИНАНИЯ «ДЕДА»

Пусть тот, кто не считает меня «дедом», бросит в меня камень, я не обижусь... может быть... Однако имею все основания полагать себя, наравне со всеми присутствующими здесь, «дедушкой» с пятилетним стажем (остальные «старожилы» с более «великим» стажем не в счет — сами вино-

ваты). Итак, слово «деду»...

Однажды мне стукнуло 17 лет, и мой шеф — тогда зав.отделом фантастики журнала «Уральский следопыт» — С.И.Казанцев предложил мне работу под своим началом. Я согласился. В результате это «начало» научило меня пить, курить, правильно общаться со слабым в журналистике полом (эй, любимые, я это не про вас!) и многое другое. Деньки были славные... И вот, угораздило меня слиться с этой братией — поступить на журфак. При чем случайно — пописывал я уже порядочно (притащил на творческий конкурс целую папку — около 20–30-ти отборных материалов), однако слеза моя проливалась в другое русло, — я хотел быть астрофизиком... Под юбки еще не подглядывал... Ну, да ладно.

Мои первые впечатления — беда, да и только: детишки «в журналистику играют». И тут случилось непредвиденное: однажды меня угораздило прогулять пару и встретиться у пивного ларька с Сашей Архиповым... Мы очень полюбили друг друга... побратались... и пошли пить пиво в редакцию в компании Радика Залилова (он же «Пахан»), Игоря Березовика («Подберезовик», как назвал его преподаватель физкультуры) и Лехи Фаюстова («все еще начинающая, все еще восходящая звезда Уральского региона Алексей Фаюстов»). Пошла мазута...

Так мы и встретились, так и начались «народные гулянья». Наша «Великая троица» (гремевшая петардами по всему универу) — Радик, Шура и я — решила в одночасье, что пора «выходить на массы». В результате, нежданно-негаданно, появился плацдарм для проведения этих самых «гуляний» —



редакция журнала «Уральский следопыт». Это было КРУТО!

Я до сих пор, после стольких лет, вспоминаю, как мы там веселились. Да то — веселились, — это был поистине плацдарм для общения соскучившихся по «этому делу» малолеток (и меня в том числе, — ведь я кроме как с коллективом редакции тогда мало с кем общался).

Обстановку в «Следопыте» мы учили; однажды, когда Миша Орловский предложил издавать студенческую газету «Голос Народа», мы вспомнили о ней и дали свой «пожам». Так она и родилась — «газета студентов 1 курса». Позднее нам «в оппозицию» появилась не понимающая, что такое «эпаж», женская хроника «Вора бей» (или «Воробей», — по логотипу не ра-

зобратъ). Однако она нам нравилась, эта хроника, и мы прилежно собирали ее в папочку. И, конечно же, нам нравились издававшие ее журналистки; во всяком случае, пили они с нами в редакции с завидной регулярностью.

Гулянки в «Следопыте» продолжались ровно год. Потом Радик с Шурой загребели в армию и инициатива была упущена: теперь студенты-журналисты нашли себе новую конспиративную квартиру — дачу первой старосты Лиды Митюшкиной. Эта дача была быстро оприходована, и вот уже четвертый год на ней жарят шашлыки, распивают спиртные напитки, играют в карты на раздевание и многое, многое другое. Однажды там потерялся я, а последний раз, после сдачи госэкзаменов, в районе нашей дислокации без вести пропали две бутылки водки, охлаждающиеся в сугробе.

Итак, практически все наши посиделки проходили с шумом, гиком и необузданным весельем. Одно жаль: все мы к окончанию пятого курса уже где-то работали и потому встречались все реже и реже. Исчезла та беззаботность, что отличала нас на первом курсе, появилась некая озабоченность, прибавилось ответственности, некоторые стали людьми семейными. И тем не менее мы всегда будем помнить друг друга такими, какими были тогда. И как бы нас не расшвыряла жизнь, помните, дорогие мои,

МЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВСТРЕТИМСЯ!

Р.С. Однажды в редакцию «Уральского следопыта» к Г.В.Иванову (тогда зам. главного редактора) пришли в гости два «рыбака». Конечно, «рыбачили» они, закрывшись в кабинете. Позднее, покопавшись на компьютере Иванова, я нашел одно произведение, характеризующее особенности этой «рыбалки». А называется этот шедевр

Рыба, которую не словил Джек*

(перевод с английского)

Вот озеро, крытое мощными льдами,
Вот рыба, что плавает там в ожиданьи,
Когда же придет, наконец, на свиданье
Рыбак первосортный по имени Джек?

А вот рукоятка для коловороты,
Которую смерть как крутить неохота
На озере с толстыми-толстыми льдами,
Где рыба застыла в немом ожиданьи,
Когда же придет, прах возьми, на свиданье
С Лозовским в огромных пимах и тулупе
(Слегка нараспашку, что очень неглупо)
Рыбак несравненный по имени Джек?

А вот и бутылка. По счету какая?
Ошибки боюсь. Посему не считаю.

*Джек — Евгений Степанович Зашихин.

Открыта при помощи коловороты
(Откроешь, коль выпить до смерти охота).
И озеро лавное с милыми льдами,
А рядом Лозовский в раскрытом тулупе
(Что с градусом новым и старым — неглупо),
Под ними закуски плывет в ожидании,
С которой ждешь не дожидаясь свиданья
Рыбака залихватский по имени Джек.

Вот, свежая лунка. Бесхозная, что ли?
А, впрочем, поскольку на всей акватории
Все сплошь свояки, и чужих не бывает
А если бывают, то их убивают
На озере крытом общинными льдами,
Где рядом Лозовский в обнимку с тулупом
(Что с градусом вкупе умно и неглупо),
Где рыб миллионы в святом ожидании,
С которыми нынче назначил свиданье

При явном действии коловороты,
Который таскает, покрывшийся потом,
Рыбак молодецкий по имени Джек.

А вот и мужик — этой лунки хозяин.
На Джека с угрозами он наезжает,
Кричит, что на озере с толстыми льдами
Готовую лункой лишь он обладает
Но рядом Лозовский (же без тулупа
(Что для рукопашной не так уж и глупо),
Он весел и зорек. Он идет на солижение,

Обидчика чтоб привести в унижение
При помощи верного коловороты.
С ним рядом, готов проучить живоглота
За несостоявшееся свиданье,
За рыбы обиды, за их ожиданье
Рыбак и седир по имени Джек.

В итоге, от озера с прочными льдами
Уходит Лозовский (не слушайте, дамы!),
В лиловых трусах и нагольном тулупе
(Эффектно, красиво и очень неглупо),
Спокойно в автобус влезает. Вот нервый!
Вскрывает бутылку. Вскрывает консервы

С названием кратко-возвышенным «Хек».
А следом веселый, чуточек под газом,
С распухшим, красиво сияющим глазом,
Без ящика, удочки, коловороты
(Надеюсь, он всем надоел до блевоты),
Без рыбы, что вся в чешуе и страданиях,
Белугой ревет о погибшем свиданьи
Рыбак первоклассный по имени Джек.



Николай ЯБЛОНСКИЙ

ОНИ ВАМ ЕЩЕ ПОКАЖУТ!!!

Учиться на журфаке и ни с кем не дружить — это невозможно. Я хочу рассказать о двух особо близких для меня людях. По алфавиту это будет так: Алексей Суров — человек, который поразил меня своим влечением к исследовательской

работе и преданностью журналистской деятельности. Я никогда не забуду наши совместные посещения библиотеки университета. Именно там он открыл для меня книги профессора Тимоти Лири и помог разобраться в гениальной науке — «социожурналистике» Владимира Федоровича Олешко. А как же забыть наши многочасовые беседы о Джидду Кришнамурти и Тарсанг Тулку в университетском кафе! Однажды, прочитав книгу доктора Джона Лилли «Центр Циклона», мы чуть не подрались из-за второй главы «Близкий к смертельному несчастный случай. Ни один эксперимент не есть ошибка». И так на протяжении всех пяти лет.

Вторая особо важная особа, приближенная к императору, — это Екатерина Борисовна Тимошенко. Когда мы познакомились, она рассказывала мне про панк-культуру. В частности, я узнал, что панки не целуются. Вместе с Катей мы знакомились с творчеством гениальных кинорежиссеров Паоло Пазолини и Дерека Жармена. Вообще, вместе мы посетили огромное количество светских мероприятий. Почтить оперу своим присутствием раз в месяц — свято для нас. А по выходным мы раскрашиваем лица боевой индейской раскраской и ходим по выставкам, благо, их в Екатеринбурге немало. Скоро мы пополам купим автомобиль и поедем кататься по Европе.

**Анна ЗУЕВА, Максим КИРОВ,
Светлана НЕФЁДОВА,
Максим ШИШКИН**

КОГО МЫ ПОТЕРЯЛИ

Юлия Насртдинова. Выбывшая № 1. Интернациональный гибрид (башкиро-татарка). Ее затянула местная диаспора и вечный вопрос о месте женщины в социуме. Родила ребенка, Дильнару. Восстановилась на заочном, теперь на третьем курсе, работает на ТВ редактором молодежной редакции (поселок Тарко-Сале, Тюменской области).

Анна Шишарина. Вся информация о ней зиждется исключительно на слухах. Была славной девушкой, без «хвоста» сдала только г-на Васильева. Ведьминского цвета шевелюру состригла (плачьте, мужчины), вроде как побывала замужем. Теперь организовала свое стриптиз-шоу (в «Серебряном копытце») и работает под творческим псевдонимом Анна Серебряная.

Антоша Ложкин. Не Ди Каприо, но где-то близко. На первом курсе получил титул «Самого сексуального студента-95». Играл на гитаре и даже пел. Сейчас, наверняка, гастролирует в составе какой-нибудь «Сансары» или типа того.

Геша Герасимчук. Решил, что и трех курсов журфака хватит для того, что бы самостоятельно преподавать журналистику в родном поселке Тарко-Сале. На самом-то деле он просто кометой вылетел в академ. Бывало, тоже пел и даже собирал что-то вроде группы.



Радик Залилов. Единственный, кто не сдал на первом курсе историю Надежде Федоровне Муравьевой, что само по себе уже нонсенс. Отслужил в Красной армии, работает журналистом в ГУИНе, публикуется в газете «Зона».

Оксана Магарас. В памяти нашей навечно молодая и с «вечно молодым» маникюром. Идти сдавать после нее — было исключительно плохой приметой. Сердечные отношения также не дали ей учиться, но более этого поразил ее ужасный Блажес, который очень нехорошо с ней обошелся. От этого удара она так и не смогла оправиться. Мы ее потеряли. Говорят, она издает в Челябинске свой журнал. Главный спонсор — супруг.

Дмитрий Карманов. Выбыл на втором курсе. Типа женился на Оксане Сычовой, журналистке-заочнице. Они уже успели даже поиметь ребенка.

Валя Илларионова. Девушка с заразительным смехом, артистическими способностями (помните Марину Александровну в ее исполнении?). Вышла замуж за журналиста и перешла на заочку.

Ирина Шимова. Персона non grata в США и одна из звезд нашего курса. На заочке с третьего курса. После окончания, опять же по слухам, собирается уехать в Штаты (по крайней мере, попытаться это сделать) и выйти замуж.

Антонина Лямцева (которая всегда была для нас просто Тоней). Наш «вечный ребенок» тоже родила девочку Машу и сейчас учится на четвертом курсе.

Саша Жестков. Закончил заочное отделение и работает собкором на телеканале РТР. То есть успешно путешествует по служебной лестнице.

Оксана Евдокимова. С помощью Галины Германовны Щепиловой перевелась на «Международную журналистику» в МГУ.

Наташа Щукина. Мы не знаем, где водится Наташа Щукина. Известно лишь, что она учится на третьем курсе училища «Мода», замужем, родила сына Степу.

Саша Сапожников. Единственная надежда всей кафедры русского языка все-таки осчастливил собой факультет филологии. Правда, в УрГУ-ли, не известно.

Виолета Нечунаева. Была отчислена после первой сессии «по собственному желанию». По сведениям от Ани «Зайцевой», работает наборщицей и учится на заочке.

Настя Шумихина. Об этом «мастере каратэ» и вовсе ничего не известно.



Андрей Мальгин. Самая невосполнимая утрата. Учился на первом курсе на протяжении 3 лет в силу своей патологической несовместимости с русс. яз. (не смог абстрагироваться к реальности, по выражению МАО). Много путешествовал автостопом и хотел уехать в Польшу. Но, кажется, не доехал.

Надя Савельева. Осталась навсегда в памяти тем, что пришла сдавать Васильева в вечернем платье и в валенках. Зато писала неплохие стихи.

Инка Домрачева. Человек-солнышко и человек-туча (в зависимости от жизненного периода). Запомнились ее восклицания при встрече со знакомыми и вкуснющие вафли на семинаре по русской литературе. Учится на курсе младше.

Антон Сапогов. Феникс нашего курса. В ...цатый раз восстановился на факультете. Девчонки, которые жили в общежитии, вовек его не забудут: появлялся поздно ночью, съедал все запасы, потом учил приготовлению пищи и жизни.

Максим Зайцев. Красиво женился. Свадьба была в стиле ретро. Последний раз засветился в Екатеринбурге на российском фестивале кукольных театров (мама — режиссер). Работает в Оренбурге на телевидении.

Владимир Пан. Стильный, артистичный, восстановился на 3-й курс с абитуры (работал в Москве). Обладает мощным голосом, когда поет под гитару. Засветился в 79-й общежитии, ибо одно время там жил. Человек-легенда. Заканчивает 6-й курс заочного отделения.

Саша (Шуша) Архипов, он же Снусмумрик. После отчисления решил жениться. Отслужил во флоте, «море хавал», говоря его словами. Вернулся с непотопляемым жизненным опытом и наколками на теле. И сразу развелся. Теперь учится на первом курсе журфака и передает опыт.

Леша Ушенин. Печатает газету «Наши новости» для Игоря Березовика и многое другое. Бумагу покупает сам. Его девушка Наташа (теперь уже жена) здорово выручала весь курс книжками, т.к. работала в нашей библиотеке. Хороший выбор! Одобрям-с!

Ольга (Леля) Дьяченко. Уехала на заработки в Москву. Живет с другом. Но денег, в отличие от Татьяны Дьяченко, все равно нет, равно как и счета в швейцарском банке.

Оксана Кузнецова. Родила девочку Таню. Классно поет, участвовала в записи одной из песен (даже двух!) в альбом группы Макса Кирова.

Лариска Шамова. Хорошо знала философию, прилежно выступала на семинарах (по конспектам). Носила большое декольте, за что Зашихин ставил ей «автоматы». Замужем, имеет сына Гришу.

Вика Павлова. Тоже на заочке, тоже замужем, тоже родила сына (Святослава). Какие они все одинаковые!

Глава IV

ИЗНУТРИ

«На дне каждого сердца есть осадок».

К. Прутков «Плоды раздумья».



«МЫ НЕ АРТИСТЫ, НО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВЫНУЖДАЮТ НАС...» (О выпивке и не только)

*«О вещество бестелесное!
Если чему другому ты не подвластна,
то пьяные пары, конечно,
сильно на тебя действуют».*

**А. Радищев «О человеке,
его смертности и бессмертии»**



Праздников у нас было достаточно. Не слишком много, но вполне достаточно. Лично я унесу с факультета в своей памяти, как минимум, три из них. Первый — это вечеринка после ДП на третьем курсе, когда мы (чуть более молодые, чем сейчас, но точно такие же наглые) посвящали в студенты первый курс. Точнее, посвещали. Потому что мы осветили их фонари-

ками, вырубив весь свет в конференц-зале. По-моему, это было не глупо. Нас тогда было больше всего, и все мы были чуть веселее, чем обычно. Второй — это, безусловно, вояж на станцию Перегон, на дачу к Лехе Кашпурову. Мы вечером, уже под «бодрыми парами» пытались купаться на берегу речки, а я как всегда, играл на гитаре и пел, давясь комарами, которые попадали ко мне в рот при каждом вдохе. Правда, позже, когда началась гроза и Леха Фаюстов вместе с Сашей Жестковым под еще большими «парами» убежали вместе из дома искать «сашину дачу», которой у него никогда не было, а если и была, то уж никак не на станции Перегон. Вместе с Лехой Суровым (Господи, одни Лехи!) мы искали уже их где-то около получаса под проливным дождем и промокли до нитки, и даже сильнее. Они вернулись через час, и, не попав на участок через калитку, которую мы предварительно закрыли, перелезли через забор и едва не потонули в пожарном водоеме. Это тоже было смешно, хотя и мокро.

Третий «момент истины» — безусловно, Новый год на третьем курсе, который мы в количестве человек двадцати праздновали в замечательнейшем здании по адресу: ул. Большакова, 79.

Я всегда представлял себе НГ сначала в связи с суевой и только потом в

связи с кутежом. Все сборы и договоры, как обычно, были прелестно однообразны (см. басню три). А очередную программу развлечений (см. все три басни) мы с Филом Чудиновым (см. снимок) «сваяли» буквально за вечер 30 декабря.

Все три истории были совершенно реальны. Ирина Шимова действительно пришла сдавать историю религии с «флагами». И преподаватель действительно заставил ее оставить сумку у входа в аудиторию. И она действительно выдернула первый попавшийся «флаг», который был по исламу. Этот вопрос ей и попался.

Гена Качинский действительно не знал, что Леониду Алексеевичу надо сдавать программу исследования, типа, довольно серьезную работу, которую мы сдавали поэтапно. И он действительно в день зачета пришел к Кропотову с вопросом про реферат. Ну, а про сборы уже было сказано.

Как потомственная Снегурочка, ответственно заявляю: все получилось просто здорово! Чего стоил только один Фаюстов, который начал варить пельмени в одной кастрюле, закончил в другой; пельмени слиплись в один здоровый ком, и Леха уже под утро ел его один, задумчиво оперируя ножом и вилок. Или Леха Кашпуров (Господи, опять одни Лехи!), который не мог совладать со своим телом и застегнуть полушубок, и этот полушубок застегивали пятеро человек.

Ну, и конечно, мы все надрывали голоса. В смысле, пели. В общем, *vita brevis, ars longa* (то бишь жизнь коротка, искусство вечно)!

НОВЫЙ ГОД–98

НАЧАЛО

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе.
Как долго нас ждала природа!
Мы появились в январе.

Какое жалкое коварство
Пытаться Кропотова сдать,
Олешке реферат писать,
От Мяса принимать лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!

Вы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Хотя на сессии, ей богу,
Ничем не удалось блеснуть.

Хоть третий курс, по мнению многих
Судей решительных и строгих

Уже изрядно поумнел
(Собаку, мол, на этом съел),

Без принужденья Вас заверим,
Коснувшись до всего слегка,
Что все не так на самом деле,
И возбудим улыбки дам
Огнем нежданных эпиграмм.

ШИМОВА И ВИКТОРОВ

Однажды Шимову аллах послал сдавать зачеты
И на религию она пошла свести с аллахом счеты.
В аудиторию Ирина забралась,
Сдавать религию совсем уж было собралась,
Да призадумалась, а флаги в сумочке держала.
Ей Викторov возьми, да и скажи:
— Сложите вещи вон в тот угол зала.
Плутовка первый лист из пачки хватъ
И с флагом к преподу на цыпочках подходит,
Вертит хвостом и с Викторова глаз не сводит.
Тот говорит ей сладко, не спеша: «Ислам!»
Ирина, чуть дыша (ислама-то она не знала ни шиша)
Идет на место. За главу хватаясь,
Аллаха молит, говорит: «Раскаюсь!»
Флаг открывает — там ислам.
Ирина «FUCK!» кричит, ну, точно, думает, зачет я сдам.
От радости в зобу дыхание сперло.
И, с флага зачитав слова,
С зачеткою была Ирина такова.
Мораль, надеемся, ясна осталась всем:
Не надо ль после этого Ирине завести гарем?

КАЧИНСКИЙ И КРОПОТОВ

ГКЧПинский к сессии совсем ушел в работу.
Когда же вышел, то узнал такую вот заботу —
Студенты сообщили — надо Кропотова сдать.
И Гена, чтоб совсем не оплошать,
В последний день на кафедру спешит
И Кропотову говорит:
— Сказали мне, я что-то типа реферата должен написать...
У Алексеича глаза на лоб полезли.
Вертит очками так и сяк:
И то к темю их прижмет, то их на перст нанижет,
То их понюхает, то языком полижет, —

Очки не действуют.
Понять Качинского не может он никак.
За дверью раздавался хохот: то студенты
Познали на себе те редкие моменты,
Когда одна из шуток Севы удалась...
А Кропотов Геннадия в ответ:
— Негодный! Слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил!
Я этого, приятель, не забыл!
Поди же прочь, ко мне придешь позднее.
А у студентов вызнай повернее,
Что ты не реферат мне должен сдать,
А ПРОГРАММУ СОЦИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ!
Качинский вышел.
— Тьфу, пропасть, — говорит. — И тот дурак,
Кто слушает студенческих всех врак!

МЫ ВСЕ ВМЕСТЕ

Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет.
И выйдет из него не дело — только мука.
Однажды Макс, Филипп и Ксюха
Решили со студентов денег подсобрать.
Да прямиком в «Алкону» — водки чтоб набрать.
На ту беду случайно праздник подвернулся,
И план их наХРЕН наВЕРНУЛСЯ.
Пришли все прочие, сказали:
— Давайте встретим курсом Новый год!
А Макс, Филипп и Ксюха осознали,
Что, мол, с их идеей глухо и стали спорить.
Филипп, на парту взгромоздясь, глаголет:
— Пельмени — пошло, дайте ананасов мне в вине!
А Шимова перепирается:
— «Мартини» мне, «Мартини»! — стучит рукою Макса по спине.
А Избышева:
— Пельмени с водкой — вот вам русская еда,
Идите-ка отсюда и туда!
Вот Евдокимова кричит про майонез.
— Яйцов десятка два иль три.
Тут голос Юлии пролез:
— Макс, дай мне негативы посмотреть, — раздался вопль.
Ну, и так далее...

Мы все живем на грани стресса.
Кто виноват? Конечно, пресса.
А раз мы — пресса, то — вперед,
Давайте выпьем за больной народ.
И, дабы избежать дурацкого эксцесса,
Поскольку мы (ни он, ни я) не поэтесса,
Мы скажем просто прозой:

**ДАВАЙТЕ ВЫПЬЕМ ЗА ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ,
НАС ТАК МАЛО ОСТАЛОСЬ!!!**

Светлана НЕФЁДОВА

НАШИ «ВЫСТУПАЛКИ», или КАК ОНО БЫЛО

***(какая-то глупая и слабая пародия на сценку
и, одновременно, дневник)***

Месяц до выступления: Сегодня спросила Кирова: «Макс, скоро будем готовиться к Дню Первокурсника (Весне факультета)?» Он глубокомысленно ответил: «Надо бы». На том и порешили, вернее, разошлись.

Через три-четыре дня: Сегодня сказала Кирову: «Макс, надо готовиться». «Да, но сегодня я не могу, завтра у меня репетиция», — ответил он. «А послезавтра я не могу». И опять разошлись.

Три недели до выступления: Сегодня, все-таки собрались. Правда, что-то народу маловато было. Всего четыре-пять человек. Нои мы много сделали. Например, поговорили о Великом, то есть о жизни, поспорили с чего будем начинать свое выступление: с песни, танца или стиха. Разошлись.

Две недели до выступления: Народу не прибавилось. Написали несколько песен. При их отборе в очередной раз обнаружили, что Марина Александровна Мясникова — уникальная женщина: что бы мы ни пели, понимали, что все песни — о ней.

Дней 10 до выступления: нас стало больше. А толку, почему-то меньше. Решили переписать сценарий заново (в третий, или в четвертый раз). Старый отвергли по причине отсутствия главной мысли и присутствия кучи «дури».

7 дней до выступления: Киров принес гитару, играл на ней, пел песни, чем совершенно сосредоточиться на написании очередного песенного хита. На него накричали. Ну, ладно, скажу мягче: в вежливой форме попросили заткнуться.

5 дней до выступления: Решили, что начинать все же будем с песни,

потому что в прошлый раз тоже с нее начинали. И «было, типа, круто». Дело осталось за малым — выбрать и написать новый текст. Решили отложить это на завтра.

3 дня до выступления: Оказалось, что мы совсем не готовы выступать! Ксюха начала готовиться к тому, что она не будет в этот раз петь индивидуальную песню. Я, Киров, Юлька и некоторые другие (по-видимому, особо ненормальные) упорно твердили: «Спокойно, осталось написать ...-дцать песен, сделать связочки между текстами. И все. Главное, у нас уже есть куча идей!!!»

2 дня до выступления: И где ходит народ! Нервничать начали уже самые упорные. Решили поделиться на группы. Каждый занимался своим делом, но, в конце концов, все стали снова сочинять вместе.

1 день до выступления: Все вздохнул орали: «А давайте сделаем это! Нет, лучше так!» И... часам к 10 вечера сценарий готов! Поорали песни и еле разошлись по домам. Договорились собраться завтра в 407-ой (нашей любимой, там сейчас кафедра истории печати) в 9.00 утра. И не опаздывать!!!

Утро в день выступления: Конечно, пришло вовремя (или почти вовремя) человек пять. Доделали сценарий, переписали песни.

Часа два-три до выступления: Народу привалило! Оказалось, что ролей жутко мало. Юля быстренько всех «расставляет по местам»... И вперед, с песней. Орем так, что с третьего этажа слышно. Преподаватели ходят по коридору и улыбаются. А подслушивать, между прочим, нехорошо! Макс ругается: «Не дотягиваете! Не там вступаете! Сначала!» Его, в ответ хочется самого по голове стукнуть за сфальшивленные ноты. Садимся с Филиппом за заднюю парту и начинаем «зlobничать». В результате все расходится «на обед» с чувством правильно и хорошо сделанной работы.

За 15 минут до выхода: Ксюха шепчет нам заробным голосом: «Все. Сегодня мы с треском провалимся»...

P.S. Хорошо, если так же будут «проваливаться» курсы, идущие после нас. Этого им и желаю. Да, кстати, Макс, мы ведь будем готовить «Последний звонок»?

СЦЕНАРИЙ ВЫСТУПЛЕНИЯ КОГДА-ТО 3 КУРСА НА ДП

**Действующие лица,
они же исполнители:**

*Ирина Шимова (И.Ш.)
Алексей Фаюстов (А.Ф.)
Оксана Избышева (О.И.)
Валя Илларионова (В.И.)
Максим Киров (М.К.)*

Филипп Чудинов (Ф.Ч)
Тоня Лямцева (Т.Л.)
Сева Доможиров (С.Д.)
Лена Кибкало (Л.К.)
Юля Абрамова (Ю.А.)
Лена Лехова (Л.Л.)
Леша Кашпуров (Л.К.)
Настя Ровнушкина (Н.Р.)

И.Ш.: Ну, ладно. Теперь, по-моему бедет выступать наша любимая команда.

А.Ф.: Которая называется...

Вместе: Мы!!!

А.Ф.: Попросим!

(Весь задействованный пипл выходит на сцену)

И.Ш.: Пролог.

А.Ф.: Абитура к нам пришла

И спросила кроха:

«Че такое «хорошо»

И че такое «плохо»?

И.Ш.: А у нас секретов нет,

Слушайте, детишки!

Курса нашего ответ

Помещаем в книжке.

А.Ф.: Если с девушкой своей

Ты, крутой стилига,

Где-то в тишине аллея,

Повстречал маньяка

И, чтоб не было войны,

Притворился лохом...

Мы сказать тебе должны:

Это очень ПЛОХО!

И.Ш.: Если ж ты, хоть ростом мал,

Хоть и мышцы дряблы,

Смело на него напал

И сражался храбро,

Пусть уж третий год пошел,

Как лежишь в больнице,

Это очень ХОРОШО!

Ты — считай, что рыцарь.

А.Ф.: Если мальчик полюбил

Тыкать в книжку пальчик,

Значит мальчик — книгофил,

Извращенный мальчик.
Не излечит даже врач
Этого больного,
И понять не сможет он
Правила простого:
И.Ш.: Что за книгой находясь,
Портит он здоровье —
Не поможет тут ему
Молоко коровье.
Ты не нужен здесь, чувак,
Позабудь дорогу.
Обращайся на филфак —
Там тебе помогут.
Вместе: Чем над книжкой зависать
И читать газеты,
Лучше уж статьи писать
И снимать сюжеты!

И.Ш. (поборовшись некоторое время с микрофоном): Ужас, а не микрофон какой-то! Итак, надо сказать, что первокурсники просто замучили нас следующими вопросами:

«Что здесь происходит?»

«Как со стипендией?»

«Где зачетка?»

«Чем все это кончится?»

...и так далее.

Сегодня мы решили наконец объяснить им...

Все: Че к чему и ху из ху?

Песня (на мотив «Коммунальной квартиры» группы «Дюна»)

1. Эх, журфак ты мой родимый,
Край загадок и чудес!
Где еще такое счастье?
Где еще такой прогресс?
Под одной огромной крышей
Куча преподав живет,
Ни к чему им дом отдельный,
Вместе жить им хорошо.

Припев: Это коммунальная, коммунальная квартира.
Это журналистская, журналистская среда.

2. По утрам гремят ключами —
Собирается братва.

Маров бегают с авоськой,
Рядом Буркутбаева.
Ковалева смачно курит,
Леня умно говорит,
Мясникова странно шутит,
Создавая колорит.
Припев.

3. Вечером концерт заводят
Стровский вместе с Фоминых.
Побывали на фуршете
И орут за пятерых.
Запрягает их Макушин
Из подвала «Факс» тащить.
А оленивод-Исхаков
Просит горло промочить.
Припев.

4. Ночь настала на журфаке,
Трость Шеваров в руки взял.
Ею бил он тараканов
И в Лозовского попал.
Хитрый Боря увернулся,
Бродский за спиной стоял...
После этого «эксцесса»
С техникой на «Вы» он стал.
Припев.

О.И.: Итак. Самый главный здесь — Лозовский.

В.И.: А-а, это такой маленький и лысенький?

О.И.: Нет. Это такой невысокий, но представительный.

Песня (на мотив «Айсберга» Аллы Пугачевой)

О.И. и М.К.:

1. Ледяной горой Лозовский
По журфаку проплывает,
На руке его сверкают
Золоченые часы,
Блик на лысине играет,
И портрет сей дополняют,
И портрет сей завершают
Симметричные усы.

Припев: И я про все на свете
При их виде забываю,
И я перед усами

Склоняюсь сам не свой.
О, Боря, дай скорее
Потрогать их руками,
Иначе я тотчас же
Поеду головой!

2. А декан проходит мимо,
Ничего не замечает,
Он не видит моей страсти,¹
Но запомню я навек,
Что вообще он должен пива,
Он три года обещает.
Ну, и как тебя назвать мне,
Изверг или человек?

Припев: И я про все на свете
Мгновенно забываю;
И я, как в том романе,
Кричу ему во след:
А ты такой холодный,
Как эскимо в стакане!
На все мои печали,
Увы, ответа не-е-е-ет!

И.Ш.: Ну что ж, теперь, я думаю, надо как-нибудь остроумно пошутить про Лозовского?

(И зал заходится в смехе)

Ф.Ч.: Видишь ли, эта тема уже утратила свою остроту. Давай лучше пошутим про перестановки в деканате.

В.И.: Да, деканат-то ведь у нас теперь переехал. Мария Федоровна и Лозовский сидят по разные стороны баррикад.²

Песня (на мотив «Я обиделась» кабаре-дуэта «Академия»)

Тоня Лямцева (в костюме М.Ф. и с телефоном):

1. Между нами выросла стена,
И это полностью твоя вина!
Между нами взорваны мосты,
И это — все, чего добился ты!

Припев: Не заходи ко мне: я обиделась,

¹ Сие слово сопровождалось эпохальным жестом «подсолнухи». Наблюдать его можно в видео-варианте выступления.

² Имеется в виду переезд деканата в новые апартаменты. До него Лозовский и М.Ф. сидели вместе в одной комнатухе.

Я обиделась раз и навсегда.
Не заходи ко мне, я обиделась,
Я обиделась. Больше никогда не заходи...

2. Разные деканы есть вокруг,
Дождешься, к Блажесу уйду, мой друг.
Чтоб тебе сорвать учебный план,
Я крикну даже через океан.

И.Ш.: В это время зазвонил телефон. Борис Николаевич Лозовский звонил из Америки. Динь-динь!

***Песня (на мотив «Алло, алло, прекрасная маркиза»
Леонида Утесова)***

С.Д. (в очках, усах и шортах, с телефоном и в обнимку с Леной Кибкало, обернутой в американский флаг):

Алло, алло, хеллоу, Мария!
Как там идут у вас дела?
Что без меня студенты натворили?
Как конференция прошла?

Т.Л.: Все хорошо, не беспокойся,
За исключением ерунды:
Ты возвратиться должен срочно.
Оставив все твои труды.

С.Д.: Я, Маш, тебя не понял что-то,
Ты без меня все утряси.
Мне очень нравится «работа»³
И оторваться нету сил.

Т.Л.: Один пустяк, пока не поздно,
Должна я сообщить тебе:
Здесь все живем мы под угрозой
Международного ЧП.

С.Д. (недовольно): Ах, боже мой, какие страсти!
Вот, как шутить ты начала!
Ты не ответила мне, кстати,
Как конференция прошла?

Т.Л.: Ты помнишь, Борь, на подготовку
Так много средств у нас ушло:

³ В этот момент Сева, изображающий Лозовского, несколько плотнее приобнимал Лену Кибкало, обернутую в американский флаг.

Побелка, краска и шпаклевка —
Чтобы все было хорошо.
Но не учли одной беды:
В общаге не было воды;
И очень скоро этот факт
Уж скрыть нельзя было никак.
А тут приехал в универ
Из США миллионер,⁴
Царил повсюду «русский дух»,
И очень скоро он опух.
Никто не знал, что поразит
Его наш местный колорит;
Бедняга в обморок упал —
Потом в посольстве был скандал.
Там все во мнении сошлись,
Что это русский терроризм.
Теперь грозят они войной,
Не расхлебать мне все одной.
Лети домой, но по пути
Ты к Биллу Клинтону зайди,
Поговорите по-мужски
Про терроризм и про носки.
Ты это дело там уладь,
Иначе нам несдобровать.
И вот тогда на самом деле
Все: У нас все будет хорошо!

Ю.А.: Знаете, наши преподаватели обожают, когда их цитируют на экзаменах. В свете грядущей сессии мы решили подкинуть вам пару-тройку цитат.

Ф.Ч.: На десятом месте Рафаиль Лутфуллович Исхаков с высказыванием:

«Все парижане делятся на две вещи».

На какие такие вещи делятся парижане, он умолчал.

И.Ш.: Это что! А вот преподаватель зарубежной литературы Лукьянина сделала потрясающее астрономическое открытие:

«В древности сознание людей было синкретичным. Это сейчас мы знаем, что Солнце, оно не всходит и заходит, а вращается вокруг Земли».

(Как ни странно — смех)

С.Д.: Да. С наукой у наших преподавателей все в порядке. А вот с языком... Недавно Владимир Федорович Олешко произнес на лекции слово «аккумуляция» и пояснил:

⁴ Имеется в виду Джордж Сорос, соответственно.

«Для любителей русского языка — «собираение».

О.И.: Его же высказывание:

«Это Владимир Эфроимсон. Он недавно умер, потому что выдвинул генеральную теорию».

(Нечто вроде смеха)

Л.Л.: А вот что Владимир Олешко пишет в своем учебнике «Социожурналистика» о наших политиках:

«На смену юношеской демократической влюбленности пришло осознание себя мужем, достойным любви не только благоверной, но и политических искусниц со стажем, знающих и умеющих такое, чего чураются вчерашние девственницы».⁵

Ю.А.: Игорь Степанович Бродский:

«Журналист должен думать, для какой цели он делает материал, и с какой целью он его делает».

Ф.Ч.: Замечательное высказывание Чепкиной Элины Владимировны:

«ЭТИМ занимается ЭТИМология».

Стилистика, как всегда, на высоте.

Песня (на мотив «Молдаванки»):

1. Как-то утром, на рассвете, заглянул я на журфак.

Там на кафедре стилистки сочиняют свой трактат.

Я краснею, я бледнею и не знаю, как сказать...

А нельзя ль в зачетке автомат нарисовать?

Припев: Раскудрявый, трехэтажный русский мат

На журфаке изучают все подряд.

Раскудрявый, да трехэтажный, да раскудрявый русский мат.

2. На меня взглянула грозно куча глаз из под очков,

И сказали мне серьезно: где ты видишь дурачков?

Научитесь парадигму от синтагмы отличать...

Конвергенцию с гротеском, парцелляцию и тропы,

Ретардацию и время для зачета нужно знать.

Припев (2 раза).

(Просто бурные овации)

И.Ш.: Возвращаемся к нашему сборнику цитат. Много и охотно о себе рассказывает Татьяна Григорьевна Федотовских:

«У меня дочь смотрит мультики, я оттуда и набралась».

«Я, конечно, понимаю, что я многого не понимаю».

С.Д.: А вот зарубежная литература о женской ревности:

«Мало того, что она красавица, так она еще и калека!»

(Смех)

⁵ Не верите — сами посмотрите: В.Ф.Олешко «Социожурналистика», с. 14.

О.И.: Послушайте лучше, какие мысли встречаются на лекциях по политологии.

«Японцы народ хитрый, восточный».

«Вы почувствуете автора, туда-сюда».

«Половой национальный продукт».

«Права русского и говорящего населения».

«Каждая власть, приходя к власти, имеет ее в виду».

Ну, и последнее:

«Я далеко в историю не хожу».

(Опять смех)

Ю.А.: Фролова Лена Ивановна:

«Не пишите красной пастой, меня бесит этот черный цвет!»

(Много смеха и даже визгов)

Ф.Ч.: Приятное и лестное для студентов высказывание Марины Александровны Мясниковой...

Появляется Валя Илларионова в шубе, изображая М.А.

В.И.: На лицах вижу глупость и непонимание... (смех) Как известно, Су-мароков мнил себя талантливым литератором... О, новые лица в аудитории! Девушка, я вас в первый раз вижу.

О.И.: Да как же, Марина Александровна, да на всех лекциях, да ей богу!

В.И.: Нет, нет, нет, нет...

О.И.: Ну, Марина Александровна, я прическу сменила.

В.И.: Не к добру менять свой имидж перед зачетом...

Песня (на мотив общеизвестного похоронного марша)

(Поют все, Валя дирижирует)

У Мясниковой надвигается зачет.

У Мясниковой приближается зачет.

Все придут сдавать ей, но не все сдадут ей.⁶

Будет хорошо, будет очень хорошо.

(На сцене все рыдают)

И.Ш.: Ну, что мы все о грустном! Давайте споем хоть что-то веселое.

Песня (на мотив «Люблю я макароны»)

Мы любим Мясникову, хоть, говорят, она нас всех погубит.

Мы любим Мясникову, хотя ее вообще никто не любит...

(Хором): Так как мы!

В.И.: Ну-ну! (Уходит)

Ф.Ч.: Ну, кто там у нас на очереди? А, Ковалева Маргарита Михайловна.

Она не верит в технический прогресс:

«Тот самый интернет, страшнее которого ничего нет».

⁶ В это время Валя Илларионова показывала правой рукой «кузькину мать».

И.Ш.: Сложны для понимания рассуждения преподавателя психологии Рогинской Юлии Михайловны:

«Но только, чтобы ни одна живая душа не знала, что вы — ОНО! «Ясно», — говорит ОНО. И идет гулять».

(И опять смех)

С.Д.: Еще о литературе, и опять о зарубежной. Смирнова... Э-э-э... (Ищет имя и отчество в сценарии)... Наталья Вениаминовна...

И.Ш. (указывая на Севу): Не знаком.

С.Д. (зачитывает):

«Его пьянство — это просто форма выражения того, что он не может пройти по прямой доске».

(Смех)

О.И.: Преподаватель русской литературы Созина Елена Константиновна:

«А в плане эмпирическом у него с этой дамой ничего не было».

(Смех)

Ю.А.: Немного религии:

«Иисус излечивал прикосновением, дуновением, плюновением».

(Смех)

И.Ш.: Парочка высказываний преподавателя философии Бурцева:

«Медведь ведь он как: зимой нагуляет жира, а ночью спит».

(Смех)

«У другого соринку в глазу замечаем, а у себя не видим ВОТ ТАКОЙ ино-родный предмет!»

(Смех)

И.Ш.: Ну, а прежде, чем объявить вам победителя нашего хит-парада, я объявляю рекламную паузу.

На сцену крадущейся походкой выходят С.Д. и Ф.Ч, которые изображают двух клоунов с рекламной заставки ОРТ. В визуальном варианте очень даже смешно. М.К. с распущенными волосами садится за пианино и играет «Собачий вальс», как бы изображая Марова.

М.К. (с чувством): Недавно я перестал пользоваться шампунем «Head & Shoulders». А также другими моющими средствами. О том, как я выгляжу, я больше вспоминаю!

(Смех)

И.Ш.: Итак, ура-ура, мы приближаемся к самому основному. (Торжественно.)

На первом месте по супер-высказываниям — любимец всех студентов и большинства студентов... М-м-м... Леонид Алексеевич...

Все: КРОПОТОВ!

(Просто аплодисменты)

И.Ш.: О музыке:

«Есть известная песенка, правда, я не знаю ее содержания... Ну, она редко исполняется».

(Смех)

О.И.: О книгах:

«Вспомнить, если не читали, ознакомиться, если читали».

(Смех)

Ю.А.: О религии:

«С божьей помощью, то есть с помощью Марова и меня».

(Смех)

И.Ш.: О животных:

«Ну, темы у вас, как ежик в тумане, имеют самые общие представления».

(Смех)

О.И.: Об оригинальности мышления:

«Чтобы не повторяться, надо сказать то, что уже сказано».

(Смех)

Ю.А.: О радостном:

«Индюстрия развлечений».

(Смех)

И.Ш.: О Шеремете:

«Он учился плохо и кончил с трудом».

(Просто неиссякаемый смех)

О.И.: О геометрии:

«Я вам раздал листы одинаковой формы».

(Смех)

Ю.А.: Об эротике:

«У меня будет, так сказать, диспетчерский телефон; звоните мне днем и ночью, и мы будем сноситься».

(Опять долго и смешно)

И.Ш.: Еще об эротике:

«Я вас сейчас изнасилую в кавычках».

(Ужасно ДИКИЙ смех)

О.И.: Ну, и просто супер-хит: наш победитель с историей...

(На сцену выходит Леша Кашпуров, изображающий Л.А. За ним выбегает Настя Ровнушкина в амплу студентки)

Н.Р.: Я придумала! Я придумала тему для социографического исследования!

«Армия в жизни молодого человека!» Ну, как?!

Л.К.: Ну, вы же, девушка, в армии не служили... (Оглядывая Настю) И вы вообще девушка... Вам надо заняться чем-нибудь другим.

Н.Р.: Так что же мне теперь, про проституцию писать?!!

Л.К.: А вот это мне нравится! (Смех) Да и это ближе вам к телу. Займитесь!

Песня (на мотив «Че те надо» Балаган Ltd.)

Все (с исключительно деревенским акцентом):

Я вникала три дня в твой предмет непонятный
И взяла меня нервная дрожь.
Ты скажи, ты скажи, че те надо, че те надо,
Может, сдам, может, сдам, че ты хошь, ой, че ты хошь.

Я Урсула взяла и ревела, ох, ревела —
Ни на что тот Урсул непохож.
Всю себя извела, не пойму я, че те надо,
Объясни, может, сдам, че ты хошь.

Спиджачок⁷ ты надел канареечного цвету
И взяла меня нервная дрожь.
Говоришь ты всегда все про ЭТО, ох, про ЭТО,
Поясни, может, сдам, че ты хошь.

Снова сбрил ты усы, ах, ты глупый, ах, ты глупый.
Имидж твой, имидж твой не поймешь.
Как общаюсь с тобой, пусть дрожат мои руки,
Но коленки мои не тревожь.

Вот семестр прошел — аки птица пролетела —
Знания мне показать неverteж.
Вот теперь я поняла, че те надо, че надо,
Но не сдам, но не сдам, че ты хошь.

И.Ш.: На самом деле вы, наверное, думаете, что мы долго придумывали эти шутки, сидели, корпели ночами. Не готовились там к зачетам всяким. А на самом деле они рождаются сами собой, в результате какой-нибудь не-большой путаницы. Ну, вот сейчас мы вам покажем примерчик.

(На сцену попарно выходят девушки с плакатами. У каждой пары свой слоган:

1. Маров — любитель семинаров.
2. Кропотов — любитель опытов.
3. Новое поколение выбирает PEPSI.
4. Пылесос DUMBO — тихий-тихий, но мощный.
5. Head & Shoulders — избавит от перхоти.

Сначала каждая пара показывает правильный слоган, а затем начинается «путаница». В результате создаются фразы типа:

«Маров — тихий-тихий, но мощный».

«Кропотов выбирает PEPSI».

«Пылесос DUMBO избавит от перхоти».)

Л.Ф.: В общем, не так уж плохо учиться на журфаке.

И.Ш.: Любим мы это дело, вот что.

⁷ Пиджак такой у Кропотова действительно есть. Он даже иногда в нем ходит.

Финальная песня (на мотив «Пора-пора-порадуемся» из к/ф «Три мушкетера»)

Поют все:

1. Опять грохочет каменный топор:
Готовлю выпуск каменной газеты.
Топор тот, как и юмор мой, остер,
А значит, выпуска окончу к лету.

Припев: Пора-пора-порадуемся на своем веку
За каждый новый номер, за каждую строку.
Пока-пока-показывая истину народу,
Так, что понятно даже дураку.

2. Опять скрипит гусиное перо,
И скрип его щекочет многим нервы.
Все знают, что на троне есть король,
Но он ли в государстве нашем первый?

Припев: Пора-пора-порадуемся на своем веку
За каждый новый номер, за каждую строку.
Пока-пока-показывая истину народу,
Пожертвую всем, чем только смогу.

3. Опять стучит машинка «Ремингтон»,
Заело снова клавишу пробела.
Но я окончу к сроку фельетон,
А то меня редакция заела.

Припев: Пора-пора-порадуемся на своем веку
За каждый новый номер, за каждую строку.
Пока-пока-показывая истину народу,
Еще не раз сожмем в кармане «ку»⁸.

4. Опять скрипит мой принтер на столе —
Дела мои всегда идут со скрипом.
«Как много журналистов на земле», —
Подумаю со вздохом и со всхлипом.

Припев: Пора-пора-порадуемся на своем веку
За каждый новый номер, за каждую строку.
Пока-пока-показывая истину народу,
Еще не раз шепнем: «Мерси боку»!

⁸ На этот раз имелся в виду «кукиш». Почему его называли «ку», — навсегда останется тайной.

НА ТРОСОШОК...

М.Ф.

Ты всю селедку съела,
Но я не буду плакать;
Ведь будет долго-долго
Хранить обертка запах...



Угадайте, чей шедевр? Узнали? Это Катя Тимошенко шесть лет назад на юшках выполняла упражнение «Рифмоплет». А потом написала красивые и мудрые стихи-посвящение Игорю Талькову. Есть еще много-много листочков, где строчки торопятся, взхлеб говорят — Кати Ерашовой стихи. Храню. Берегу. Помню.

Тот, 1995-ый — особый год — из юшек поступили на журнал 29 выпускников: Настя Силантьева, Лида Митюшкина, Алеша Кашпуров, Женя Сторожева, Наташа Жердева, Ира Смоляная, Ира Шимова, Саша Жестков, Лена Лехова, Тоня Лямцева, Гена Качинский и мн. мн. др.

Гену я все время с кем-то путала, а он, насупившись, повторял упрямо: «Гена я, Качинский...» Было ужасно неловко, я кляла себя, а в следующую среду опять, как обычно, он стоял рядом и, глядя в пол, убеждал: «Гена я...» (Примечание: Гена занимался в юшках три года. Честное слово, я теперь никогда не забуду ни имя, ни фамилию). Лида Митюшкина однажды все сочинение на тему «Человек года» уложила в две строки: «...Это для меня я сама. Я в себе открыла множество талантов». Кстати, на том же занятии и доказала. Было задание изобразить чайную чашечку для левши. Лида нарисовала ее под микроскопом. Никто ни до, ни после в этом тесте и не предположил лесковского мастера Левшу.

Многое останется в памяти: и «Три богатыря», и «Голос народа», и прочий махровый самиздат, и дипломные ваши нетленки, и прижившиеся всяческие сувениры.

Живет у меня дома замечательный звер по имени Улюль Булюль Хиштаки Саританурович. Иногда у него под мышкой, вернее, под лапкой появляется шоколадка и мы устраиваем вечернее чаепитие.

В избах и квартирах живут домовые, в помойных местах — банные, на

токах — овинные, а у нас есть деканатский дух-хранитель. Деревянный. Светлый. Мудрый. Он во время сессии «хвостовки» своим телом прижимает, чтоб, не дай Бог, ветром не сдуло.

А однажды в деканат ввалились цыгане с шампанским, с гитарой, с песнями и, подначивая: «Пей до дна, пей до дна...», заставили меня, не пьющую (почти) прилюдно опустошить целый стакан. Не помню, как до конца дня досидела...

Выпуск-2000 запомнится многим. Хотя бы беспрецедентным пристрастием к «красным» дипломам. Галина Евгеньевна, «подбив бабки», поспешила в деканат: а нам разрешат выдать пятнадцать дипломов с отличием?

Выдадут, куда они денутся. Ум-то не спрячешь...

Не теряйтесь. Чаще радуйте творческими удачами, чтоб на вопросительное соседское — «Ваш?», с гордостью, с вызовом и слезой в голосе отвечать — «Наш!». Шлите приветы через практикантов, будьте к ним снисходительны, ибо «и ты когда-то, аксакал, на этом скакуне скакал...» Привозите детей своих. Хоть и гласит факультетская мудрость, что журналистские дети трудно обучаемы, так уж и быть! Династии здесь любят.

Присядем перед дальней дорогой, друг на дружку посмотрим...

А точку ставить не будем...

Владимир Ф. ОЛЕШКО

Я — диалектик. Поэтому в отношении к вашему курсу у меня существует стойкое убеждение, что он представлен целиком и полностью сваями талантливыми, умными, творчески реализовавшимися на данный момент студентами. Но... Если будет иначе, и каждое новое поколение выпускников «не обойдет на вираже» предшественников, значит, преподаватели что-то не дорабатывают и в чем-то утратили чувство реальности.

Я думаю, вы не обидитесь на меня за эти слова, уже хотя бы потому, что с получением заветного диплома журфака, вы тут же... переходите в иную «весовую» категорию. В категорию профессионалов. А там, как известно хотя бы по сфере профессионального спорта, чемпионов не бывает сотни. «Чемпионство», тем более в нашей сфере — дело штучное. Мы гордимся всеми выпускниками, но я бы sluкавил, если бы не сказал, что особо гордимся теми, кто достиг неких творческих вершин в журналистике. Не чинов, не денежных пирамид, а вершин именно в том, что я в своих лекциях формулировал как понятие творческой самореализации. Ведь любимыми, известными всей стране журналистами становятся именно такие люди. И помните: в день выпуска у вас у всех для этого будут абсолютно равные возможности.

Поэтому хочется пожелать одного: служить, а не прислуживать, и всегда не только какому-то политику, редактору, «хозяину» СМИ, спонсору — только Её Величеству Журналистике. Свое же (конечно, очень субъективное!) мнение о степени творческой самореализации в период студенчества я выс-

казал каждому из вас, оценивая баллами то, что мы выполняли в ходе занятий. Почему-то мне кажется, что многие из вас, как и я, не считали это только некой игрой...

Элина В. ЧЕПКИНА

Я уже несколько лет с большим интересом читаю книги, которые пишут выпускники о факультете. Интересна возможность прочитать и о том хорошем и не очень хорошем, что студенты не говорят вслух (по крайней мере, преподавателям), пока остаются студентами. Однако со временем у меня возникло ощущение, что в этом пост-общении, когда все лекции, семинары, курсовые позади, мы каждый раз выслушиваем только одну сторону. Хочется подвести итоги и с нашей стороны. Лично у меня есть веские основания сделать это именно сейчас, когда оканчивают факультет студенты, с которыми я работала в течение четырех лет — из недели в неделю.

Мне нравится традиция нашей кафедры, когда в каждой студенческой группе один и тот же преподаватель ведет все лингвистические дисциплины с первого до четвертый курса. Я пришла в 1995 году в 102-ю группу... Во-первых, я считаю, что наши студентки — одни из самых красивых в университете, приятно просто смотреть на аудиторию во время занятий. Во-вторых, с нашими студентами в аудитории интересно, потому что они изначально коммуникабельны, охотно вступают в диалог, хорошо выполняют творческие задания (не замечали странную связь между факультетом журналистики и театральным институтом? Многие наши студенты пытались сначала стать актерами — Антон Ложкин, например, — или наоборот, оказывались в театральном после журфака — скажем, Олег Дуленин.) 102-я не была исключением. У меня до сих пор хранятся некоторые из творческих работ, выполненных на наших занятиях: лирические, очень художественные этюды Вали Илларионовой и Юли Абрамовой, яркие зарисовки Тани Канахиной, Станные ироничные тексты Алёши Сурова и Коли Яблонского, стихи Филиппа Чудинова, серьезные искренние размышления Эдика Никульникова...

Первый год мы привыкали друг к другу, и это происходило без особых проблем — группа оказалась еще и доброй, и внимательной. Я была тронута, когда, поздравляя меня с 8 Марта, они подприли комплект номеров газеты «Голос народа» (ГОН), издававшейся в первой группе: газета была любопытная и я как-то обмолвилась, что хотела бы познакомиться с ней лучше. И вот Саша Жестков мне ее вручил под аплодисменты аудитории.

На втором курсе мы уже понимали друг друга с полуслова, и наверное, все знали, чего можно ожидать от каждого. Например, погруженные в какие-то свои музыкальные эмпирии, Антон Ложкин, Женя Герасимчук, Алеша Суров и Коля Яблонский каждую сессию переписывали диктанты и что-то другое досдавали, но у меня никогда не было мысли, что они могут не появиться в аудитории после сессии. И они появлялись. Эта группа, кстати,

вообще была очень стабильной — редко кто уходил, а если и уходили, то в связи с интересной работой, как Ира Шимова и Саша Жестков. (Меня всегда изумляет студенческий миф, что преподаватели любят только прилежных студентов. Как раз двоечники бывают удивительно обаятельными, да и вообще, когда с одними и теми же людьми общаешься четыре года подряд каждую неделю, начинаешь во всех видеть что-то родное и близкое.)

Третий курс привнес новые оттенки в наше общение: начался «Коммуникативно-речевой тренинг», где в устных выступлениях все раскрываются с неожиданной стороны.

Саша Мартиросов совершенно незаурядно читал лирические стихи и виртуозно пародировал речевую манеру Г.Н. Шеварова и Б.Н. Лозовского. Филипп Чудинов пропагандировал собственную теорию передачи мыслей на расстоянии и, кажется, улучшения погоды с помощью этих мыслей. Коля Яблонский нарушал все стандартные требования к общению с аудиторией на невербальном уровне, но неповторимость его интонации и жестов делала эти «неправильные» выступления одними из самых интересных. В общем, скучно не было.

Важным опытом была для меня работа в рамках спецсеминара с Юлей Абрамовой, Валей Илларионовой, Тоней Лямцевой, Настей силантьевой, Катей Тимошенко. Мы обсуждали такие проблемы структуры журналистских текстов, в которых для меня самой было больше вопросов, чем ответов, и наш совместный поиск эти ответы давал. Было и по-настоящему творческие диалоги, увлеченная совместная работа — не было и следа учебной рутины, которой трудно, к сожалению, избежать, когда в 25-ый раз объясняешь на лекции необходимые, но давным-давно известные тебе вещи.

Обязательно хочу сказать о своем общении с первой группой. Мы с ними встретились только на четвертом курсе, дружба, как с 402-ой была невозможна. И от занятий у меня осталось ощущение поединка: мы испытывали друг друга на прочность, мы много и часто спорили — это требовало от меня повышенной боеготовности, внутренней собранности, поэтому было очень интересно. Как ни странно, мы с ними часто успевали сделать больше, чем с почти уже родной 402-ой. Я благодарна за серьезные, интересные работы Максиму Кирову и Всеволоду Доможирову, Ане Елшиной и Ане Зуевой. Выяснилось, что поразительно хорошо чмеет редактировать Игорь Березовик (надо сказать, всегда на занятиях по литературному редактированию находится такой человек — интуитивно чувствующий текст, его форму). В итоге я могу сказать об этой группе, что в ней учились добрые, хорошие, талантливые студенты.

На четвертом курсе все были уже взрослые, серьезные люди, большинство где-то работало, и когда сейчас я перечитывала старенькие номера «Голоса народа», мне трудно представить этих ребят в качестве персонажей тех гротескных историй. А газеты я храню с удовольствием — в них живет неумирающий озорной дух студенческого братства. За который мы студентов и любим.

КИБКАЛО И ДРУГИЕ

Обрадованный возможностью вскочить-таки на подножку отъезжающего поезда (дослать верстку уже подготовленного к печати сборника свой «мемуар») — спасибо Нефедовой Свете, — обложился бумажками. Как то: списки литературы¹, якобы прочитанной — **но еще в школе** — к экзамену, с фамилиями и номером группы; рефераты по советской массовой песне 30-х годов², рецензии на сологубовского «Мелкого беса», написанные в самом что ни на есть «чеховском» ключе (*краткость — сестра таланта; слово, как и раба, необходимо капля по капле выдавливать из себя*)³.

Наособицу лежат листки «учета» с практических занятий, изукрашенные вполне прозрачной преподавательской «таинописью»: *кружочки, квадратики, треугольники, галочки* и разного рода *крючочки*, востребованные к жизни эмоциональным своеобразием текущего семинарского момента и на другой же день напрочь лишенные какой-либо отгадки даже для меня самого. Встречается, правда, еще и фирменный мой лейбл «у.д.», что означает «умная девочка». Почему-то — при всем самом искреннем уважении к взаправдашнему высокому интеллектуальному потенциалу студентов мужского пола — рука ни разу не поднялась написать соответствующее «у.м.» — не зря же я даже самого добросовестного студента всех времен и народов, Максима Мокеева, звал только лишь словом «отличник». Наверное потому, что «мальчики» на журфаке большей частью скорее не «умные», а хитрые. К А.Мартиросову и А.Фаюстову это не относится, но вот Н.Яблонский, Яблонский... Короче говоря, с «у.д.» типа Т.Кабалиной или Ю.Хаяк «у.м.» рядом не стояли и не сидели!

Первым в моем архиве лежит *списочек* (а как еще назвать реестр из 24 позиций?) Лучанской. Почему он первый, я мог бы не комментировать, поскольку все — от однокурсников до Б.Н.Лозовского — и так знают, насколько я равнодушен к Елене Александровне. Однако в данном случае все до омерзения невинно: она просто-напросто, как вспоминаю, последняя подготовила реферат. И отчего же студентки иногда бывают так неприлежны!

...Впрочем, что это я все про архивы? Где же живые воспоминания о пятом курсе, который вступает нынче в вампиловскую ситуацию «прощания в июне»? Ответу: боялся повторить то, что можно будет прочитать в романе

¹ Список Ани Кармановой почему-то озаглавлен слоганом «Умереть не страшно, страшно не жить».

² Вообще-то темой этого курса было соединение лирического и героического начал в массовой песне, но такого *напели!*

³ Исключения два — Е.Сторожева, отписавшаяся стихами («Я немного символист»? / Быть может, мне это странно. / Я бы оставила Вам чистый лист, / Решим, что это — многогранно. „ Недотыкомки моих мыслей...» и т.д.), и Ю.Святкина, исповедально сообщающая мне на полях: «Но вот, свою любимую ручку я починила, можно и пописать».

Ю.Абрамовой «И это все о Нем». Синтетическое — смесь производственного, готического и дамского романов — произведение Юли, которое я читал в рукописи под заглавием «Кибкало и другие», выходит в конце этого года в Издательском доме «Сократ». Уж я-то это знаю наверняка, как главный редактор.

Борис Н. ЛОЗОВСКИЙ

ПЯТЫЙ КУРС 2000 ГОДА, КАК ЗЕРКАЛО ЖУРФАКА

Нынешний пятый курс отличается от предыдущих:

Наибольшим количеством работающих во время учебы;

Наибольшим количеством пропусков занятий;

Наибольшим количеством бордовых (читай — красных) дипломов;

Наибольшим количеством талантливых людей. Вот только несколько номинаций:

Всеволод Доможиров хорошо освоил методику «журналист меняет профессию». Проникнув глубоко в суть административного труда в высшей школе, весьма органично исполнял на сцене роль декана журфака. Особенно ему удавались усы.

Наталья Жердева — несомненный эрудит по части финансов, мастерски загоняла вопросами в угол президента банка «Северная казна» В.Н. Фролова, но тот в угол так и не встал.

Геннадий Качинаский — Чеширский кот. В списках есть, на занятиях нет. Долги сдавал с предельной терпеливостью к преподавателям, а также тщательно скрытым равнодушием к предметам.

Алексею Кашпурову я на первом курсе так и не дал интервью. После чего у него должна была развиваться идиосинкразия к этому жанру. Но не случилось. Буду казнить по этому поводу, пока не вручу ему диплом.

Максим Киров останется в памяти прической, мастерским исполнением факультетских песен под гитару и снисходительным отношением к педагогам высшей школы.

Счастлив, что Елена Семеновых не променяла первую парту, где она всегда слушала лекции, на черную Африку.

С Ириной Смоляной мы как-то договорились, что о журфаке Уральского университета следует писать много и только хорошо.

Оля Теткина за упорство по части курения в запрещенных для этого местах подвергалась исправительным работам. Интересно, бросит ли она после этого курить?

Юля Абрамова — блистательно сыграла Скалли из «X-files».

Людмила Белоусова — просто персик, несмотря на то, что профессиональный репортер.

Оксана Избышева — талантливый первопроходец в жанре песни о великой и сильной любви к руководству факультета.

Искренне скорблю о том, что золотая рыбка, подаренная деканату несравненной Еленой Кибкало, почил в бозе из-за халатного отношения персонала к своевременному кормлению животины.

Александр Мартиросов — гранд кинематографа, достоин звания академика американской Академии киноискусства. Обладает острым чувством неправды, поэтому истово доказывает, что все киношники дураят своего зрителя.

Эдуард Никульников с телекамерой — деталь журфаковского пейзажа последних пяти лет, как девушка с веслом в парке отдыха.

Настя Силантьева — супер-топ-менеджер в радиожурналистике Уральского университета.

Анна Сапегина обладает безукоризненным вкусом. Ей идет черное и глубокие вырезы.

Алексей Фаюстов — заместитель декана факультета журналистики по эстетическому воспитанию. Готовый anchor для всех каналов г. Екатеринбурга.

Усерден во всем. Когда играет на баяне композицию из фильма «Титаник», не могу удержаться от слез.

Оксана Артемьева — просто хороша.

Филипп Чудинов мог бы работать в ФБР в роли Малдера. Как Дэвиду Духовны осталось только окончить Принстонский и Йельский университеты.

Если бы не профессионализм Светланы Нефедовой, заключающийся в систематическом насилии над деканом по поводу написания впечатлений о пятом курсе, этого текста бы не было к сроку.

**Коллекционировали изречения
Всеволод ДОМОЖИРОВ и Максим КИРОВ**

УСТАМИ ПРЕПОДА...

Любим мы травить байки про наших преподавателей. Песни про них сочиняем, пытаемся пародировать. За пять лет узнали про них все, что можно, и чуть-чуть то, что нельзя. За четыре с половиной года лекций, семинаров и зачетов наслушались мы их вдоволь, привычка даже выработалась какая-то нехорошая — записывать все, что они говорят. Пятый курс, последняя сессия, государственный экзамен — пришло время цитировать! ☺

Деканат

Борис Николаевич Лозовский:

«Предлагаю вам писать рефераты, глубоко, хорошо, тогда вы до зачета не дойдете».

«Ну, вот, иссякли...» (о студентах).

Мария Федоровна Попова:

«Из-за Лозовского Кодекс не был принят, а только утвержден...»

«Трудно идею разделять на рубрики».

«Человек думает в одиночку или наедине».

Кафедра стилистики

Элина Владимировна Чепкина:

«На третьей странице начинается языковая неправильность речи...»

«Неясность по причине дефекта мысли не возникло».

«Даже если и нужно объяснять, то это ничего не объясняет».

«Выделить его только в смысле отношения к работе, а как личность его не трогать вообще».

Татьяна Григорьевна Федотовских:

«Вопросы сами по себе возбуждаются».

«Петухи выполняют функцию опевания времени».

«Журналисты сейчас любят это слово — «шизофрения».

«Мне понравились работы... разочаровала меня работа Максима Кирова».

Мария Александровна Очеретина:

«Журналисты в речи, с речью, без речи».

Русская литература

Евгений Степанович Зашихин:

«Возьмем на сто лет выше...»

«И не надо, чтобы у вас была иллюзия, что вы знаете текст, потому что текст надо знать».

«Молчать!.. Еще раз молчать!..»

«Атаман Анненков и атаман Семенов — замечательные, жестокие люди...»
«Я ее тоже петь не буду, но приблизительно перескажу» (о революционной песне).

«Набоков, как эфемерность, и остается нашим любимым писателем».

«Или какой-нибудь пьяный гопник тихо садится тебе на колено...»

«И эта ситуация бьет. Неважно, по голове или куда там, но бьет».

«Эскимос пережил катарсис» (из обсуждения повести «Молох»)

Елена Константиновна Созина (русская литература XIX века):

«Она — женщина-не-фонтан».

«Роман получился совсем не таким, как думал Достоевский, его пиша».

Кафедра периодической печати

Леонид Алексеевич Кропотков:

«Аня сделает репортаж, но через мой труп».

«Чё в голову приходит, то и придумываем».

«Кто может вырубиться и думать...»

«Движение мысли где?»

«Флирт — это элемент социальной жизни и даже где-то приятный».

Рафаиль Лутфуллович Исаков:

«У нас в институте есть целый профессор...»

«А это, извините за выражение, филогенез!»

Владимир Федорович Олешко:

«Я на свою беду встретил своего парикмахера...»

«Вот ряд коллег здесь лежит»

Светлана Александровна Большева («В качестве ежа под череп»):

«Здесь не может быть места схематизму и упрощенчеству».

«Очень рыночная деятельность».

«Поведение товара носит случайный характер».

«Никто до этого не изучил такую мою позицию».

«Я видела, что подтянулись люди... О, простите!.. Студенты».

«Я забыла, когда в последний раз платила Борису Николаевичу...» (о членских взносах).

«...Чудаков?» (о Филиппе Чудинове).

Кафедра истории печати

Маргарита Михайловна Ковалева:

«Были бы вы образованными людьми, вы бы бросились писать диссертации!»

«Она не знает от кого у нее муж».

Галина Германовна Щепилова:

«Скажу сначала "А", а потом "Б", но с отрицательным знаком».

«Я к этому отношусь попроще, я ведь менее умная».

«Не обязательно все, что происходит в мире, надо засунуть в одно место».

«А куда его выкинешь? Такой гладкий и приятный на ощупь» (о журнале).

«Там женщины не выделяются, что они моложе, а честно говорят: «Мне сто лет».

«У меня есть подозрение, что в России эту книгу прочел целиком лишь один человек. Я ее не осилила».

«Два мужчины одного пола».

«Весна на улице, хоть и зима».

«У нас в стране секса нет, потому что негде».

Любовь Петровна Макашина:

«Если вы помните, напомним...»

«Брюсов — зачинатель русского символизма».

«Изображен задумчивый орел со сломанными крыльями...»

Дмитрий Леонидович Стровский:

«Я жду от девочки в турбюро "нечто", а она представляет нечто другое».

«Мы вычленили определенную важную сегмент аудитории».

«Нет!.. Мы же да!..»

«Они недавно стали, если не близнецами-братьями, то родными сестрами» (о журналистике и маркетинге).

«Полтора года назад... Нет, скажу так: в 1991 году...»

Преподаватели других кафедр

Нонна Константиновна Эйнгорн (нам преподавала этику):

«Несмотря на молодость, у него осталась молодая жена».

«Гость необходим хозяину, как дыхание. Но если он только входит, то хозяин задохнется».

«Давайте смотреть правде в глаза — они у нее такие разные».

«Конкурс красоты — это конкурс форм».

Светлана Ивановна Быкова (преподавала спецкурс по истории XX века):

«Они пропагандировали сексуальное возрождение... ой..., воздержание!..»

Наталья Вениаминовна Смирнова (учила зарубежной литературе)

«Троллоп чуть не убил Льва Толстого. Толстой так и писал: «Троллоп убивает меня своим мастерством».

Валентин Ванифатьевич Корона (дал нам основы естествознания):

«Под историей естествознания понимаются самые разные истории».

«Известно, что все люди смертны, причем вероятность смерти возрастает с возрастом».

«Если мужчина две недели не пьет, он может родить здорового ребенка».

«Недавно на Западе стали внимательнее присматриваться к мужчине и женщине и, как ни странно, нашли массу различий».

Алексей Вячеславович Маркин (долго преподавал нам зарубежную литературу):

«Жизнь сильных мира того».

«А что для нас Север, то для европейца — Африка».

«Друзья Жизель — странные личности, которые занимаются темными делами».

«Монструозные образы проституток».

Вольфрам Александрович Панпурин (от души преподавал эстетику):

«У меня есть еще пять минут, чтобы сделать подкидной мостик для следующей лекции».

«Я могу дать свое определение, правда, сейчас оно не имеет никакого смысла».

«Постигать смысловой беспредел, который есть в этой музыке...» (О Бахе).

«Самотранденсация человека».

«Если вы меня будете сбрасывать на повседневные проблемы, у нас никакого обобщения не получится».

«Это континуальность, здесь нет дискретности, этой шаговости» (О чем-то своем).

«И при этом пытается как-то сложить свое тело, придать ему форму...» (Не поверите, но это о футболе).

«Это тренаж творческих потенциалов личности».





№ 28
2000 годъ
юбилейный

ГОЛОС НАРОДА

*Сегодня в номере: байки с журфака
(история когда-то 101-й группы до наших дней)*

• СЕКретная Служба (СЕКС): новости

□ Антонина Л., староста 102 группы, не теряя времени даром, готовится ко Дню Первокурсника. Вчера перед согруппниками она призналась, что не в состоянии перегнать в изобретательности Лидию М. (старосту 101 группы), т.к. пропила, прокурила и т.п. заначенные на то средства еще неделю назад.

М.О.

□ Н.Ровнушкина любит спать на парте, положив голову на руки. Настя! Возможно искривление позвоночника!

□ Гена Качинский — профессионал в айкидо и профан в карате.

□ А.Жестков больше не пьет после того, как А.А. внушил ему, что алкоголь — вред.

□ Если А.Сапожникова вывести из себя, он может с вами подраться, чем сильно позабавит вас и окружающих.

□ «Подберезовик», — так назвал учитель физкультуры Чемоданов Игоря Березовика. В отместку Игорь обозвал Чемоданова «Козлом» и пообещал набить ему лицо.

□ Дважды два — четыре...

ЗоРо.

□ Лида Митюшкина собирается создать Секту извращенцев. Как заявила глава Секты, ее почетным членом будет являться знаменитый А.А., а по нечетным — Миша Орловский.

□ Рафаил Исхаков, широко улыбаясь и показывая на надпись «Не курить!» на стене, сказал: «Чукча говорит: я не читатель, я писатель». Наверное, Рафаил Лутфулович имел в виду кого-то из высшего эшелона журфака.

□ Радик Залилов служит на Алтае, подстригает газоны.

□ Саша М. и Леша Ф. однажды провели ночь вместе... в ТСО.

□ Рафаил Исхаков улыбнулся Ольге Теткиной...

□ Скоро практика...

□ Выпал снег...

Мыш.

• Криминальная хроника

□ Интегральной семьей 2 и дифференциальной семьей 1 довела до прединфарктного состояния М.А. Очеретина студента журфака Шишкина М. Студент в тяжелом состоянии госпитализирован. Ведется следствие. Передачи носить в 101 группу.

□ «Кузькина мать» будет показана студентам журналистики Борисом Николаевичем Лозовским. Спекуляция на факультете процветает. Пионер борьбы с курением уже борется с нею.

□ Вчера при необычайных обстоятельствах без вести пропал Радик. Уйдя со второй пары и пообещав вернуться выпить пива, он бесследно исчез. Найдите Радика!

А.А.

□ 26.02.96 г. в районе 14.30. на двери кафедр стилистики и русского языка появилась табличка с надписью: «Леночка Соболева! Вы ужасный ребенок! И.И.Грибушина». По предположениям экспертов, Ирина Ильинична вступила в конфликт с Еленой Григорьевной и, под предлогом болезни, скрылась. Ведутся поисковые работы. Придется завести уголовное дело...

ОСа.

• Ба, знакомые все лица!..

Он очень глубокомысленный человек. По утрам он занимается медитацией, связывается с Космосом и ест толченое стекло. В университете он — ловелас и сердцеед. По вечерам делает уроки и развлекает друзей игрой в бирюльки. В хорошем настроении пишет критические статьи под псевдонимом «Узус-Антитезис». КТО ОН?

• А ну-ка, пацаны...

Удивительные штуки проделывает Игорь Б. своими губами. В частности, на ночном праздновании Дня Первокурсника он красиво разложил свои губы на подушке казенного пуфика. Кроме того, он умеет делать губы бантиком, сердечком, крестиком, вязать из них узелки, закручивать спиральки, доставать нижней губой нос и многое, многое другое.

ЗоРро.

• Уроки истории

Не всем известен тот факт, что создателем «ГоНа» является Михаил Орловский.

Сидя 21 ноября на паре русского языка, М.Орловский тяжелым мужским взглядом следил за бегущей возле доски М.Очеретиной. В его голове зародились мысли о расстреле. Хотелось сделать что-то приятное, и он толкнул ЗоРро, сидевшего рядом:

— А неплохо бы нам сделать свою газету? — поведаль Миша.

— Неплохо, — ответил ЗоРро.

В этот момент Миша не понимал, на что обрекает себя. Его имя было впоследствии растоптано и заменено на псевдоним М.О. (как у Маши Очеретиной, прямо!). Он стал писать ностальгические стишки и жить в общежитии. Все лавры славы приняли на себя МыШ и ЗоРро.

ЗоРро, МыШ.

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА А.А.

«Кто ищет, тот всегда найдет...»

• Поэзия

Шпаргалка

Мечта моя — шпаргалка,
И чтоб по всем предметам,
И чтобы все вопросы,
И чтоб не слишком мелко,
Но вместе с тем —
компактно,
Удобно и не видно.
Мечта моя — шпаргалка,
Но нет ее. Обидно.

Я холодными ногами
Ночью, под твоим окном
Топаю, хожу кругами,
Мысли только об одном...
Сделай руки колпачками,
Похихикай нервно, —
Я словлю тебя сачками,
Разобью колено.

Ночь, луна, погасли лампы,
Полосатые носки,
Вопли спящей ночью мамы,
Возбужденные соски,
Спертый воздух, ноздри, очи,
Шарик с потолка повис, —
Кто-то очень, очень хочет,
Чтобы я сплясал на «бис»!

ЛожАн.

• Фраза недели

- «Хорошо смеется тот, кто смеется, как Шишкин!»
- «Было у отца три сына: двое умных, а третий — журналист».

А.А.

• Окказионологизмы

- «Ребятки, хвосты не копите, академки дают только в крайнем случае: в реанимации или родил».

М.Ф.

- «Жизнь у сперматозоида маленькая, но очень интересная».

Лебедев (медик с «медицины»).

- «На Сторожеву где сядешь, там и слезешь», — поделилась опытом Е.И.Фролова.

- «Ну, умный. Убью», — мягко сказала Е.Фролова Александру Сапожникову.

- «Максим [Шишкин] все делает на 175%, и я никак не могу загнать его в угол».

- «Где водится Щукина? Знает кто-нибудь?..»

- «Возьмите ноги в руки... и бросьте их».

- «Ну ты, Саша, фигурант!» — сказала Е.Фролова, окинув взглядом крепкий торс А.Сапожникова.

Л.И.Фролова («Теория и методика...»).

- «Мальгин! Абстрагируйтесь к реальности», — не в бровь, а в глаз сказала М.А.Очеретина Андрею М. «Начинает заговариваться», — подумал А.М.

- «О том, чтобы его убили, ему и в голову не приходило».

- «И не дам ни минуты сидеть в покое!»

- «Я посмотрю по словарю и вам потом договорю...»

М.А.Очеретина.

- «Погода похолодала».

- «Да, да. Программа Александра Лебедева «Один на один».

- «И мерила этому нету...»

В.Н.Фоминных.

- «У меня — непреходящая любовь к социологии».

- «Журналисты газет не читают, они их пишут и делают».

- «Шизофрения — плюрализм в одной голове».

Р.Л.Исхаков.

- «Меня, как нормального человека, послали на Агафуры...»

□ «Можно я своим няф-няфом обращусь к твоему нюф-нюфу?» — спросил я у своей любимой девушки. Больше я ее не видел...»

□ «Что я говорю — левый базар».

С.Ю.Вишневский (социолог).

□ «Вы нам нрав пока не подсовывайте. Это из другой оперы...»

□ «Меня там где-то в середине не вслушивают».

Р.М.Буркутбаева.

□ «Сейчас я раздаду список вашей группы».

□ «Мои попытки что-то изобразить всегда вызывают оживление в зале».

□ «Староста наша помогает управляемости коллектива».

□ «Мнение у коллег о полосе не спрашивайте — взгляд у них испорченный».

Л.М.Макушни.

□ «Мальчики и девочки: одни дают, другие берут... и наоборот... хотя здесь встает вопрос о мужчинах и женщинах...»

Е.П.Стародубцева (логика).

□ «Все действия вытекают из толчка».

И.Е.Васильев (литературоведение).

• Если вы завалили экзамен

1. Не пытайтесь выброситься из окна — людей убьете еще ненароком.
 2. Не пытайтесь вешаться — потолки не казенные.
 3. Идите и напейтесь.
 4. Если не пьете, то все равно пейте.
 5. Включите «Сектор газа» и кричите: «Опа, опа, зеленая ограда!» или «Дави на газ!».
 6. Не спешите идти домой — сходите в казино или в стриптиз-бар.
 7. Одевайте лыжи и идите в горы.
 8. Помните, что экзамен этот для вас не последний.
- А в общем, поступайте как хотите!

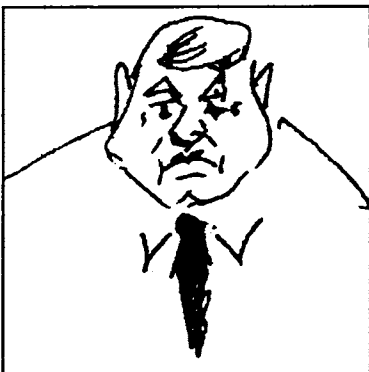
М.О.

•Проза: Зловещий УрГУ

Пролог

Трамваи шли медленно и величаво. Михаил Орловский посмотрел на часы: было без двадцати девять. «Опаздываю», — подумал Миша. Наконец из-за угла вывернул его «пятнадцатый». Орловский неспеша закурил. Как раз тогда, когда он выкинул бычок, трамвай добрался до остановки. Обогнав какого-то дедулю, Миша сел на единственное свободное место. Но, несмотря на все его успехи, Орловскому было грустно и даже более того — страшно. По мере продвижения нарядные дома постепенно меняли свой цвет. Все вокруг серело. Водитель, словно осознавая важность происходящего, вел вагон до того торжественно, что Миша почувствовал себя в гробу, который несут на кладбище. Ему даже почудились звуки сыплющейся земли и чей-то надрывный голос, читающий последнее «прощай» покойнику. Тут все закрыла тень. «Положили крышку», — с болью подумал Михаил и открыл глаза, — надрывный голос вывел его из транса, сказав ужасную фразу: «Остановка «Оперный театр». Это было хуже смерти. Дома вокруг посерели окончательно, а в центре этой серости, как бы апогеем, стояло мрачное здание с уходящими ввысь угрюмыми колоннами. Миша ступил из вагона на землю. Как раз в этот момент в его мозгу запел хор ангельских голосов и

заиграли торжественно грозные фанфары. Видимо поразившись нечеловеческой, почти собачьей тоске Мишиных глаз, женщины ахали и крестились, а мужчины опускали глаза к земле и снимали, несмотря на мороз, шапки. Миша подошел к огромной двери, постоял, помолчал немного, как бы прощаясь, вздохнул и исчез в темноте главного входа. Было без минуты девять утра. Семинар у Лозовского начинался в девять. «Попался, голубчик!» — подумал Лозовский, наблюдая эту сцену из окна четвертого этажа и потирая руки...



Глава I

Миша нервно курил в туалете. На семинаре он залажался (*авт.*) просто позорно. Лозовский так и сказал: «Позор тебе, Михаил Орловский!». Миша чуть не плакал. В туалете его успокаивал «голубой» мальчик. В буквальном смысле успокаивал, конечно. Он говорил:

— Мишенька, не обращай внимания. Ну, подумаешь, вместо слов «Борис Николаевич» сказал: «Испарись, Николаич!». С кем не бывает — оговорился, и все тут...

Орловский в ответ грязно ругался про декана. И тут ему пришло видение. Сперва появилось в воздухе болезненно-бледное пятно. Потом на нем проявились очки, сзади золотились крылья. Где-то заиграла арфа, и Миша упал на колени.

— Миша, ты что: говно (*авт.*) ведь! — сказал «голубой» мальчик, но тот его не слышал. Слезы текли по Мишиным глазам.

— Ребята, — сказала видение голосом Марии Федоровны, — вы помните, что ругаться про преподавателей нужно с оглядкой? — И оно ангельски расхохоталось.

У Михаила мелькала почему-то одна-единственная и глупая мысль: «Женщина? В мужском туалете?!». А потом пришло радостное озарение: «Всемогущая!!!» — и он стал биться головой об пол, а «голубой» мальчик приговаривал:

— Миша, ну говно ведь кругом, Миша...

Тем временем видение исчезло. Миша постепенно выходил из экстаза. Сердце у него бешено колотилось. Орловский поднялся и отряхнул колени, измазав руки. Потом он уяснил то, что сказала видение, и еще раз умилился и громко поблагодарил Всевышнего. Тут в кабинке раздался шорох газетной бумаги. Приятели переглянулись и побледили. Миша оказался сообразительнее и, сложив губы бантиком, обратился к кабинке:

— Борис Николаевич, — старательно выговорил он, — я вас люблю.

— А я тем более, — подарил, страстно прошептав, «голубой» мальчик. В кабинке смущенно захрютели. Михаил был сейчас просто очарован. Губы сами складывались в трубочку, а уши стремились к затылку. «Голубой» мальчик старался, по мере сил, подражать ему. В тот момент, когда их рожи приняли наиболее похотливое выражение, из кабинки вышел Васильев, красный, как рак. Он взглянул на них, насупившись, произнес: «Гомики!» — и направился к выходу. Два друга быстро сориентировались и наперебой загалдели: «Мы и вас любим, Игорь Евгеньевич!». Васильев ускорил шаг, перейдя на легкий аллюр.

P.S. Все имена вымышленные. Просим извинить за случайные совпадения.

Лож.Ан.

• Очевидное-невероятное

Удивительные открытия сделал ученый муж, гигант мысли, отец русской демократии А.Архипов. Он заключил, что если пнуть человека по филейной части (заду), то онный начинает кричать, а при особенно удачном ударе он может даже упасть. Проведены исследования на бомжах, домохозяйках, редакторах газет, старших сестрах и младших братьях. А.Архипов пытался провести испытания на студентах, по перепутал студента с деканом и был посажен.

Университетская история.

Б.Н.Лозовский.

• От народа: Праздник

...«5-й курс выступил, конечно, здорово», — сказал нам независимый эксперт. Не могу с ним не согласиться, но больше всех мне запомнилась одна дама с прищепками (ДСП). Надо отдать ей должное: голубые прищепки на фоне белой блузки смотрелись очень живописно, равно как и сама (ДСП) на сцене. Особо душераздирающее зрелище пришлось наблюдать зрителям при попытке (ДСП) влезть в импровизированный TV. Но это еще ничего. Ляпота началась, когда (ДСП), нежно сплетя свои ляжечки, с чувством положила их на стол, чем довела Игоря Б. до состояния экстаза.

Итог подвела Л.Митюшкина, сказав: «Ну и ж... эти пятикурсники! Никогда такой не буду».

ЗоПро.

• АНОНС

Очень скоро Филипп Чудинов (Philipp Chudinov) спляшет «лунную походку» Майкла Джексона перед М.Мясниковой. Ожидается присутствие фото-журналистов «Time», «Vashington-Post» и — скромное — журналиста из «ГоНа».

• Устами студента

- — Чья это шуба? — спросили у Ольги Теткиной.
- Теткина, — честно ответила девочка.
- — ...А что это у нас князь Березовик-Теткин ни хрена не жрет...
- ...Крестьяне сильно боялись барина-самодура Шишкина...
- ...Миша Орловский строил глазки из песка.
- А.С. — жертва морфемного и стилистического разврата.
- Ты не Теткина, ты — дядькина...



- По-очеретински раскинув руки, лежала на снегу консервная банка...
- На факультете журналистики процветает лозовщина...
- Голод — не Теткина.
- Буйным цветом цветет малина Очеретиной — кафедра стилистики.
- О, Очеретина, вам имя — Вероломство!
- Лида Митюшкина — Сонька-Золотая Ножка. Почему золотая? Дык это потому, что сильная.

□ «В измене есть большая польза: девушки уже не будут так легковёрны».

Вс.Доможиров.

□ «Он слишком свободен в своих чувствах. Вот если бы все были дон-жуаны...»

□ «Можно я что-нибудь скажу?»

А.Зуева.

□ «Сальмонелез. Источник: животные, птицы, человек (яйца заливать 10%-ным соляным раствором).

М.Киров (из конспекта).

□ «Ее ноги росли от коренных зубов».

А.А.

□ «Пройдусь по абрикосовой, сверну на виноградную...» — напевал Игорь Б., наливая себе фруктовой водки.

• Глаз Народа

КОЛОНКА ДОБРОЙ КРИТИКИ

Давненько-с наши многоуважаемые читатели не читали критики в адрес нашей пре-многоуважаемой газеты и в адрес премногоуважаемого коллектива редакции. И вот час настал...

Не могу удержаться, чтоб покорнейше не поблагодарить за все хорошее главного редактора газеты. Вы знаете... Это такой человек, такой человек!.. А как он работает!.. А как он пишет!.. А гонит-то как!.. Боже мой! Готов уверить вас, что в рядах журналистики не было еще таких... (извините, волнуюсь...) не было еще таких, понимаешь, талантливейших журналистов!

А газета? Независимая-то которая? Конечно, знаете, конечно, читали! Она по-прежнему своей объективной информацией идеологически обеспечивает прогрессивное развитие журфака. Газета служит... И чему, и кому она только не служит! И КГБ, и МВД, и ГРУ, и Лозовскому, и Блажесу... Вы представляется?

Возьмем-с, например, последний № 12 от 8.02.96. Как вы думаете, что «Гон» публикует прежде всего? Конечно, криминальную хронику. И правильно! Нам не нужны разгильдяи! Шерше ля фам... т.е. шерше ля «А.А.». А сколько восхищения в стихотворении, посвященном Андрею Мальгину, последнему фанату Блажеса. И правильно! Таких рекордов не ставил еще никто. Это поучительно! В общем, все хорошо, все прекрасно!

Но как бы мне этого ни не хотелось, все-таки придется сделать одно малюсенькое-премалюсенькое замечанище. . . Право, очень стыдно... Я имею в виду последнюю строчку из стихотворения, посвященного уже известному нам А.Мальгину. Я напомним, с вашего позволения: «Ну, а Блажес... Да на хрен он нужен!»

Обратим внимание на жаргонизм «нахрен». Вчитайтесь: на-а-а-хре-е-н. Типичный тайный жаргон какой-то деклассированной молодежной группы. Область метаплазмы состоит из графемы, фонемы, гиполексемы и пропозиции. А вот в области метатак-

сиса не достаёт одного силлепсиса, гипербатона, антанаклазы. Вышли небольшие накладочки с информантами и актантами. Так вот, спрашиваю: какого хрена использовать столь важную языковую единицу, нихрена не разбираясь в теории русского языка? Действительно: нахрена он (жаргонизм) нужен? Подбирайте выражения, их ведь дохрена в языке... Ой, что-то я разговорился. Все, заканчиваю. Да простит мне Господь Бог... (и редактор «ГН», — ред.).

Узус-Антитезис.



• Проза: ПАРАША

Глава 1

В окно глиняной крестьянской мазанки с какой-то ленивой целеустремленностью стучались жирные зеленые мухи. Им было жарко. За ними тяжелым взглядом опытного разведчика следил Миша Орловский. Уже двадцать лет прошло, как он оставил воровское ремесло и перешел к тихой, размеренной крестьянской жизни. Небольшое крестьянское хозяйство: корова Рамона, собачка Луис Альберто и мохнатый верблюд Максик, — составляли цель и смысл его жизни.

Конечно, старые друзья никуда не делись. Время от времени к нему на рюмку чая и бутылку хлеба навещались они. Приходил сталевар Антон Ложкин, повар передвижной столовой кухни №227 Алексей Суров, банкир М. Шишкин с трехлитровой банкой в руках и Гражданин Вселенной Коля Яблонский. Друзья вспоминали о своей ударной молодости, но без ударных выражений.

И сейчас, когда фермер Миша разглядывал свои мозолистые фермерские руки, а по его щеке катилась скупая мужская слеза, в дверь осторожно постучали.

— Кто там? — спросил Миша.

— Это я, — послышалось за дверью.

— Нет, это я — я, — возразил Миша, прижавшись большим розовым ухом к шершавому дереву дверного косяка. Дверь ненавязчиво пнула, и опавший Миша разглядел в дверном проеме свою блестящую троицу.

— Так бы сразу и сказали, — сказал Миша и освободил проход.

Грохоча валенками, одетыми на босу ногу, вошли Коля Яблонский и Антон Ложкин в шортах на подтяжках. А следом за ними, — Миша не поверил своим глазам, — таинственно сверкая очками, Саша Сапожников. Следом ковылял банкир Шишкин.

— Ровняйся! Смир-рно! — скомандовал Саша, и славная четверка выстроилась.

— Я к вам пришел, чтобы нести умное, доброе, вечное, — начал свою речь Саша, и его понесло. — Распустились тут без меня! Миша — в навозе по уши. Шишкин — в банке. Я уж про других молчу! — он смерил уничтожающим взглядом Ложкина и Гражданина Вселенной Яблонского.

— Итак, с сегодняшнего дня жаргон и клички отставить! Не пить, не курить, не воровать... без меня. Обращаться друг к другу только по имени и отчеству! Вот тебя как зовут? — спросил он МыШа.

— Шишкин, — сказал МыШ.

Саша хряпнул МыШу по роже и заорал:

— Я же сказал: клички отставить!

— Это фамилия, — растягивая слова, сказал Шишкин, — а имя — Максим. Максик!

— Как верблюда, прямо, — хрюкнул Миша-Лысый Орел, за что получил по уху от Саши.

Затем Сапожников обратил внимание на Колю Яблонского и обмер. Когда Коля говорил, создавалось такое впечатление, что он говорит левой ноздрей, да еще с таким усилием, как будто левую ноздрю он пытался поднимать правой.

«Будет трудно», — подумал Саша, разглядывая свое войско.

• Отклики на «Зловещий УрГУ»

□ О, жите мое! (М.Орловский).

□ Это что, правда?.. (А.Лямцева).

□ Как в дурдоме! (МыШ).

□ Почему не освещается вопрос о пиве?.. (А.А.).

□ Ляпота. (ЗоРро).

• Глаз народа КОЛОНКА ДОБРОЙ КРИТИКИ

«Вы знаете... Мне очень трудно не восхищаться газетой «Голос Народа». В социально-историческом смысле это истинно свободная газета, которая явно обеспечивает прогрессивное развитие 101 группы (да и, впрочем, всех журналистов). Теоретические основы, идейные принципы и организационные формы «ГН» отражают образец печати *нового типа*. Газета обладает воспитательной силой, проводится кампания борьбы против курения и пьянства, и пр., и пр. Достоинств «ГН» не перечесть-с.

...Но одно-единственное меня не устраивает. После тщательнейшего анализа третьего номера мною были обнаружены малосенские изъяны: не хватает одной синекдохи, двух метафор, одной запятой, три точки. Неправильно употреблены метатакис, два металлогизма, синерезис, прозопопея, гипербатон. Редактор забыл ввести нулевую ступень, колесо Вергилия, экстазис. И если бы не протеза в 13 строке 6 полосы, субституция достигла бы своего правильного значения.

Обращение. Милостивый государь редактор М.Ш.! Спешу просить Вас о снисходительном извинении меня в том, что спешная работа и другие обстоятельства воспрепятствовали подробнейшему исследованию Вашего произведения печати «Голос Народа» и очень прошу принять к сведению все те недостатки, которые я посмел (негодяй такой!) заприметить в строчечках газеточки.

С чувством безграничного почтения и совершенной преданности русскому языку остаюсь душевно Вас почитающий критик-с.

Узус-Антитезис.

• Текущее

□ «Терминатор вернулся», — подумал М.О. и тихо сполз по стене. По коридору шел А.Фаюстов в скромных очках цвета мокрого асфальта.

□ «Еще один сгорел на работе», — подумал ЗоРро, глядя на спящего на парте Г.Ло-

макина.

□ «Все, что ни делается, все к лучшему», — подумал А.А., поскользнувшись и разбив 40-градусную бутылку водки.

□ «От улыбки станет всем светлей», — думал М.Орловский, улыбаясь в темноте на фотоделе.

□ «Бойтесь Фроловой, дары приносящей!» — подумал Саша Сапожников, узнав, что на практику он поедет в Кызыл-Орду.

ЗоРро.

«Мартафляг — старинный всенародный праздник, официально празднующийся в ночь с 23 февраля по 8 марта, а неофициально — с 1 января по 31 декабря. Праздник этот характеризуется большими массовыми гуляниями, отравлениями, смертями и прочим...» (БСЭ).

ГИМН МАРТАФЛЯГУ

Знает каждый мартафлежник,
Мартафлю и мартафлек, —
Если пить коньяк из фляжки,
Удлините вы свой век!
Можно пить и из бутылок,
И из мисок можно пить;

Можно гнать и из опилок,
Можно землю носом рыть.
Но нельзя позорно трезвым
В дом с учебы приходить.
Мы таких не уважаем,
С детства надо их душить!

А.А.

• М.Шишкин рассказывает



— Есть масса девушек, которые не хотят выходить замуж.
— Откуда ты знаешь?
— Я им предлагал...

• Поэзия: Ода

Студент какой-то пьет в углу,
Сейчас ему я помогу:
Стипендию не дали мне,
И без нее я не в себе.
Помочь товарищу я рад,
Но он налить не хочет, гад!
Я присмотрелся — в сердце рана,
Так как узнал я в нем декана.

Он пионер борьбы с курением,
Считая это отравленьем;
А сам он курит в кабинете,
Надеясь зря, что незаметен.
Декану мы сказали так:
«Пошли курить мы на филфак».

Кукрыниксы.

• О нравах...

Совсем потерял честь и достоинство юный журналист Михаил О. Честь попалась около пивного киоска на ул.Луначарского (адрес в редакции), а достоинство так и не нашлось. Отвалилось где-то...

А.А.

• Жалоба

Ну и студент нынче пошел: на себя положишь — скатывается, под себя — задыхается, набок — спит, посадишь — пьет, поставишь — уходит.

Студентка из общаги.

• Разное

ПРОПАЛА ЖИЗНЬ.

М.О.

•Проза: Охота (по мотивам народных преданий)

«В твоём чуме холодно, дети не кормлены, Дырвый Лапоть, ты некудышный охотник!» — сказала Мише его жена. Миша задумался. Наступал Новый год, а его старший сын, Лысый Орленок, до сих пор ходил в рваных мокасинах.

Михаил выполз во двор. Поправил на груди автомат Калашникова, проверил гранаты, боезапас, противогаз и презерватив, — в общем, вышел на тропу войны. Тропа войны вывела его к городской свалке. Слева послышались шаги. «Добыча!» — мелькнуло в голове. Но нет, не добыча, это был старый друг Миши — Радик-Великий Змей.

Друзья сползли и попытались обняться. Со стороны Миши этому мешала СВД (снайперская винтовка десантная), со стороны Радика — пулемет «Шпандау» немецкого производства. «Как ты? — просил Миша друга, — все еще живешь?» — «Да, — отвечал Радик, — живу, вот, работаю в фирме. Сбиваем самолеты с гуманитарной помощью». — «Слушай, — прервал Миша веселое сопенье друга, — а какой у тебя размер мокасин?» — «Сорок пятый», — беспечно и наивно отвечал тот. «А ведь точно-точно, как у моего сына», — подумал Миша. Раздалась автоматная очередь. «Будет теперь, значит, подарок Лысому Орленку», — улыбался заботливый отец.

Наступал Новый, 19.. год.

А.А.

• Поэзия

Сверкало небо звездное,
И плыли облака,
И ползал в грязной луже
Упившийся А.А.

ЗоРро.

• Проза: Неизвестные

Прямо перед моей дачей — дорога. По ней ездит на своем мотоцикле только сосед-милиционер, а ночью вообще никого нет, лишь народ с последней электрички. Однажды такой последней электричкой приехал я. Шел один, темно. Вдруг слышу голоса —

тихие, еле слышно. Смотрю — машина в кювете, в ней, видимо, и говорят. Думаю, пройду мимо — какое мне, собственно, дело? Ан нет — знакомую фамилию услышал, встал как вкопанный:

— Да, выгоню я, пожалуй, этого Сурова, — голос мужской, похожий на ленинский, но без картавинки. Да, думаю, жалко Леху.

— Борис Николаевич, так ведь с ним и Ложкина надо, — сказал женский голос скороговоркой. Тут уж и я испугался — вдруг машину придется взрывать?

— Эх, Мария Федоровна, так ведь весь курс придется выгонять, — это «Ленин» говорит.

Я подобрался поближе. Курят, злодеи. Тишина полная: такое ощущение, что существуем только мы трое, да ветер в соснах шумит. Тайнственные двое помолчали. Потом:

— А ведь Ложкина выгонять нельзя, — мужчина.

— Почему?

— А мы напротив его дачи находимся. Кто нас вытаскивать отсюда будет?.. Вот пусть Ложкин и вытащит. Без него никак. Все-таки крепко застряли.

— Ну, тогда и Сурова не выгоним.

— Верно.

У меня от сердца отлегло. В общем, побежал я за досками и веревками — надо же тех двоих вытаскивать!

ЛожАн.

• Веселый Универ

Кто-то, даю вам все свои головы и руки на отсечение, далеко не самый умный признался, что на журфаке учиться скучно. Скучно? Не может быть. Предлагаем читателям «ГН» несколько наблюдений. Итак...

Древнерусская литература. Так вот, значит, как-то раз Вовка Мономах отправился на охоту. Путь был неблизкий, почитай, верст 200. Ну, Вовка-то натренированный, гад, попался. Ну, значит, на 113-й версте сдох его верный конь Шарик. Тут охота и началась. То зубр прибежит к Шарику, то волк, то, понимаешь, шакал. Но Вовка крепок был. Не зря под полой своих штанов держал поллитры. Пьяному, как говорится, и море по колено. А придет домой — и начинает писать «Поучение». Вот какой был Вовочка, а вы говорите — Блажес!

Русский язык. Откроем словарь синонимов. Читаем: «Напиться, упиться, набраться, накачаться, нализаться, налопаться, натрескаться, налакаться, наклукаться, нарезатьаться, натянуться, насосаться, нахлестаться, наспиртоваться, назюзюкаться, назюзиться, налимониться, нажраться...» Как говорится, комментарии излишни!

Античка. В общем, сюжет (1а) «Орестей» очень прост. Приходит Агамемнон с войны домой, а у жены любовник. Этот хахаль оказался сильным малым. Он взял и до смерти от...делал Агамемнона.

Немецкий язык. «Айн, цвай — полицай, дрей, вир — кайлен вир, фюнф, зекс — кваптер кекс, зибен, ахт — унд дер нах. Я, я, я, вас ист гут, вас ист дас, я, я, я, вас ист гут, вас ист дас...»

Основы журналистики. Жил такой человек — Тезаурус. Ел, спал, пил, пил, еще раз пил, еще раз спал. Однажды, проснувшись после очередной попойки, он понял, что надо идти к Кропотову. И ведь пришел-те, гад. Может, дать ему поллитра, чтобы он ушел, а?..

Теория литературы. «Понимаете, ребята, течение мысли по объекту — это своего рода музыка», — сказал Васильев и, достав «Рояль», исполнил танец маленьких лебедей.

Б.Н.Лозовский. «А «Голос Народа» вообще надо закрыть, потому что М.Ш. не знает ст. 52 УК РФ».

А теперь — **ХИТ-ПАРАД!**

На **10-м** месте Л.И.Слесарева (экономика) с высказыванием, что люди в России живут лучше, чем обезьяны на Аляске. **9-е** место у Л.А.Кропотова, который признался: «Ну не знаю я, что такое биде!» На **8-м** месте М.А.Очеретина: «Конец нашелся наконец». **7-е** место 3 месяца занимает препод по античке с заявлением: «Лучше бить по барабану, чем читать Аристофана». **6-е** место у С.Васильева (теория литературы) и его стихотворения: «Дуб, курица, топор, поехал». **5-е** место заняла М.Мясникова: «Студентом можешь ты не быть, а телек посмотреть обязан». **4-е** место у Блажеса: «Я знал Ивана Грозного! Он, м-м-м, Грозный...». **3-е** место занял Чемоданов: «10 километров легкого бега, общефизическая подготовка, ну и потом для разгрузки легкий бег в 20 километров...». **2-е** место мы отдали И.Ф.Муравьевой: «Я очень люблю студентов, а раньше я их просто хотела». **На вершине Олимпа наш Боб** — Б.Н. Лозовский, который заявил, что только журналисты могут открывать дверь деканата ногой.

М.О.

• Реклама и платные объявления

☐ Продается мотоцикл и бык с запчастями к нему.

А.Фаюстов.

☐ Продаю пиво в кредит.

А.Архипов.

• Поздравления и праздники

☐ К юбилею нашего редактора выпущены следующие товары: конфеты «Шишкин на Севере», репродукция картины «Шишкин в сосновом бору» (холст, масло, пиво) и мыло «По Шишкинским местам».

ЗоРро.

☐ Однажды среди многочисленных корреспонденций, откликов и статей нами был найден следующий документ. Его текст мы приводим вашему вниманию.

Совершенно секретно
(до прочтения уничтожить)

ПРИКАЗ № 001

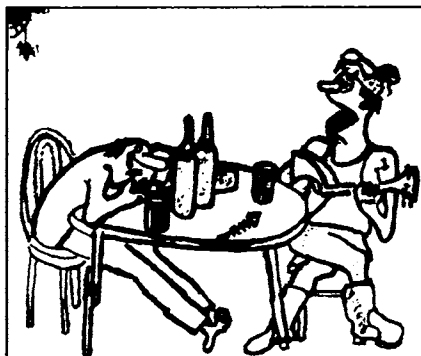
В целях повышения обороноспособности личного состава ПРИКАЗЫВАЮ:

Провести молниеносный и решающий бухыч в тыл противника. Бухыч провести 20-го апреля с.г. в честь 22-го апреля с.г. Ответственным за проведение операции назначаю полковника Залилова Р.Р., общее руководство операцией возложить на генерал-майора Архипова А.С., прапорщика Шишкина М.Ю. расстрелять как дезертира, монгольского шпиона и ризэлтера.

Генерал-майор А.С.Архипов,
снусмумрик.

10 марта 1996 года.

• Учеба в картинках



Мыш и А.А. пили бутылочное пиво, разбавляя его водкой. После изрядной дозы Мыш открыл в себе способность играть на балаалайке, чем и развлекал пьяного А.А. По щеке А.А. скатилась скупая мужская слеза...



А.Сапожников на военном деле.



В перерыве 2-й пары 28.11.95 г. Мыш, ЗоРро и А.А. ходили на любимое Дело — пить пиво. Вернувшись, они поняли, что опоздали на продолжение лекции Б.Н.Лозовского и долго оправдывались перед ним. Особенно старался А.А., размахивая правой дланью...

• Реклама и платные объявления

Лечу от всех болезней на самолете ТУ-134. Желаящим — обращаться, не пожалее! Адрес в редакции.

• Используемые псевдонимы

ЗоРро — Радик Залилов.
Мыш — Максим Шишкин.
А.А. — Александр Архипов.
Узус-Антитезис — Алексей Фаюстов.
М.О. — Михаил Орловский.
ЛожАн — Антон Ложкин.
Кукрыниксы — Алексей Суров & Со.
Оса — Оксана Сычева.

Главный редактор — М.Шишкин.
Ответственный редактор — Р.Залилов.
Эксперт — А.Архипов.
Критик — А.Фаюстов.
Секретарь — О.Сычева.

Подписано в печать 11.01.00 г.
Тираж неизвестен.
Адрес редакции: Екатеринбург,
Главный пр. 51, 4 этаж, оф.401.
© «Голос Народа», 2000 г.

Галерея

Борис



**Ирина Смоляная. В.И. Ленин в Смольном угощает М.Ю. Шишкина шоколадкой
(В.И. Ленин конспектирует монолог великого журналиста).**



**Ирина Смоляная. Свидание Муха с мамой
(портрет с булочкой).**



**Ирина Смоляная. Б.Н. Лозовский
с персиками (зачетки и взятки).**

Когда верстался сборник...

Верстался он до-о-лго, потому что КТО СТОЛЬКО ПИШЕТ? А посему оба Макса успели выпить не одну бутылку пива и родить не одну свежую мысль. По пути к верстке встретили Марию Очеретину. Это был знаменательный день в жизни Марии Александровны... Она была все такая же маленькая и все в том же коричневом берете. Нам это показалось добрым знаком. Макс (уже Киров) забыл главную мысль. Светка единолично съела почти все купленные булочки. Радик зримо сочувствовал. Анька Зуева несколько раз обещала моральную поддержку. Поддержка просто висела в воздухе. Иринка Градобоева успела съездить домой и выбрать следующего президента России. Игорь Березовик обильно окультуривал всех своим отсутствием и симультанно воспалялся в Березовском. Леша Фаюстов искал прекрасное в себе и в Питере, но нашел, как ни странно, в Екатеринбурге. Сева, редиска, укатил куда-то далеко. Наташа Жердева и Ирина Смоляная повстречались в редакции «КП-Урал» и страшно этому удивились. Оксана Избышева перманентно кочевала между АПИ и «Студией-41». ГКЧПинский (т.е. Гена Качинский) тоже показал себя не с лучшей стороны: не обращая внимания на требования Светы, он стабильно тормозил... В смысле, не сам, а поступление фотографий на верстку. Лида Митюшкина так и не нашла потерянную у нее на даче водку, но это ее никак не извиняет. Леха Кашпуров вручную распространял «Теленеделю» у вокзала и совсем забыл о написании своего диплома. Филу (Филиппу Чудинову) исключительно не хватало еще одной работы помимо двух существующих, поэтому он пренебрег соленой килькой, которая была у нас, и не сдал свою третью работу (уже для книжки). Настя Силантьева, по-видимому, ремонтировала унитаз, который случайно был проломлен на праздновании после ГОСа.

Те же, кто присутствовал, ругались на тех, кто не сдал материалы и фотографии.

Случалось и так, что мы слишком сильно уставали. И когда мы сильно уставали, то...



Оглавление

От автора-составителя	2
«Надо чаще встречаться...»	3
Глава I. С одной стороны	5
Глава II. С другой стороны	87
Глава III. С прочих сторон	139
Глава IV. Изнутри (приложения)	209
«На посошок» (преподаватели о курсе)	228
«Устами препода»	235
«Голос Народа»	239
Галерея «Воробья»	253
«Когда верстался сборник...»	254

Р.Р.:

Здесь, по идее, должны бы быть САМЫЕ пафосные слова и САМЫЕ пафосные дефиниции. Но все (или, почти все), что можно было сказать об этом «безумном» курсе, мы, думается, уже сказали. Кто-то чуть хуже, кто-то чуть лучше. Теперь слово только за вами...

МЕСТО ДЛЯ ОТЗЫВОВ:

АВТОГРАФ

**Сборник факультета журналистики УрГУ,
посвященный выпуску–2000**

Странная идея:

Кропотов Л.А.

Ментальная помощь:

Лозовский Б.Н.,

Макушин Л.М.,

Попова М.Ф.

Глобальная организация:

Нефедова С.И.

Не менее странное участие:

Залилов Р.Р.,

Киров М.В.

Не очень корректные «корректоры»:

Градобоева И.Г.,

Нефедова С.И.

Компьютерная недоверстка:

Шишкин М.Ю.

Дизайн обертки:

Шишкин М.Ю.

**Уральский Государственный Университет им. А.М.Горького
Факультет журналистики**

Подписано в печать 12.05.2000 г. Тираж 100 экз.

АВТОГРАФ

Сборник факультета журналистики УрГУ,
посвященный выпуску–2000